

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН
ТАДЖИКСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ**

На правах рукописи

ДАВЛАТОВ МУХИДДИНДЖОН АБДУЛХАКИМОВИЧ

**ЛИНГВОКОГНИТИВНЫЙ АНАЛИЗ ЛЕКСИКИ
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЧЕЛОВЕКА В
ТАДЖИКСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ**

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата филологических наук

по специальности

10.02.20 – сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное
языкознание

Научный руководитель:

доктор филологических наук,

профессор

Шамбезода Хусрав Джамshedович

Душанбе – 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ	11
1.1. Когнитивное направление в лингвистике.....	11
1.2. Языковая картина мира и концепт	18
1.3. Особенности методологического исследования вопроса	32
Выводы по первой главе.....	46
ГЛАВА 2. АНАЛИЗ НОМИНАТИВНОЙ СИСТЕМЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ	48
2.1. Тезаурусный анализ лексики интеллектуальной характеристики человека в таджикском и русском языках	48
2.2. Лингвистический эксперимент	52
2.3. Дифференциальный анализ лексических составляющих интеллектуальной характеристики человека	59
Выводы по второй главе.....	70
ГЛАВА 3. СЕМАНТИКО-КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛОЖИТЕЛЬНО-ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЧЕЛОВЕКА В ТАДЖИКСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ	73
3.1. Положительно-интеллектуальная характеристика человека в таджикском языке	76
3.2. Положительно-интеллектуальная характеристика человека в русском языке	105
Выводы по третьей главе.....	131
ГЛАВА 4. СЕМАНТИКО-КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОТРИЦАТЕЛЬНО-ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЧЕЛОВЕКА В ТАДЖИКСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ	134
4.1. Отрицательно-интеллектуальная характеристика человека в таджикском языке	134
4.2. Отрицательно-интеллектуальная характеристика человека в русском языке	157

4.3. Сопоставительный анализ общих особенностей концептуальных микромоделей в таджикском и русском языках	176
Выводы по третьей главе.....	188
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	193
СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ	204
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	205
ПРИЛОЖЕНИЕ	225

ВВЕДЕНИЕ

Современная экономическая, политическая и культурная интеграция людей требует наиболее эффективной коммуникативной системы. Если с одной стороны главной составляющей этой системы считать интернет и социальные сети в нем, то с другой – это электронные словари и современные программы автоматического перевода текста. Последнее до недавнего времени считалось самым инновационным, чуть ли не революционным изобретением человечества на пути глобальной коммуникативной интеграции людей. Однако в последнее время результативность и эффективность этих программ оказались не достаточными для осуществления современных потребностей человечества в глобальной коммуникации.

Для решения современной глобальной потребности людей в эффективной коммуникативной системе, на повестке дня сегодняшней инновационно-технологической науки стоит вопрос создания искусственного языкового сознания, входящего в программу создания искусственного интеллекта. Этому способствует, прежде всего, когнитивная лингвистика, а именно – современная когнитивная лингвистика во взаимодействии с наукой моделирования искусственного интеллекта. Основная задача современной когнитивной лингвистики в данных разработках заключается в том, что она, прежде всего, изучает когнитивные механизмы и процессы освоения и трансформации речи (языка, мысли), в результате чего идентифицируются когнитивные модели, которые в сумме, прототипичным образом, должны образовать человеческую когнитивную систему.

Однако современная когнитивная лингвистика не успевает вовремя и эффективно справиться с данной задачей. Причину этого мы видим именно в затянувшемся процессе перехода от устаревших, закоренелых традиционных принципов лингвистических разработок и их медленной адаптации к инновационным и наиболее эффективным лингвонаучным механизмам. Наша работа **актуальна** тем, что она больше всего затрагивает

прикладную часть когнитивной лингвистики, а также эффективность научно-методологической системы подходов в решении данного вопроса.

Объектом нашего диссертационного исследования является лексико-номинативная база интеллектуальной характеристики человека, выражающаяся, прежде всего, в словарной лексике и в восприятиях носителей таджикского и русского языков, а также в дискурсивных единицах.

Предметом нашего исследования является изучение когнитивных механизмов и особенностей языковой картины мира в процессе репрезентации подконцепта «интеллектуальная характеристика человека».

Цель и задачи исследования. Основной **целью** нашего исследования является выявление, идентификация и моделирование имманентных когнитивных установок лексики интеллектуальной характеристики человека.

Для реализации поставленной цели предстояло решить следующие **задачи**:

- отфильтровать лексику и составить лексическую базу интеллектуальной характеристики человека в таджикском и русском языках;
- определить количественное и процентное соотношения лексем интеллектуальной характеристики в обоих языках;
- идентифицировать смысловое (денотативное, сигнификативное и коннотативное) поле интеллектуальной характеристики человека в обоих языках, коррелируя словарные дефиниции с восприятиями носителей и дискурсивными единицами;
- предварительно структурировать лексическую базу интеллектуальной характеристики человека в обоих языках индивидуально нами и коллективно с респондентами-знатоками (специалистами по русскому и таджикскому языкам);
- подробно проанализировать компоненты сложных слов, определить ядерные, ядерно-периферийные и периферийно-параметрические компоненты лексем, а также определить их категории;

- выявить и сравнить структурные и содержательные особенности словарной базы интеллектуальной характеристики человека обоих языков;
- детализировать и изучить репрезентативные процессы всех единиц интеллектуальной характеристики человека, тем самым определить когнитивные механизмы;
- на завершающем этапе выявить и установить концептуальные модели и микромодели репрезентации интеллектуальной характеристики человека в обоих языках.

Новизна исследования. В настоящей диссертации в сравнительно-сопоставительном плане таджикского и русского языков впервые производится верификация и экспликация внутренних (имплицитных) когнитивных механизмов, процессов и установок лексики интеллектуальной характеристики человека: имманентные свойства данной лексики представляют собой целую конструкцию, которая состоит из когнитивных моделей и концептуальных микромоделей. Напримере данной лексики подтверждается основной постулат когнитивной лингвистики: имплицитная когнитивная система хорошо структурирована, которая может подвергаться достаточной материализации («овнешвлению») и рационализации. Также впервые предлагается наиболее эффективная модифицированная система методов и приемов, которая сформирована из разнообразной лингвистической и общенаучной методики для осуществления принципов данного постулата.

Теоретическая значимость исследования выражается в следующих основных установках: предлагается наиболее эффективный системный подход, при котором можно посредством лексико-номинативной составляющей языка результативно идентифицировать процессы и механизмы когнитивной сущности, выводя ее с имплицитной на эксплицитную, а также предлагается наиболее эффективная категоризация лингвокогнитивного концепта.

Практическая значимость исследования. В прикладном характере, результаты данной исследовательской работы как наиболее эксплицированные и систематизированные когнитивные конструкции послужат теоретическим и практическим фундаментом для создания словарей нового типа – когнитивно-идеографических моноязычных и двуязычных словарей, а также, в виду их широкой категориальности и полимодельности, данные результаты в целом могут послужить полезным материалом в области моделирования искусственного интеллекта, прежде всего, в создании искусственного языкового сознания и его инновационно-технологического развития.

Материалом для исследования послужили двуязычные и толковые словари таджикского и русского языков, составленная база результатов проведенных экспериментов, произведения художественной литературы и публицистические тексты, а также активно использовался Национальный корпус русского языка.

Теоретической основой работы послужили лингвонаучные труды таких зарубежных и отечественных лингвистов, как А. Вежбицка, Р. Джакендорф, М. Джонсон, Дж. Лакофф, Э. Рош, Ж. Факонье, Ч. Филлмор, Н.Д. Арутюнова, Ю.Д. Апресян, Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, А.П. Бабушкин, А.А. Кибрик, З.Д. Попова, И.А. Стернин, Е.В. Дзюба, А.Н. Баранов, В.А. Маслова, Н.Н. Болдырев, С.Г. Воркачев, Д.О. Добровольский, А.А. Залевская, В.И. Карасик, Р.М. Фрумкина, В.В. Колесов, В.В. Красных, А.А. Кретов, Ю.С. Степанов, А.П. Чудинов, Д.М. Искандарова, Х.Д. Шамбезода, О.А. Пак, И. Будна, М.Б. Давлатмирова, М.Д. Мамедова, М.М. Имомзода и др.

Методы исследования. В качестве основных методов, из которых была произведена модификация системы подходов, предназначенная для решения цели и задач настоящего исследования, являются следующие: метод когнитивного анализа, психолингвистический метод, описательный метод, статистический метод, метод концептуального анализа, метод компонентного

анализа, тезаурусный метод, метод лексикографического анализа. Из данных методов было модифицирована система методов, имеющая поэтапный характер: 1) тезаурусный и тезаурусно-статистический методы; 2) лингвистический эксперимент и анкетирование; 3) логико-семантический авторский эксперимент; 4) логико-семантический эксперимент с респондентами-знатоками; 5) метод дифференциального анализа лексических составляющих; 6) лексикографически-статистический анализ; 7) семантико-концептуальный анализ.

Начиная с этапа логико-семантического эксперимента, применяется метод когнитивного моделирования и завершается в семантико-концептуальном анализе.

На защиту выносятся следующие положения:

1) Лингвокогнитивный концепт основательным образом отличается от лингвокультурного и лингвохудожественного концептов, и является более широким;

2) Лингвокогнитивный концепт распределяется на подконцепты, концептуальные модели и микромодели;

3) Названия концептуальных микромоделей можно установить эмпирическим путем, что придает им более объективный характер;

4) В лингвокогнитивных исследованиях принципиально важна роль самого исследователя: он должен быть носителем исследуемого языка или находиться в билингвальной среде;

5) Концептуальный анализ не является отдельным, индивидуальным методом, а представляет собой комплекс разнообразных методов из разных дисциплин: внутри него могут комбинироваться и модифицироваться методы, методики и подходы;

6) Устанавливаются модифицированные экспериментальные методы – логико-семантический авторский эксперимент и логико-семантический эксперимент с респондентами-знатоками;

7) В таджикском языке внимание больше всего концентрировано на оценочных и образных сторонах познаваемого объекта, а в русском языке в этом плане акцент делается наиболее объективным сторонам познаваемого объекта, являясь более «фактическим» языком, содержащим минимальную, чем в таджикском языке, лексико-семантическую экспрессивность;

8) В репрезентации интеллектуальной характеристики человека таджикский и русский языки имеют диаметрально противоположный ментально-языковой характер, так как в таджикском языке положительных качеств больше, чем отрицательных (57% на 43%), а в русском языке отрицательных качеств больше, чем положительных (57,6% на 42,4%).

9) В отличие от таджикского языка, номинативная интеллектуальная характеристика человека в словарной лексике и в языковой картине мира русского языка является наиболее дефинитной;

10) Именно периферийные компоненты в большинстве случаев являются основными репрезентантами концептуальных значений, тем самым формируют уникальность языковой картины мира;

11) Когнитивные процессы и когнитивные механизмы в сознании человека вполне наблюдаемы и дискретны;

12) Каждая микромодель имеет определенные, достаточно структурированные когнитивные процессы и механизмы;

13) Каждое номинативное слово в отдельности имеет собственный когнитивный механизм, который отчетливо показывает отличительную сущность каждого слова;

14) Большинство концептуальных микромоделей таджикского и русского языков по своим общим когнитивным свойствам совпадают друг с другом, и в основополагающей, фундаментальной сущности когнитивных процессов оба языка особым образом не отличаются;

15) Количество концептуальных микромоделей в обоих языках не совпадают, также определены концептуальные микромодели, существующие в одном языке и отсутствующие в другом;

16) Посредством лексико-номинативного составляющего языка является вполне возможным эффективно идентифицировать процессы и механизмы когнитивной сущности, которая при этом выводится из имплицитной внутренней формы когниции во внешнюю эксплицитную форму.

Достоверность и объективность исследования обеспечивается большим корпусом фактического материала в более 9000 номинативных слов характеристики человека из словарных источников таджикского и русского языков, из которых подверглись тщательному анализу более 400 слов интеллектуальной характеристики человека обоих языков.

Апробация диссертационного исследования. Основные положения исследования были изложены на конференциях «Республиканская научно-практическая конференция, посвящённая XX годовщине Дня Национального единства и примирения и Году молодёжи Республики Таджикистан» (Душанбе, от 27.05.2017 г.), «Республиканская научно-практическая конференция «Актуальные проблемы русской филологии, сравнительной типологии и перевода»» (Душанбе, от 30.05.2018 г.), «Международная межвузовская научно-практическая конференция, посвящённая 70-летию Таджикского национального университета «Актуальные проблемы преподавания русского языка и литературы в таджикской аудитории»» (Душанбе, от 18.10.2018 г.), «Международная научно-практическая конференция «Актуальные вопросы преподавания и изучения языков в современном поликультурном и полилингвальном образовании»» (Душанбе, от 26.11.2018 г.). Результаты исследования систематически докладывались на заседаниях кафедры, а также использовались в учебном процессе при преподавании в Таджикском национальном университете. По материалам исследования опубликовано 8 статей, в том числе 4 в изданиях, рекомендованных ВАК.

Структура диссертационного исследования. Диссертация включает введение, три главы, заключение, список условных сокращений, список литературы и приложение. Общий объем диссертации составляет 234 страниц.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

1.1. Когнитивное направление в лингвистике

Современные научные парадигмы имеют высокий темп развития, прежде всего, это проявляется в новых и новых прорывах в инновационно-технологической сфере: бурно развиваются компьютерная технология и моделирование искусственного интеллекта. В данном прогрессивном процессе особое место занимает внедрение языкового (речевого) сознания в компьютерную технологию, и главной перспективой такой тенденции считается создание искусственного языкового сознания, которое должно стать идентичным человеческому. Началом такой концепции стало создание компьютерных программ автоматизации перевода слов, словосочетаний и простых текстов; была проделана работа по созданию речепознавательных программ, что способствовало появлению автоматического устного перевода. Всему этому поспособствовала именно когнитивная лингвистика. Однако всё это впоследствии оказалось недостаточным для обеспечения интенсивных спросов, которых диктует современный темп развития инновационной технологии. Всеобъемлющая глобально-экономическая и культурная интеграция человечества всё больше увеличивает потребности на создание наиболее корректных автоматизированных средств, обеспечивающих эффективной глобальной коммуникации. В этом отношении современная лингвистика не успевает удовлетворить подобные потребности нынешнего прогресса общества. Причиной подобной лингвокоммуникативной ситуации, по нашему мнению, заключается именно в затянувшемся процессе перехода от устаревших закоренелых принципов лингвистических разработок и их медленной адаптации к новым (инновационным) условиям, к наиболее эффективным лингвонаучным механизмам. Также эффективное решение такой лингвокоммуникативной проблематики мы видим в скорейшем переходе современной лингвистики в когнитивное научное русло, где совмещаются все основные лингвистические методы с применением важнейших результатов когнитивной психологии, нейрофизиологии,

социологии и других наук. По словам З.Д. Поповой и И.А. Стернина, основной целью когнитивной лингвистики является исследования мыслительных процессов, «происходящие при восприятии, осмыслении и, следовательно, познании действительности сознанием, а также виды и формы их ментальных репрезентаций» [Попова, Стернин, 2007: 9]. В.А. Маслова выделяет три научные парадигмы в лингвистике: 1) сравнительно-историческая, 2) системно-структурная и 3) антропоцентрическая. Она отмечает, что «Сравнительно-историческая парадигма была первой научной парадигмой в лингвистике, ибо сравнительно-исторический метод был первым специальным методом исследования языка. Весь XIX в. прошел под эгидой этой парадигмы» [Маслова, 2007: 6]. Основное внимание системно-структурной парадигмы, по мнению исследователя, «было ориентировано на предмет, вещь, имя, поэтому в центре внимания находилось слово» [там же]. Антропоцентрическую парадигму исследователь считает «переключением интересов исследователя с объектов познания на субъект, т.е. анализируется человек в языке и язык в человеке...» [там же]. В настоящее время данная лингвонаучная парадигма рассматривается когнитивной лингвистикой, где разрабатываются и «материализуются» имплицитные и эксплицитные структуры и механизмы человеческой когниции.

Сама *когнитивная наука* является междисциплинарным научным направлением, объединяющим философскую эпистемологию (теорию познания), психологию, лингвистику, антропологию, нейрофизиологию и исследований в области искусственного интеллекта [Современная западная философия, 2009: 16-17]. Как известно, точная дата зарождения данной науки считается 11 сентября 1956 год – это один из дней симпозиума в Массачусетском технологическом институте, где выступали с докладами Ноам Хомский, Джордж А. Миллер, А. Ньюэлл и Г. Саймон. Можно сказать, что в то время Н. Хомский как основатель трансформационной порождающей грамматики представлял собою новую лингвистическую парадигму, а Джордж А.Миллер – прогрессивную экспериментальную

психологию, А. Ньюэлл и Г. Саймон в свою очередь представляли компьютерное моделирование и искусственный интеллект. Именно тогда, после этого симпозиума А. Миллер написал: «экспериментальная психология человека, теоретическая лингвистика и компьютерное моделирование познавательных процессов – части ещё большего целого...» [Миллер, 2005: 105]. Все эти три парадигматичные научные направления в совокупности породили когнитивную лингвистику. По утверждению Е.С. Кубряковой можно отнести разнообразные исследования, направленные на изучение отношений языка и познавательных процессов, к когнитивной парадигме: «с современной точки зрения такие исследования следует расценить именно как когнитивные, и хотя в них ещё не присутствуют собственно когнитивные термины и понятия» [Кубрякова, 2004: 8]. Таким образом, зародилась новая научная тенденция, во многом способствующая современному развитию наиболее значимых для человечества наук. В целом, процесс зарождения и развития когнитивной науки можно разделить на три стадии: 1) комплектация («упаковка»¹) данной науки, 2) формирование более чёткой расстановки по научным, когнитивно-ориентированным направлениям и 3) современное, инновационно-ориентированное развитие данных направлений.

Таким образом, из данной комплексной науки сформировались такие научные направления как когнитивная психология, когнитивная нейрофизиология, когнитивная лингвистика, когнитивная теория информации и моделирования искусственного интеллекта и т.д., которые вобрали в себе в качестве основных и вспомогательных инструментов все вышеперечисленные отдельно-научные дисциплины. Причиной такой дискретности когнитивной науки является, как утверждает Ф. Джонсон Лэрд, то, что «разум чересчур сложен для того, чтобы прямо увидеть его или даже изучать с точки зрения какой-либо одной науки» [Johnson-Laird, 1983:3]. Такой синтез представляет собой заимствования основных и общих

---

¹ Данное слово в этом отношении упоминается Кубряковой Е.С. в статье «Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики. / Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004, № 1. – С. 6-17».

положений исследований когниции и мозга. Следует отметить, что термин «**когниция**» в лингвистике понимается, прежде всего, как «предзнание», разновидность имманентных операций и опытов, позволяющие воспринимать и продуцировать знания, внешние познавательные сигналы [Демьянков, 2005: 5].

При формировании каждого когнитивно-ориентированного направления содержится доминантная принадлежность с собственным средством достижения требуемых результатов, зависящих от цели и задачи такого направления. Тем не менее, общая цель у всех подобных дисциплин одна – это создание автономного, искусственного речевого или коммуникативного сознания, другими словами, это моделирование искусственного интеллекта.

В современной лингвонаучной тенденции принято считать, что язык способен репрезентировать концептуальные структуры, «благодаря чему, - как считает Е.В. Дзюба, - исследователь имеет возможность (хоть и весьма относительную) их реконструировать» [Дзюба, 2018: 122]. И в этом отношении роль **когнитивной лингвистики** заключается в наиболее реальной и объективной репрезентации имплицитных закономерностей отношения языка и сознания, точнее – средств, структур и конструкций кодирования и декодирования информации. Как отмечает Е.С. Кубрякова, «новым для когнитивной науки и когнитивной лингвистики можно считать определение языка как средства доступа к мыслительной, ментальной, интеллектуальной и интериоризованной в голове (мозгу) человека деятельности» [Кубрякова, 2009: 8]. По мнению Е.В. Дзюбы, «В качестве генеральной *цели* когнитивной лингвистики ученые видят изучение когнитивной функции языка (т.е. функции познания) во всех ее проявлениях» [Дзюба, 2018: 16]. В этом плане она разрабатывает лингвокогнитивные модели, реструктурированные внешней речью индивида (декодирование или трансформирование), где воссоздаются когнитивные модели, которые распадаются на концептуальные модели и микромодели.

Традиционно считается, что официальное становление когнитивной лингвистики как отдельной науки относится состоявшемуся весной 1989 года Международному лингвистическому симпозиуму, который проходил в Германии в городе Дуйсбург, где его участниками была создана «Международная ассоциация когнитивной лингвистики», и где была проведена первая международная конференция по когнитивной лингвистики. Однако немало учёных-лингвистов приурочивают зарождение когнитивной лингвистики появлением на свет книги «Язык и восприятие» Джорджа Миллера в соавторстве с Ф. Джонсон-Лэрда в 1976 году, которая получила большую популярность в известных научно-психологических, лингвистических и философских кругах [Скребцова, 2011: 7]. Сама «когнитивная лингвистика», как описано в «Словаре лингвистических терминов» Жеребило Т.В., является «направлением, в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм, как когнитивный инструмент – система знаков, играющих роль в репрезентации (кодировании) и трансформировании информации» [Жеребило, 2010: 153]. Однако некоторые важные моменты данной трактовки являются довольно устаревшими, это, прежде всего, касается некоторых неясностей в терминологическом понимании. В первую очередь, следует сказать именно о том, что в когнитивной лингвистике язык никак не воспринимается в качестве *когнитивного механизма*. В этом плане следует учесть утверждение Подвигиной Н.Б., которая отмечает, что «Язык рассматривается не как автономная система, а как способность, обусловленная общими когнитивными механизмами, как открытая система, свойства которой определяются общими процессами концептуализации...» [Подвигина, 2009: 63]. Когнитивный механизм, скорее всего, относится к нейрофизиологическому, нейропсихологическому и нейролингвистическому пониманию мозговой деятельности, и вероятно предполагает функциональную зону или пространство с двигательным аппаратом, где язык, как средство транзитирующее информацию, как инструмент,

функционирует и оперируется. Когнитивная лингвистика занимается именно выявлением такой «функциональности» языка, и через неё – воспроизведением конструкции когнитивного механизма индивида. В результате таких разработок мы считаем, что когнитивная лингвистика пытается наиболее точно определить следующие значимые функции: в чём заключаются особенности мыслительной деятельности индивида или целой группы индивидов, входящие в одну языковую среду, и каков их когнитивный механизм, структуру (а не функцию) которого может изменить язык. Когнитивистами (когнитологами) такая задача решается при помощи основных лингвистических и экстралингвистических методов и подходов, представляющие собой системно разработанный комплекс. Например, в них может входить лексикографический анализ, тезаурусный метод, методы семантического и лексического анализов, методы лингвистического эксперимента и др.

Важными лингвонаучными вопросами, касающимися отношения когнитивных процессов и языка, а также влияния ментально-культурных, этногеографических элементов на данное отношение, и наоборот, последние десятилетия занимались и занимаются такие известные исследователи как А. Вежбицка, Р. Джакендорф, М. Джонсон, Дж. Лакофф, Э. Рош, Ж. Факонье, Ч. Филлмор, Н.Д. Арутюнова, Ю.Д. Апресян, Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, А.П. Бабушкин, А.А.Кибрик, З.Д. Попова, И.А. Стернин, Е.В. Дзюба, А.Н. Баранов, В.А. Маслова, Н.Н. Болдырев, С.Г. Воркачев, Д.О. Добровольский, А.А. Залевская, В.И. Карасик, Р.М. Фрумкина, В.В. Колесов, В.В. Красных, А.А. Кретов, Ю.С. Степанов, А.П. Чудинов и многие другие.

В рамках когнитивной лингвистики разрабатываются концептуальные модели, которые репрезентируют дискретные составляющие концепта, комплексно описывая всё содержание данного явления (ментально-культурные, коммуникативно-функциональные стороны).

В этом отношении ключевую роль играет *когнитивное моделирование*, которое считается современной лингвонаучной парадигмой,

тем самым вбирает всё больше популярности в современной научной лингвистике. Данный лингвонаучный подход является одним из главных способов рационализации и материализации человеческой когниции, максимально интерпретирующий внутреннюю речевую систему и когнитивные функции человека. Такое моделирование в процессе объективного отображения внутреннего когнитивного содержания детализирует все дискретные составляющие концепта.

Когнитивное моделирование, являющееся дискретным [Кубрякова, 2006: 11], с общего (когнитивная модель) распределяется на его составляющие (концептуальные модели далее концептуальные микромодели), т.е. когнитивная модель → концептуальные модели → концептуальные микромодели. Важным здесь являются *концептуальные микромодели*, которые нами воспринимаются как функционально-мыслительные звенья, отражающие специфичную речевую и когнитивную установку, и которые являются минимально-своеобразной составляющей когнитивной модели. Каждая такая микромодель включает в себя лексико-семантические единицы, выражающие минимальные ментально-культурные, индивидуально-денотативные и коннотативные значения. Данные микромодели, соединяясь между собой, образуют целое и составляют концептуальную модель, которая в свою очередь образует когнитивную модель.

Само понятие «*модель*» в современной лингвистике в общем смысле понимается как «абстрактное понятие эталона или образца грамматической, фонологической или иной системы и представления самых общих характеристик какого-либо языкового явления; общая схема описания системы языка или его подсистем» [Жеребило, 2010: 202], а *концептуальное моделирование* - как «сама структура, обладающая объяснительной силой и изображаемая с этой целью в виде схем, объясняющих поведение наблюдаемой ситуации» [Рамхе, 2007: 95]. Также следует добавить, что концептуальное моделирование объединяет когнитивные знания с

лингвокультурными. Такой подход позволяет рационализировать абстрактные и объективные данные как звено мыслительного «ядра», определив их специфичные черты и границы функционирования.

В отличие от когнитивного моделирования, которое выясняет состав информационно самостоятельных модулей и их механизм взаимодействия, тем самым определяя общую “архитектуру” единой системы модулей [Демьянков, Кубрякова, 1996: 56-57], концептуальное моделирование таким же путём определяет самих «модулей» (концептов) в отдельности.

Таким образом, когнитивное направление в лингвистике с его широким системным подходом к исследованию языка и его лингво-инновационным разработкам, представляет собой важнейшее решение современных лингвокоммуникативных споров, которые стоят на главных повестках научно-практической деятельности современной лингвистики. Тем самым, когнитивная лингвистика является одним из основных факторов социокультурных интеграционных процессов, отчего, отчасти, и зависит культурный, политический и экономический прогресс.

1.2. Языковая картина мира и концепт

Человек с самого начала своей жизни стремится понять, изучить себя и мир вокруг себя, тем самым, начинает создавать картину мира. С каждым познанием многообразных объектов реальности и разнообразных абстракций, его картина мира расширяется. Когда у индивида полностью сформируются когнитивные функции, логическая и интеллектуальная целостность, данная картина мира у него переходит от обыденной (поверхностной) формы к более точной, углубленной форме: формируется его аналитическое мышление. В зависимости от научно-познавательной деятельности, где детально анализируются опыт и окружающая среда, а также основные вопросы человеческого существования, у индивидов осуществляется процесс перехода от более точной к более научной картине мира.

Картина мира в самом широком смысле – это «целостный глобальный образ мира, складывающийся в сознании человека в процессе познавательной деятельности» [Ильина, 2015]. Можно сказать, что картина мира – это некая «призма», которая, становясь атрибутом сознания, позволяет индивиду видеть мир: мир узнаваемый, знакомый; увидеть разнообразие не в хаосе, а в коррелятивной системе понимаемых образов. Она тесно связана с *мировоззрением*, однако в отличие от картины мира, которая охватывает всё сознание определённой группы людей, народа или нации, мировоззрение имеет более узкий характер – оно в основном состоит из наиболее полезных и необходимых элементов познания мира. Различие между этими понятиями можно объяснить на примере того, что если в отношении человека допускается говорить, что у него плохое, неразвитое и отсталое мировоззрение, как порицание, то интерпретировать понятием «картины мира» в таком значении невозможно – она не имеет положительного или отрицательного качества, а её объём не поддаётся измерению. Картину мира в целом можно назвать обыденной, а в более узком смысле, точнее в его конкретном понимании, она интерпретируется как *научная картина мира*. В отличие от обыденной, наивной картины, научная картина мира обобщает в себе результаты научных познаний, тем самым она является наиболее систематизированной и имеет более реальный, конкретный характер [Садохин, 2006: 17; НФС, 2003]. Научная картина мира, как система, состоит из общих знаний отдельных наук и научных направлений, например, такими являются биологическая картина мира, химическая картина мира, идеологическая картина мира, языковая картина мира и др. Однако не все подобные составляющие научной картины мира в отдельности могут являться «научными». К примеру, от языковой картины мира уходит к научной только её формальная грамматика и формальная семантика.

Языковая картина мира является обыденным вербальным выражением картины мира. История языковой картины мира восходит к идеям В. фон Гумбольта, где он отмечает, что «различные языки являются

для нации органами их оригинального мышления и восприятия» [Гумбольдт, 1984: 324]. Однако языковую картину мира как термина в научный обиход ввёл Л. Вайсгербер, который, являясь представителем неогумбольдтианства, построил теоретические положения своих исследований именно на основе идей В. фон Гумбольдта, касающиеся имплицитного, внутреннего содержания языка. В основе лингвистической теории языковой картины мира заложены следующие высказывания Л. Вайсгербера: «словарный запас конкретного языка включает в целом вместе с совокупностью языковых знаков также и совокупность понятийных мыслительных средств, которыми располагает языковое сообщество; и по мере того, как каждый носитель языка изучает этот словарь, все члены языкового сообщества овладевают этими мыслительными средствами; в этом смысле можно сказать, что возможность родного языка состоит в том, что он содержит в своих понятиях определённую картину мира и передает ее всем членам языкового общества» [Вайсгербер, 2004: 51]. В отечественной (бывшие советские страны) и зарубежной лингвистической науке языковая картина мира, как и в теоретическом, так и в прикладном характере, рассматривается такими учёными как Ю.Д. Апресян, З.Д. Попова, И.А. Стернин, А.А. Зализняк, Г.В. Колшанский, Б.А. Серебренников, А. Вежбицка, В.И. Карасик, Е.С. Яковлева, О.А. Донских, Е.В. Урысон, А.П. Чудинов, А.Г. Фомин, А.Д. Шмелев, В.Б. Касевич, Ю.Н. Караулов, М.В. Пименова, Н.В. Уфимцева, С.Е. Никитина, Ю.С. Степанов, В.Н. Телия, О.А. Корнилов, Г.А. Брутян и многие другие. Е.В. Дзюба наиболее популярные труды, посвященные исследованию языковой картины мира, распределяет по трем группам в зависимости от их подходов к проблемам: 1) определение статуса и сущности понятия языковой картины мира - [Апресян, 1995; Донских, 1984; Караулов, 1976; Серебренников, 1988; Тхорик, Фанян, 2006; Харуллин, 1994; Шарандин, 2011 и др.]; 2) проблема множественности картин мира и соотношение языковой и концептуальной картин мира - [Брутян, 1973; Габбасова, Фаткуллина, 2013; Касевич 1996; Колшанский 1990; Новикова,

Черемесина 2000; Пименова, Кандратьева 2011; Попова, Стернин 2001; Постовалова 1988; Почепцов 1990; Уфимцева 1988; Фаткуллина 2011; Харитончик 1992; Ширшиков 2005 и др.]; 3) этнокультурная специфика языковой картины мира [Алпатов 2008; Аникин, Чудинов 2011; Березович 2007; Вежбицка 1996б, 1999, 2002; Гвоздева 2004; Даниленко: электронные ресурсы; Зализняк и др. 2005; Карасик 1996, 2004, 2007; Карасик, Слышкин 2001; Караулов 1976; Корнилов 2003; Мельникова 2003; Никитина 1993, 1999а; Руссо 2014; Степанов 1997; Сукаленко 1992; Телия 1999; Толстая 2002; Толстой 1995; Урысон 1998, 2003; Чулкина 2009; Шмеле 2002, 2006, 2011; Щерба 1974в; Яковлева 1994] и многие другие [Дзюба, 2018: 41-42].

Языковая картина мира – это картина мира в её языковом отражении. По мнению З.Д. Поповой и И.А. Стернина языковая картина мира это «представления народа о действительности на определённом этапе развития народа», которые комплексно зафиксированы в единицах языка. Однако авторы справедливо отмечают, что это «ограниченная и к тому же «наивная» картина мира, она не передает полностью ту картину мира, которая есть в национальном сознании, поскольку язык называет и категоризирует далеко не все, что есть в сознании народа» [Попова, Стернин, 2007: 38]. В этом отношении, как отмечает другой исследователь когнитивной лингвистики, В.Г. Колшанский, «Язык не познаёт мир, а, следовательно, не создаёт какой-либо картины мира... Язык только выражает мыслительные процессы познания и отображения действительности» [Колшанский, 1990: 34]. Трудно не согласиться с мнениями исследователей, так как языковая картина мира естественным образом не может полностью репрезентировать истинность (сущность) познавательной деятельности индивида или истинные образы и свойств окружающей среды. Например, в языке могут отсутствовать какие-то отдельные единицы, обозначающие какой-нибудь цвет предмета, но сознание у всех индивидов одинаково их идентифицирует; или невозможным является языковая интерпретация целостности визуально сохранившегося образа (например, увиденный пейзаж, рисунок, видео и т.п.). Тем не менее, в языке

(в словах и в структурах построения речи) сохраняются, прежде всего, когнитивные образы внутренних механизмов обработки и производства речи: их структура, система и процессы. Однако, наиболее ярко в языке сохраняются культурные, ментальные и этногеографические данные, которые вместе с вышеназванными образами формируют особую концептуальность каждого отдельно взятого языка. В таджикском языке это хорошо прослеживается в его фразеологизмах, в единицах, обозначающих пространственное отношение и человеческие номинативные качества. В качестве примера такого рода особенностей возьмём таджикский глагол пространственного значения ‘*баромадан*’, что означает «подняться», и в зависимости от рельефа Таджикистана, а также ментальных и этнокультурных особенностей автохтонов, данный и подобные им глаголы содержат особые концептуальные контрасты. Например, в предложении *Ман аз хона баромадам* слово «*баромадам*» означает «вышел/выходил» - “Я вышел из дома”, или в разговорной речи в предложении *Ман шахри Ваҳдатро бо мошинам баромадам ва ба Душанбе қариб шудам* (дословно ‘Я на своей машине поднялся над городом Вахдат и приблизился к Душанбе’) переводится как “Я на своей машине проехал город Вахдат и приблизился к Душанбе”. Подобная репрезентация пространственного отношения зависит именно от того, что *подняться, достигнуть какую-то высоту* это и есть достижение конечного пункта (точки финиш), что полностью зависит от рельефа Таджикистана, территория которого на 93% состоит из горного ландшафта. Таким образом, основное движение исторически протекало по трассам «верх» - «вниз», т.е. постоянное преодоление неровной трассы (гор, хребтов, спусков), запечатлелось в сознании носителей таджикского языка как образ отождествления *выхода, перехода* с пространственным дейксисом «подняться».

Другим примером могут послужить лексические единицы, номинирующие интеллектуальную характеристику человека. Например, слово *хуршедхуш* (от *хуршед* – ‘солнце’, *хуш* – ‘сознание’) дословно означает

“солнечное сознание”; слово *равшанбасар* (от *равшан* – ‘светлый’, *ба* – в, на, *сар* – ‘голова’) – “со светлостью в голове”; слово *покизамағз* (от *покиза* – ‘чистый’, *мағз* – ‘мозг’) – “чистый мозг, с чистым мозгом” – все эти слова обозначают «сообразительного». В этом плане слова *тангмағз* (от *танг* – ‘узкий’, *мағз* – ‘мозг’) дословно – “узкий мозг, с узким мозгом”, *тунукмағз* (от *тунук* – ‘тонкий’, *мағз* – ‘мозг’) – “тонкий мозг, с тонким мозгом”, *хушксар* (от *хушк* – ‘сухой, высохший’, *сар* – ‘голова’) – “высохшая голова” обозначают «глупого, дурака». Как видно, подобные единицы репрезентируют особую специфику мыслительного образа в сознании носителей таджикского языка. Отождествления «светлости» и «чистоты» с положительной характеристикой человеческой смекалки и памяти, а также «узкости», «тонкости» и «сухости» - с отрицательной мыслительной способностью – являются ментальными и культурными своеобразиями когнитивной функциональности носителей таджикского языка, которые имеют достаточно яркие отличительные черты от образов мыслительной деятельности носителей русского языка.

Тем самым, дискуссия вокруг «языковой картины мира» достаточно занимательна. В первую очередь это касается типологии языковой картины мира (её дискретности и множественности), а также её различия от концептуальной картины мира. По утверждению А.Р. Габбасовой и Ф.Г. Фаткуллиной дискретность в языковой картине мира существенна: «...следует говорить о множественности картин мира: о научной языковой картине мира, языковой картине мира национального языка, языковой картине мира отдельного человека, фразеологической картине мира, об этнической картине мира и др.» [Габбасова, Фаткуллина, 2013]. В статье Н.С. Новиковой и Н.В. Черемисиной «Многомирие в реалии и общая типология языковых картин мира» языковой картине мире придаётся следующая оппозиционная типология: 1) универсальная – идиоэтническая, 2) общенациональная – социально / территориально / профессионально ограниченная, 3) общенациональная – религиозная, 4) общечеловеческая –

индивидуальная [Новикова, Черемисина, 2000: 43-47]. Последняя классификация широко употребляется в лингвонаучных и психолингвистических исследованиях. Вместо термина «общечеловеческая» часто используется термин «коллективная». Рассматривая данную проблематику, Н.Н. Гончарова отмечает, что «Различаются индивидуальные языковые картины мира, или картины мира языковой личности, и коллективные, или «софийные», языковые картины мира» [Гончарова, 2012: 402]. В этом отношении, исследователь предлагает брать за основу формирования «коллективной картины мира» именно индивидуальные языковые картины мира: «Следует учитывать, что индивидуальные языковые картины мира образуют в своей совокупности целокупную языковую картину этноса» [там же]. При этом исследователем отмечается, что коллективная языковая картина мира выделяется на «этнической» и «групповой» языковых картин мира. Этническая языковая картина мира, как считает исследователь, «является вневременной, постоянной, базовой составляющей картины мира языковой личности», она наиболее крупный прообраз коллективной языковой картины мира, внутри которого выделяются «групповые языковые картины мира: территориальных, социальных, профессиональных сообществ, а также языковые картины мира взрослых и детей» [там же]. Вопрос дискретности языковой картины мира затрагивается такими учеными, как Апресян [1995], Попова, Стернин [2007], Постовалова [1988], Новикова, Черемисина [2000], Габбасова, Фаткуллина [2013], Болдырев [2006] и мн. др. Однако принципиально важным в идентификации данного лингвистического понятия, как мы считаем, является его различие, как уникального объекта лингвокогнитивного исследования, от объектов исследования когнитивной науки в целом.

В этом плане важным является именно различие языковой картины мира от концептуальной картины мира. Как отмечает Г.А. Брутян, «Выделение языковой и концептуальной картин мира позволяет раскрыть взаимоотношения языка и мышления в процессе познания, показать роль

языка в формировании картины мира в сознании людей ..., представить проекцию окружающей действительности в нашем сознании» [Брутян, 1973: 108]. В целом, существует две главные концепции в отношении этих двух понятий: первая – языковая картина мира шире концептуальной (концептуальная является составляющей языковой картины мира); вторая – концептуальная картина мира шире языковой картины мира (языковая является составляющей концептуальной картины мира). Первая концепция излагает, что языковая картина мира полностью охватывает концептуальную картину мира, при этом концептуальная картина мира является ядром и комплексным знанием уникальности ментально-культурной и этнической специфики языковой картины мира [Брутян, 1973: 109-110]. Вторая концепция излагает то, что языковая картина мира является только вербальной репрезентацией концептуальной [Телия, 1988; Серебренников, 1988; Постовалова, 1988; Колшанский, 1990; Попова, Стернин, 2007; Пименова, Кондратьева 2011 и др.]. В этом вопросе мы придерживаемся ко второй концепции, импонируя мнением Л.Б. Никитиной о том, что концептуальная картина мира является «результатом практического, художественного, технического, научного познания мира человеком», значимая часть которых сохраняется в вербальной репрезентации (в языке) [Никитина, 2006: 44].

Другим вопросом, касающимся проблематики языковой картины мира, является её усвоение со стороны индивидов, относящихся к другой языковой картине мира. Стержневым в этом плане следует считать тот факт, что дистанционное (отдалённое) изучение и усвоение языковой картины мира чужого языка является практически невозможным. Можно изучить формальную семантику и формальную грамматику неродного языка, но полностью воспринимать этот язык со всем «арсеналом», которым владеет языковая картина мира, и сделать его своим мыслительным инструментом, с помощью которого можно было бы оперировать разнообразными и

многомерными процессами мыслительной деятельности, фактически считается невыполнимым.

Таким образом, подробно рассматривая принципиально важные моменты теоретической и прикладной сущности понятия «языковая картина мира», мы пришли к выводу, что знания и представления о мире, которые сохраняются и передаются вербальными средствами, содержащие и способные содержать исторический опыт народа с его ментально-культурными и этногеографическими данными, называются языковой картиной мира.

Каждая такая языковая картина мира, как комплекс, сформирована из концептуальной сети, из системы концептов, при этом каждый *концепт*, в свою очередь, распределяется на подконцепты, а те – на концептуальные модели и микромодели.

История «концепта» как термина уходит далеко в прошлое. Еще в латинском языке использовалось слово *conceptus*, что являлось причастием со значениями «зачатый», «вместилище, хранилище», например, в философских текстах Тертуллиана (160-220), Св. Августина (354-430), Боэция (480-524). Далее, идея концепта развивается в немецкой классической философии, прежде всего, в дискурсах отношения языка, речи и разума (сознания)².

Однако, впервые интерпретацию *концепта*, как очень близкую к современному лингвокогнитивному пониманию этого термина, дал Э. Сепир, где описывает его таким образом: «капсула мысли, в конденсированном виде, содержащая и генерирующая все возможные эпизоды жизни – переживания, опыт» [Сепир, 1921: 13]. В свою очередь, в русскоязычной литературе, в статье «Концепт и слово» С.А. Аскольдов-Алексеева (1928 года) *концепт* был впервые предложен как классификация понятий, представляющая из себя «мысленное образование, которое замещает нам в

---

²Например, в трудах И. Канта (Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. Лосского сверен и отредактирован Ц.Г. Арзаканяном и М.И. Иткиным. – М.: Эксмо, 2007. – 736 с.) и Г.В.Ф. Гегеля.

процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода» (например, концепт *души, мира, человека, добра и зла* и т.д.) [Аскольдов-Алексеев, 1997: 269].

Таким образом, «концепт» в своей лингвонаучной истории за прошедшие более 90 лет подвергался разнообразными и разносторонними исследованиями, экспериментами и «испытаниями», в итоге, пережил весь этот идентификационный период и стал полнозначным лингвонаучным, успешно функционирующим термином. На данном этапе развития лингвокогнитивной науки уже нет необходимости отдельно рассматривать разные точки зрения восприятия концепта из истории данного термина (как соответствующих, так и расходящихся), так как в многочисленных научно-теоретических и прикладных работах была определена основная сущность концепта: определились составляющие его «материалы», наблюдался и фиксировался процесс формирования и границы его функционирования. В этом плане, как отмечает С.Г. Воркачев, «в конкурентной борьбе в российской лингвистической литературе» с начала 90-х годов прошлого века столкнулись «концепт» (Арутюнова Н.Д., Аскольдов-Алексеев С.А., Лихачев Д.С., Степанов Ю.С., Нерознак В.П., Ляпин С.Х.), «лингвокультурема» (Воробьев В.В.), «мифологема» (Лехтеэнмяки М., Базылев В.Н.), «логоэпистема» (Верещагин Е.М., Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д.), «однако на сегодняшний день становится очевидным, что наиболее жизнеспособным здесь оказался «концепт», по частоте употребления значительно опередивший все прочие протерминологические новообразования» [Воркачев, 2004: 41].

Каждый из исследователей лингвистической науки интерпретировал концепт специфичным образом, но из всего пласта лингвонаучной трактовки можно извлечь некое единство из стержневых формулировочных представлений о концепте: *капсула мысли, ячейка мысли, культурные гены, основная ячейка культуры, сгусток культуры, операционная единица мысли, фрагмент мира, свёрнутая глубинная мысль предмета, фрагмент*

*ментальности, значимый арсенал когниции*³[Степанов, 1997: 412;Фасенко, 2000: 144; Колосов, 2004: 19-20; Воркачев, 2004: 43; Маслова, 2004: 46-47].

Для получения современного лингвокогнитивного определения концепта, мы приобщили высказывания и трактовки таких учёных, как Кубрякова Е.С., Попова З.Д. и Стернин И.А., Степанов Ю.С. и других, которые представляют из себя разносторонний взгляд на проблему идентификации концепта как утвердившегося лингвистического термина: это комплексное, в то же время, дискретное когнитивное составляющее, которое может отражаться вербально и невербально; может содержать ментально-культурные и этногеографические особенности когниции индивидов (группу индивидов, народа, нации), а также может не иметь такие особенности; имеет внутренние, мыслеобразующие когнитивные механизмы, представляющие из себя определённую когнитивную структуру и конструкцию, которые способны моделироваться [Попова, Стернин, 2007: 34; Степанов, 2004: 42-43; Кубрякова, 1996: 90-92; Пименова, 2004: 59,71; Карасик, 2004: 3, 128, 361;Залевская, 2001: 39 и др.].

Однако, для определения «чисто» лингвокогнитивного положения концепта из вышеприведенного определения исключается только его невербальный характер.

Изучив достаточно значимый научно-исследовательский материал, где были зафиксированы классификации концептов, мы пришли к выводу, что в целом существуют два типа лингвокогнитивных концептов: 1) **концепты (национальной) языковой картины мира** и 2) **концепты(ненациональной) неязыковой картины мира**.

Первый тип концептов – это лексические и лексико-фразеологические единицы, а также дискурсы, которые всесторонне номинируют и характеризуют комплексный познавательный объект (или феномен) в его ментально-культурных и этногеографических данных (показателей),

---

³ Последнее (“значимый арсенал когниции”) было использовано нами в индивидуальной интерпретации содержательности термина концепт.

свойственных определённой языковой картине мира определённого народа и нации (групп носителей). К таким концептам можно отнести концепты «человек», «животное», «растение», «истина», «пространство», «судьба», «душа» и др.

Второй тип концептов – это лексические единицы, формулировки и дискурсы, которые не содержат «исторический опыт», ментально-культурные и этногеографические данные, то есть они не входят в рамках языковой картины мира определённого языка определённой группы людей (народа, нации). К таким концептам можно отнести концепты «механика», «технология», «автомобиль», «наука» и др.

Каждый лингвокогнитивный концепт имеет упорядоченную внутреннюю структуру, которая распределяется на *подконцепты*, и те, в свою очередь, - на концептуальные модели и микромодели. Например, лингвокогнитивный концепт «человек» идентифицируется следующей формулировкой: это лексические и лексико-фразеологические единицы, а также дискурсы, которые всесторонне номинируют и характеризуют человека: его физических характеристик, физиологических, морально-нравственных, психико-эмоциональных, его социального статуса и интеллектуальных способностей. Названные характеристики являются подконцептами концепта (или «суперконцепта»⁴) «человек». Каждый из этих подконцептов имеет довольно разнообразное дискретное содержание, которое специфично каждому из них в отдельности:

1) *Физическая характеристика*, например, по своему объёму делится на характеристики лица, характеристики туловища (рост, фигура и др.), а по качеству – на красивый и некрасивый;

2) *Физиологическая характеристика* имеет наиболее широкую категоризацию: характеристика по возрасту, по голосу, по слуху, по силе и

---

⁴Упоминается также в статье Бочарова Е.Н. «Концепт «глупость» в составе концептосферы «человек» / Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: сб. ст. IV междунар. науч. конф. Т. 2. – Челябинск: ООО «Издательство РЕПКОЛ», 2008. – С. 5-8.».

слабости, по физиологическим умениям, по физиологическому (физическому) здоровью (здоровый, нездоровый), по физиологической активности (быстрый, медленный) и др.;

3) *Морально-нравственная характеристика* в основном делится на «хороший – плохой» (благородный, завистливый, неблагодарный и т.п., а также в ней входит «бесстрашный – боязливый»); на идеологические⁵ (религиозный, нерелигиозный, верующий, неверующий и т.д.) и др.;

4) *Психоэмоциональная характеристика* в целом распределяется на «позитивные» и «негативные» качества;

5) *Характеристика по социальному статусу* делится по положению и месту в обществе (уважаемый, аристократ, слуга и т.п.), по материально-финансовому положению (имущий, бедный, богатый и т.п.), по межличностным отношениям (одинокий, семейный, холостяк, сирота и т.п.) и др.;

6) *Интеллектуальная характеристика* в свою очередь делится на отрицательные и положительные качества: умный - глупый, знающий - незнающий, сообразительный - несообразительный и др. Здесь, следует отметить, что кроме перечисленных подконцептов, выделяются также единицы, обозначающие профессиональное отношение человека (физик, химик, инженер, врач, футболист и т.п.). Однако, как было упомянуто, данные лексемы в комплексе формируют концепт «профессия», который не входит в рамках языковой картины мира определённого языка. Тем самым, существуют некоторые лексемы, которые, с одной стороны обозначают профессию, призвание, с другой – качество личности. Например, такими единицами являются слова *философ* и *ученый*: кроме призвания, они репрезентируют индивида, который имеет всесторонние знания с устоявшимся опытом оперирования интеллектуальными механизмами.

---

⁵ Некоторые единицы идеологической характеристики в зависимости от концептуальной картины мира каждого языка входят в категорию «хороший - плохой», например, слово еретик и атеист и т.п.

Исходя из вышеприведённой классификации концепта «человек» и из результатов настоящего исследования, мы не считаем за «лингвокогнитивный концепт» такие феномены как «характер», «эмоция», «ментальность» [Пименова 2007: 81-82] и т.п., с нашей точки зрения, они, как лингвокогнитивные составляющие, являются подконцептами () концепта «человек». Данные единицы могут стать полноценными концептами лишь с лингвокультурологической позицией.

С точки зрения *культурологических и художественно-философских* исследований концепт является «явлением культуры», прежде всего, в этих исследованиях под концептом понимается объекты духовной культуры и менталитета [Степанов, 2004: 48]. К таким концептам относятся концепты «Родина» [Е.М. Игнатова, Кучерявых В.С. и др.], «Счастье» [Лагаева Д.Д., Русакова И.Б. и др.], «Бог» [Базарова Л.В., Передриенко Т.Ю. и др.], «Дом» [Богатова С.М., Габдуллина С.Р. и др.], «Дни 23 февраля и 8 марта» [Степанов, 2004: 46], концепт «Любовь» в произведении А.С. Пушкина [Широкова И.А.] и др. В отличие от двух вышеназванных типов концептов, подобное восприятие концепта отличается, главным образом, поставленными целями, а также методом концептуального исследования⁶. Как отмечают В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин: «Лингвокультурный концепт отличается от других ментальных единиц, выделяемых в различных областях науки (например, когнитивный концепт, фрейм, сценарий...), акцентуацией ценностного элемента». Под «ценностью» авторы понимают «основной принцип культуры» [Карасик, Слышкин, 2001: 77]. Именно в этом, как утверждает Е.А. Дзюба, «видится различие двух подходов к рассмотрению концепта: лингвокультурологического и когнитивного» [Дзюба, 2018: 99-100, 146]. Однако, в работах самого исследователя при описании категориальных особенностей лингвокогнитивного концепта, даются в качестве «концептов» такие единицы, как «*мудрость, опыт, ум, разум, рассудок, вменяемость, дееспособность и др.*», которых относит к «лингвоментальной сфере»

---

⁶ Подробнее об этом в параграфе «Особенности методологического исследования вопроса».

«ЧЕЛОВЕК» [там же, с. 212]. Хотелось бы сразу подчеркнуть нашу позицию в отношении подобной категоризации лингвокогнитивных составляющих, приводя лишь один простой факт: если считать *мудрость, ум, разум, рассудок* и т.д. отдельными концептами, то, скорее всего, невозможным будет считаться их разграничение в поле функциональности и поле содержательности (их лексические группы). Как было сказано выше, подобные единицы допустимо считать «концептами» только в культурологических и лингвокультурологических исследованиях. В лингвокогнитивных исследованиях, прежде всего в настоящей работе, данные единицы рассматриваются в составе концептуальных моделей и микромоделей подконцепта «интеллектуальная характеристика человека» (или «человек интеллектуальный») (см. ГЛАВА II, III).

Одной из главных функций концепта в когнитивной лингвистике является то, что он способствует фиксации имманентных когнитивных (познавательных) процессов – концепт позволяет определить механизмы формирования этих процессов⁷.

Таким образом, мы считаем, что концепты с позицией лингвокогнитивного исследования, с одной стороны, определяют и идентифицируют языковую картину мира как уникальную, с другой – послужат как инструмент детализации основных релятивностей когниции и памяти, тем самым наиболее объективно фиксируют процессы восприятия, переработки, сохранения и трансформации (вербализации) информации (мысли, данных).

1.3. Особенности методологического исследования вопроса

В самом общем смысле наша работа касается внутренней и внешней категоризации. Категоризация человеческого языкового сознания и человеческой когниции, а также специфика подобных идентифицированных категорий, является основной перспективой современной когнитивной лингвистики. Пионерами-лингвокогнитологами зарубежных и отечественных

---

⁷ Подробнее об этом излагается в третьей главе настоящей работы.

научнолингвистических сообществ являются С.Д. Fillmore, G. Lakoff, E. Rosch, А. Вежбицка В.В. Lloyd, J.R. Taylor, N. Mashal, A. Appel, G. Lepper, А.А. Кибрик, В.З. Демьянков, Н.Н. Болдырев, Е.С. Кубрякова, Н.Д. Арутюнова, А.А. Залевская, В.А. Маслова, З.Д. Попова, В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, С.Г. Воркачев, Д.О. Добровольский, А.А. Кретов, Ю.С. Степанов, И.А. Стернин, Р.М. Фрумкина, А.П. Чудинов, А.Л. Шарандин, А.С. Щербак и многие другие.

По словам Дзюбы «лингвокогнитивная категоризация представляет собой особым образом организованный, разноаспектный и многоуровневый динамический процесс получения информации из окружающей среды и ее структурирования в человеческом сознании в виде лингвокогнитивных категорий» [Дзюба, 2018: 206].

В данной научной работе мы попытались вывести «концепт» (лингвокогнитивный концепт) из «категории с рассеянной структурой» в «катеорию с плотной структурой»⁸, прежде всего, учитывая лексико-номинативные особенности интеллектуальной характеристики (подконцепта) концепта «человек».

Для реализации данного целевого процесса были использованы материальные, логические, математические и информационные средства. В качестве материальных средств, в лингвистических исследованиях обычно понимаются лексический состав и дискурсы. Логическими средствами мы попытались категоризовать, в первую очередь, собранные материальные средства как объект исследования, а также эмпирически обработанные аргументы и факты, т.е. из доказанных и истинных суждений формировать правильно структурированное заключение. В этом плане математические и информационные средства позволили составить статистические особенности познавательного объекта (лексики интеллектуальной характеристики

---

⁸ См. Дзюба Е.В. Когнитивная лингвистика: учеб. пособие для высших учебных заведений / Е.В. Дзюба; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург: [б.и.], 2018. – 280 с.

человека в таджикском и русском языках), а также – данных теоретического и эмпирического методов.

В целом, данное исследование было осуществлено в рамках лингвокогнитивного метода, который совмещает в себе и эмпирические и теоретические методы. Из эмпирических методов особым образом интегрированы (1) частные методы: наблюдение, метод экспертных оценок, опрос, тестирование; и (2) комплексные, общие методы: обследование, эксперимент, изучение и обобщение опыта. В качестве теоретических методов в лингвокогнитивных исследованиях обычно применяются анализ, синтез, сравнение, абстрагирование и конкретизация, а также выявление и разрешение противоречий, постановка проблемы, построение гипотезы и т.д.

Следует отметить, что естественным образом ни одна научно-исследовательская работа не реализуется исключительно при одной методологической выборке: эмпирической или теоретической – они применяются в комплексе, и, в зависимости от цели исследования, создаётся единая методологическая база эмпирического и теоретического характера.

Прежде чем дать описание методологическим особенностям изучения данного вопроса, следует рассмотреть основные, наиболее современные методы лингвистических и лингвокогнитивных исследований.

Общелингвистические методы исследования связаны с современными лингвонаучными парадигмами. Под лингвистической *парадигмой* понимается, прежде всего «господствующий взгляд на язык у научного сообщества данного периода» [Комарова, 2012: 367], «доминирующая лингвистическая теория» [Демянков, 1995: 266], «научный климат мнений» [Руденко, 1990: 19]. В отличие от классификации В.А. Масловой, которая выделила три основных парадигм в лингвистике (см. парагр. 1.1.), в нашей работе мы выделяем четыре парадигмы в современной и новейшей лингвистике (вместо антропоцентрической парадигмы выделяются коммуникативно-прагматическая и когнитивная): 1) *сравнительно-историческая* – язык изучается с точки зрения его генетической общности и

наличия семей и групп родственных языков, а также исторические варианты одного и того же языка; 2) **структурная** – язык изучается с точки зрения своего формального строения и организации в целом, а также изучается его формальное строение в плане выражения (функциональности); 3) **коммуникативно-прагматическая** – язык изучается с точки зрения его коммуникативных свойств; 4) **когнитивная** – язык изучается как инструмент идентификации когнитивных структур и механизмов.

Исходя из этого, выделяются 1) **сравнительно-исторический метод**, базовыми методиками и приёмами которого являются: *методика внешней реконструкции, методика внутренней реконструкции, методика относительной хронологии и глоттохронологии, методика лингвистической экстраполяции* и т.д.; 2) **структурный метод** с базовыми методиками *оппозиционный анализ, дистрибутивный анализ, анализ по непосредственно составляющим, трансформационный анализ, компонентный анализ* и т.д.; 3) **коммуникативно-прагматический метод** с базовыми методиками *анализа текста, анализа дискурса* и т.д.; 4) **когнитивный метод** с базовыми методиками *анализа концепта, анализа категорий, анализа дискурсивного концепта, морфотемного анализа* и т.д.

Внутри этих четырёх макрометодов, выделяются частные методики: *социолингвистическая методика, этнолингвистическая методика, методика ареальной лингвистики, психолингвистическая методика, нейролингвистическая методика, паралингвистическая методика, лингвокультурологическая методика, методика межкультурной коммуникации, методика политической лингвистики.*

Подобным образом, внутри каждого парадигмального метода выделяются частные методы, методики, приёмы и подходы, например, *методика ассоциативного эксперимента, лексикографический метод, лексико-семантический анализ, словообразовательный метод, этимологический метод, семантико-стилистический метод, тезаурусный метод* и мн. др.

Мы не считаем за целесообразным подробно рассматривать каждый из методов лингвистики, так как они достаточно подробно и системно изложены в работах З.И. Комаровой «Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике» [2012], Е. В. Дзюбы «Когнитивная лингвистика» [2018] и др. Однако в рамках нашего исследования считается необходимым рассмотреть **основные методы и методики когнитивной лингвистики.**

Сначала следует отметить, что большинство лингвокогнитологов считают когнитивную лингвистику «поглотителем» коммуникативно-прагматической парадигмы, синтезируя при этом её модели с идеями когнитивной науки [Комарова, 2012: 459]. В этом плане, мы согласны с мнением о том, что «две сущностные функции языка – коммуникативная и когнитивная – неразрывно связаны, взаимно предполагают друг друга» [там же, с. 460], исходя из чего, можно считать целесообразным существования интегральной когнитивно-коммуникативной системы исследования. Данный системный метод является «междисциплинарной интеграцией методик, приёмов и процедур, используемых для изучения широкого комплекса проблем, связанных с языковой репрезентацией ментальных процессов и их результатов, оформленных в голове человека в виде знаний, а также с когнитивной интерпретацией и верификацией полученных результатов, с целью «построения языковой модели коммуникации как основы обмена знаниями»» [там же]. Названная методологическая постановка связана с основными постулатами исследований когнитивной лингвистики, которые в целом, определяют «структуры сознания (ментальные репрезентации) и структуры языка в речемыслительной деятельности», другими словами, можно определить данное утверждение как «получение данных о деятельности разума» [Кубрякова, 2004: 13], а также собственно языковой знак как эксплицирующий концептуальности языковой картины мира.

В целом, когнитивная лингвистика сосредотачивает почти все необходимые для реализации своей цели методы, методики, приёмы и

подходы из практически всей лингвонаучной системы, комбинируя их в едином комплексе. Тем не менее, когнитивная лингвистика располагает собственными, достаточно разработанными методами, которыми являются следующие:

1. *Метод прототипического анализа* – это новый подход к категоризации концептуальной картины мира. Если до недавнего времени функциональный (полевой) подход категоризации понятий считался самым «углубленным» анализом континуальности, то прототипический подход считается наиболее углубленной детализацией категории, охватывающий широкий концептуально-функциональный спектр языка – концепта и концептосферу. Прототипический метод получил такое парадигмальное научно-исследовательское положение, прежде всего, в следствия некоторых нерешенных вопросов со стороны функционального подхода к категоризации: как определить границу функционирования той или иной категории, и чем конкретно обусловлена детализация понятийных языковых явлений?

На эти два основных вопроса прототипический метод, как один из главных приоритетов когнитивной лингвистики, ответил через комбинацию достижений функционально-семантических, культурологических, философских исследований и когнитивных механизмов в процессе ментальной (когнитивной) репрезентации сознательных образов.

Автором теории прототипов считается Э. Рош, который построил свою теорию на основе собственно лингвopsихологических экспериментов [Rosch, 1973, 1975]. Предпосылками появления данной теории послужили особенности платоновского подхода и подхода Виттгенштейна на категоризацию языка: первый взгляд предполагает строгую категоризацию языка – строгое выделение «лексических единиц, морфем, синтаксических конструкций и правил, регулирующие их употребление в коммуникации»; второй взгляд утверждает «о недискретности, размытости границ,

непрерывности и случайности в определении вещей и их именовании» [Демьянков, 1994: 32].

Идея прототипов наиболее успешно развивается в современной когнитивной лингвистике, где под прототипами понимается концептуально более широкие эксплицитно-имплицитные когнитивные категории, дискретность которых устойчивым образом связана с ментальной репрезентацией концептуальных составляющих.

2. *Метод психолингвистического анализа* – «это междисциплинарная интеграция методик, приёмов и процедур исследования, используемых для изучения языка как феномена психики – человеческого измерения языка и речи и роли языка в структурировании мира, с целью оптимизации деятельности человека в окружающем его социальном мире» [Комарова, 2012: 521]. В более широком смысле психолингвистический метод представляет собой исследование когнитивных функций человека посредством вербализированных экспериментов. Среди наиболее разработанных психолингвистических экспериментов можно отнести 1) метод ассоциативного эксперимента, 2) метод семантического дифференциала и 3) метод незавершенных предложений.

Ассоциативный эксперимент считается одним из основных методов психолингвистики, и определяется как «массовый опрос информантов, выявляющий их вербальные ассоциации (словесные реакции, слова-ассоциативы) на заданные исследователем слова-стимулы... Изучение ассоциативных связей слов позволяет выяснить особенности вербальной памяти человека, состав образов языкового сознания, ценностные ориентации общества» [Матвеева, 2010: 30]. Вербально-ассоциативный эксперимент как частный метод, прежде всего, применяется при лексикографическом описании модели языкового сознания. Данная методика наиболее продуктивно используется такими лингвокогнитологами, как Н.Ф. Уфимцева, Ю.С. Сорокин, Ю.Н. Караулов, Г.А. Черкасова и другими.

Метод семантического дифференциала (шкалирования), автором которого считается Ч. Осгуд [1972], это экспериментальный метод, который ориентирован на анализ экспрессивно-эмоциональных особенностей респондентов по отношению к тем или иным понятиям (словам, словосочетаниям, пропозициям), с целью идентифицировать их коннотативное поле. Процедура данного метода имеет специфичный характер: испытуемым обычно дается слово или словосочетание с пронумерованными шкалами оценок, где на каждой цифре даются экспрессивные коннотации. Например, к слову *хитрый*, интерпретирующий интеллектуальную и морально-нравственную характеристику человека, экспериментатор может предложить бланк с градуированной шкалой от 1 до 7: 1 – хороший, 2 – скорее хороший, чем нейтральный, 3 – скорее нейтральный, чем хороший, 4 – нейтральный ... 7 – плохой; или предлагаются бланки со следующими градуированными шкалами: 1. «добрый», 2. «злой», 3. «нейтральный»; 1. «сильный», 2. «слабый», 3. «нейтральный» и т.п. В результате такого эксперимента, исходя из общестатистических выводов, исследователь определяет, с одной стороны имплицитно-личностные смыслы (коннотации), с другой – социальные установки [Глухов, 2005: 205].

Метод незавершенных предложений как экспериментальный метод проектного характера «позволяет актуализировать осознаваемые и неосознаваемые мысли, чувства, оценки информантов в отношении каких-либо заданных тем или проблем» [Дзюба, 2018: 87]. Данный экспериментальный метод хорошо разработан и описан в работах А. Пейна, К. Юнга, А.Р. Лурии, Дж. Роттера, В. Вундта, Д. Сакса и других.

3. *Метод когнитивного моделирования.* Данный метод в современной когнитивной лингвистике считается самым приоритетным. На основу когнитивного моделирования легли теории метафор [Лакофф, Джонсон, 2004], ментальных моделей [Джонсон-Лэрд, 1988] и ментальных пространств [Fauconnier, 1994], когнитивных сфер [Langacker, 1991], а также

фреймного анализа семантики [Фильмор, 1983]. Как отмечает Е.В. Дзюба, «Все перечисленные теории ... предлагают стремление человеческого сознания к **организации** [выделено автором] «концептуальной системы человеческого знания как той базы, на которой мышление протекает»» [Дзюба, 2018: 88]. Когнитивное моделирование, разработчиком которого считается Дж. Лакофф, занимается именно такой «организацией». Сам Дж. Лакофф выделяет четыре вида когнитивного моделирования: пропозициональное, схематическое, метафорическое и метонимическое. При описании когнитивной модели, В.З. Демьянков и Е.С. Кубрякова отмечают, что «фактически же при этом описываются механизмы мышления и образования концептуальной системы человеческого сознания» [Демьянков, Кубрякова, 1996: 57]. Само когнитивное моделирование, по мнению авторов, при этом, «состоящее в построении когнитивной модели речи, зрительного восприятия и т.д., выясняет как и состав информационно самостоятельных модулей, так и механику их взаимодействия и «архитектуру» единой системы моделей» [там же].

Когнитивное моделирование считается современной лингвонаучной парадигмой, которая набирает всё большую популярность в современной научной лингвистике. Данный лингвонаучный подход является одним из главных способов рационализации и материализации человеческой когниции, максимально интерпретирующий внутреннюю речевую систему и когнитивные функции человека. Такое моделирование в процессе объективного отображения внутреннего когнитивного содержания детализирует все дискретные составляющие концепта.

4. **Метод концептуального анализа.** На сегодняшний день данный метод охватывает все стороны изучения концепта, представляясь как макропарадигмальный метод когнитивной лингвистики, и являющийся одним из самых разработанных в данной области. Как отмечает Р.М. Фрумкина, «заниматься концептуальным анализом синонимично анализировать концепт» [Фрумкина, 1992: 3].

В настоящее время действующий механизм данного метода достаточно субъективен, и, как утверждает М.В. Зацепина, способ исследования концепта «определяется содержанием, которое вкладывает автор в термин концепт, материалом исследования, типом изучаемого концепта». В этом мы полностью согласны с автором, и считаем целесообразным выделение лингвокогнитивного, лингвокультурологического и *лингвохудожественного* концептов. В отличие от первого, два последних очень близки по своей методике анализа: и лингвокультурологический, и лингвохудожественный концепты признают первостепенную роль «ценностей» в образовании и структуре концепта. Единственное их отличие в том, что лингвохудожественный концепт рассматривает «ценности» через личностно-ментальную призму, другими словами, если лингвокультурологический анализ концепта рассматривает данные ценности массово (в культуре народа, нации), то лингвохудожественный анализ рассматривает их в определённом творческом индивиде. Оба подхода, а также и лингвокогнитивный подход могут рассматриваться в сравнении и сопоставлении: лингвокогнитивный и лингвокультурологический подходы – в межъязыковом сравнении, а лингвохудожественный – в межличностном, например, «*концепт счастье в творчестве Л.Н. Толстого и А.П. Чехова*», «*концепт истина в творчестве Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого*» и т.п.

Первоочередной задачей и целью *лингвокогнитивного анализа* концепта является исследование имманентных когнитивных механизмов и процессов ментальной репрезентации, а также их материализация и объективизация (когнитивное эксплицитное моделирование). И, как отмечает Дзюба, осмысливая слова В.И. Карасика, «при этом акцент делается на переработке информации от сенсорных сигналов до ментальных репрезентаций разного типа (образов, пропозиций, фреймов, скриптов, сценарий и т.п.) в сознании человека» [Дзюба, 2018: 98].

Собственно когнитивное исследование концепта имеет два направления: *семантико-когнитивное (когнитивно-семантическое)* и *когнитивно-дискурсивное*.

Семантико-когнитивное свойство концепта считается отправным, опорным и базовым механизмом когнитивного анализа концепта и языковой картины мира. Когнитивно-семантическое направление – это, прежде всего, исследование концепта в его лексическом содержании, где изучаются его лексико-структурная репрезентация, т.е. концепт изучается на уровне комплексно-словарной и фразеологической семантики. Концепт в данном направлении изучался такими учеными, как Е.С. Кубрякова [2004], Л.В. Бабина [2009], З.Д. Попова и И.А. Стернин [2006], Н.Н. Болдырев [2014], А.С. Щербак [2009], Н.А. Беседина [2009], В.Б. Гольдберг [2009] и мн. др.

Значимость *когнитивно-дискурсивного* анализа концепта заключается именно в понимании дискурса: это «текст, погруженный в ситуацию общения» [Карасик, 2000: 5], он «не ограничивается рамками собственно текста, а включает также социальный контекст коммуникации, характеризующий её участников, процессы продуцирования и восприятия речи с учетом фоновых знаний» [Чудинов, 2006: 40]. В данном направлении концепты изучались Т.Д. Фоминой [2006], В.И. Карасиком [2010], Н.М. Чудаковой [2005], В.З. Демьянковым [2002], А.Н. Барановым и И.А. Карауловым [1991], Е.И. Шейгал [2000], Л.В. Балашовой [2010], Е.Г. Кабаченко [2007], И.А. Караваевой [2007], Н.В. Гавриловой [2007] и мн. др. Данное направление реализуется, прежде всего, методом когнитивно-пропозиционального анализа, который рассматривает концепт в составе пропозиции и дискурса. Например, при анализе концепта «жизнь» в творчестве А.С. Пушкина, которого рассматривает Л.Г. Бабенко, детализируются всевозможные предикативные атрибуты и метафоры, относящиеся в той или иной степени к слову «жизнь». Каждые из этих предикатов и метафор воспринимаются в исследовании как единица, имеющая свою дискретную ментально-когнитивную структуру. При методе

концептуального анализа в качестве таких единиц служат, прежде всего, словарные единицы номинативного характера.

Собственно методологические составляющие настоящего исследования. Учитывая все базовые методы, методики, приёмы, подходы когнитивных исследований концепта, следует признать тот факт, что каждый исследователь при массивном изучении концепта разрабатывает собственный методологический комплекс. Наше исследование не является исключением из этого, пока ещё неписанного правила.

Таким образом, мы составили собственный, плановый методологический комплекс, суммируя разнообразные лингвистические методы, модифицируя их исходя из поставленной цели и ожидаемого результата. Нами была разработана системная, поэтапная комбинация из следующих методов:

1) *тезаурусный и тезаурусно-статистический методы* – используются для фильтрации и составления лексической базы и точной дифференциации номинантов интеллектуальной характеристики человека из множества словарей;

2) *лингвистический логико-семантический эксперимент* – использовался массово для смысловой идентификации составленной словарной базы, а также для установления частотности употребления номинативных единиц в настоящем периоде их функционирования;

3) *логико-семантический авторский эксперимент* – используется индивидуально для предварительной категоризации (моделирования, структуризации) со стороны самого исследователя – носителя языка или исследователя-билингва;⁹

4) *логико-семантический эксперимент с респондентами-знатоками* – используется коллективно для категоризации составленной словарной базы

---

⁹ Это один из главных принципов в когнитивном эмпирическом исследовании языка: исследователь должен быть или полноправным носителем (автохтоном), или билингв (если исследование применяется в сравнительно-сопоставительном направлении).

со стороны специалистов по таджикскому и русскому языкам по предложенной исследователем системе (прежде всего, каркас, таблица);

5) *метод дифференциального анализа лексических составляющих* – используется для анализа и изучения сложных компонентных слов, при котором выявляются ядерно-доминантные единицы номинативной системы интеллектуальной характеристики человека, а также для категоризации периферийных и периферийно-параметрических единиц сложных слов¹⁰;

6) *лексикографически-статистический анализ* – применяется для идентификации словарных единиц, сопоставляя двуязычные словари с толковыми и наоборот, при котором определяется статистика структурных и содержательных особенностей словарной базы номинантов интеллектуальной характеристики;

7) *семантико-концептуальный анализ* – используется как главный эмпирический метод верификации основных теоретических принципов когнитивной лингвистики, для изучения и детализации имплицитных когнитивных установок и механизмов, при этом рассматривая репрезентативные процессы, реализуемые номинативными единицами. Данный метод, как завершающая стадия концептуального анализа, реализуется на основе всех результатов предыдущих методов и методик, тем самым, в нем частично проводится контекстуальная и дискурсивная корреляция с собственными результатами и выводами. По сравнению с данным методом, предыдущие методы считаются «предварительными».

Начиная с логико-семантического эксперимента, применяется *метод когнитивного моделирования*: сначала после тезаурусного метода и лингвистического анализа исследователем предлагается предварительный вариант когнитивно-концептуальных моделей и микромоделей, далее, после завершения семантико-концептуального анализа, устанавливается итоговый

---

¹⁰ Так как лексика интеллектуальной характеристики человека в таджикском языке почти на 80% состоит из комбинации двух, а иногда и трех основ, в данной исследовательской работе названный метод больше всего адаптирован в анализе таджикского языка, чем русского, исходя из того, что в русском языке подобная комбинация составляет не более 21% всей лексики интеллектуальной характеристики человека.

вариант данной системы моделей, который представляется как наглядное структурированное отражение имплицитной системы номинативной интеллектуальной характеристики человека. В сравнительно-сопоставительном плане из системы когнитивных моделей (концептуальных моделей и микромоделей) обоих языков можно образовать новый когнитивно-идеографический двуязычный словарь на примере лексико-номинативной интеллектуальной характеристики человека [См. Приложение 1].

Всю методологическую систему настоящего исследования можно обзорно обобщить в следующей таблице:

Таблица 1.

Метод концептуального анализа лингвокогнитивного концепта

Когнитивно-семантический (семантико-когнитивный) анализ лексико-номинативных единиц	
(начало исследования лингвокогнитивного концепта)	
1) <i>тезаурусный и тезаурусно-статистический методы</i>	2) <i>лингвистический логико-семантический эксперимент</i>
(Создание предварительного варианта когнитивных моделей)	
3) <i>логико-семантический авторский эксперимент</i>	4) <i>логико-семантический эксперимент с респондентами-знатоками</i>
5) <i>метод дифференциального анализа лексических составляющих</i>	6) <i>лексикографически-статистический анализ</i>
7) <i>семантико-концептуальный анализ</i>	
(Завершение когнитивного моделирования)	

Наша работа, прежде всего, направлена на изучение функциональности и детализации внутренней и внешней (имплицитной и эксплицитной) структуры концепта, и мало затрагивает «историю» и «ценности» концептуальной природы. Актуальность данного подхода связана с тем, что в

разнообразных и многочисленных научно-исследовательских работах, направленных на изучение «концепта», были выявлены и достаточно подробно изучены: какие именно факторы влияют на формирование концептуальной картины мира и какие предпосылки служат этому процессу. Уже считаются очевидными многие факты о том, что на формирование концептуальной картины мира влияют объективные и субъективные факторы: особенности системы ценностей определённого периода, специфика социального, научного и инновационно-технологического прогресса, местонахождение (территориальный охват) языковой среды, исторический пережиток, житейский опыт, ментально-культурные особенности, влияния концептосферы другого языка (заимствований концептуальных составляющих, или интеграция двух языковых картин мира), а также, отчасти, – семейные ценности и воспитание.

Выводы по первой главе

Таким образом, результаты исследования позволили сделать несколько выводов.

Во-первых, определяется значимость и тенденциозность когнитивного направления – его широкий системный подход к исследованию языка и его лингво-инновационные разработки представляют собой важнейшее решение современных лингвокоммуникативных споров, которые стоят на главных повестках научно-практической деятельности современной лингвистики. Тем самым, когнитивная лингвистика является одним из основных факторов социокультурных интеграционных процессов, отчего, отчасти, и зависит культурный, политический и экономический прогресс.

Во-вторых, подробно рассматривая принципиально важные моменты теоретической и прикладной сущности понятия «языковая картина мира», мы пришли к выводу, что знания и представления о мире, которые сохраняются и передаются вербальными средствами, содержащие и способные содержать исторический опыт народа с его ментально-культурными и этногеографическими данными, представляются как языковая картина мира.

Каждая такая языковая картина мира, как комплекс, сформирована из концептуальной сети, из системы концептов, при этом каждый *концепт*, в свою очередь, распределяется на подконцепты, а те – на концептуальные модели и микромодели. В свою очередь, концепты с позицией лингвокогнитивного исследования, с одной стороны, определяют и идентифицируют языковую картину мира как уникальную, с другой – служат инструментом детализации основных релятивностей когниции и памяти, тем самым наиболее объективно фиксируют процессы восприятия, переработки, сохранения и трансформации (вербализации) информации (мысли, данных).

В-третьих, в распоряжении лингвистики, прежде всего когнитивной лингвистики, находятся самые разнообразные научные и научно-экспериментальные методы из разных научных дисциплин: философии, психологии, нейрофизиологии, социологии, антропологии и др.

Как было отмечено, в настоящей работе мы постарались направить некоторый методологический потенциал когнитивной лингвистики на верификацию основного постулата современной когнитивной лингвистики, на то, что имплицитных когнитивных установок и ментально-репрезентативных процессов можно в какой-то достаточной мере материализовать («овнешвлять»). В данной работе (можно назвать её также попыткой) мы постарались объективировать и рационализировать данный постулат в сравнительно-сопоставительном плане на базе словарной номинативной лексики интеллектуальной характеристики человека в таджикском и русском языках.

ГЛАВА 2. АНАЛИЗ НОМИНАТИВНОЙ СИСТЕМЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ

2.1. Тезаурусный анализ лексики интеллектуальной характеристики человека в таджикском и русском языках

Как было отмечено, тезаурусный метод в нашей работе применяется как метод сплошной выборки слов из словарей, который, прежде всего, позволил создать лексическую базу, номинирующую интеллектуальную характеристику человека в таджикском и русском языках, и, таким образом, были выявлены концептуально важные статистические показатели.

Исходя из основных, наиболее эффективных принципов осуществления тезаурусного подхода, в работе были использованы все толковые словари таджикского и русского языков, но для наиболее точного определения процентного соотношения мы предпочли взять словарь «Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ» («Толковый словарь таджикского языка») в двух томах (2008 года) и «Толковый словарь русского языка» под редакцией С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой (2006 года). Данный выбор обосновывается несколькими принципами: 1) словари изданы почти в один период; 2) оба содержат почти одинаковое количество слов и выражений (объём словарных статей имеет наиболее близкое соответствие: «Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ» (ФТЗТ) составляет примерно 48200, а «Толковый словарь русского языка» под редакцией С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой – 46200¹¹); 3) словари, в сравнении с другими толковыми словарями, имеют почти одинаковую словарную структуру и т.д.

В результате применения данного метода, была сформирована общая картина количественно-процентного соотношения слов интеллектуальной характеристики человека в таджикском и русском языках, которые представлены в таблице ниже.

---

¹¹С возможным допущением не более 60-100 словарных статей в обоих языках.

Таблица 2. Количественно-процентное соотношение интеллектуальной характеристики человека в таджикском языке

	Общее число слов и словарных статей	Положительно-интеллектуальная характеристика		Отрицательно-интеллектуальная характеристика		Всего составляющее %
		слова	процентное соотношение	слова	процентное соотношение	
Интеллектуальная характеристика	394	226	57%	168	43%	100 %
Общая характеристика человека	5360	226	4,2 %	168	3,1 %	7,3%
Толковый словарь таджикского языка	48200 ¹²	226	0,47 %	168	0,35 %	0,82%

Таблица 3. Количественно-процентное соотношение интеллектуальной характеристики человека в русском языке

	Общее число слов и словарных статей	Положительно-интеллектуальная характеристика		Отрицательно-интеллектуальная характеристика		Всего составляющее %
		слова	процентное соотношение	слова	процентное соотношение	
Интеллектуальная характеристика	234	99	42,4 %	135	57,6%	100 %
Общая характеристика человека	3500	99	2,8%	135	3,8%	6,6%
Толковый словарь русского языка	46200 ¹³	99	0,21%	135	0,29%	0,5%

¹² Данный показатель является примерным подсчётом автора.

¹³ Данный показатель является примерным подсчётом со стороны автора.

По итогам статистической обработки данных были сделаны следующие заключения:

1. Лексемы общей характеристики человека таджикского языка, по сравнению с русским языком, больше на 1860 слов и составляют 11,1% из общего количества словарных статей указанного толкового словаря таджикского языка, однако такая же характеристика в упомянутом толковом словаре русского языка составляет 7,5%, т.е. на 4% меньше, чем в таджикском языке;

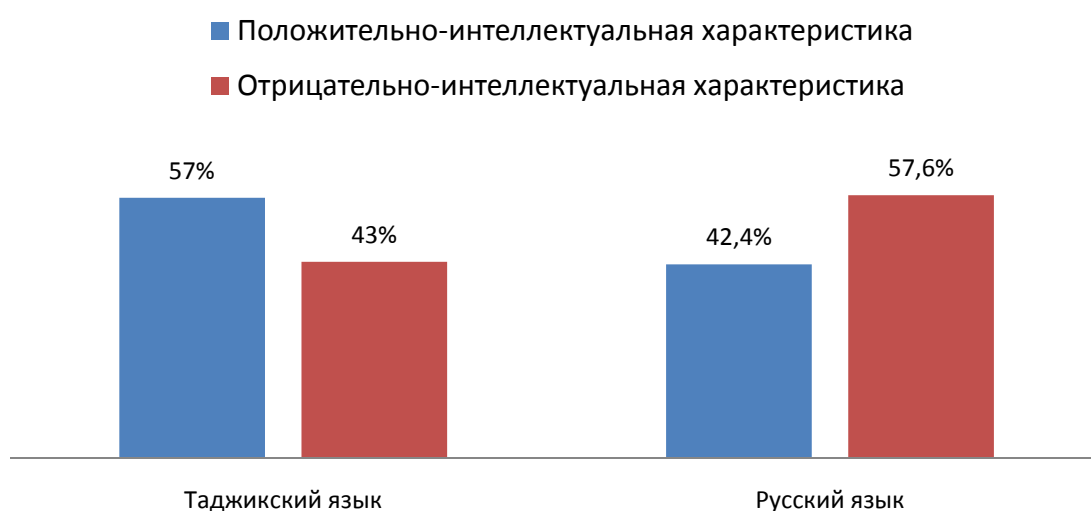
2. Лексика интеллектуальной характеристики человека в таджикском языке, по сравнению с русским языком, больше на 160 слов, что составляет 7,3% общей характеристики человека и более 0,8% из общего количества словарных статей указанного толкового словаря. Данный количественный показатель лексем интеллектуальной характеристики в указанном толковом словаре русского языка составляет 6,6% общей характеристики человека и 0,5% из общего количества словарных статей указанного толкового словаря.

Хотелось бы отметить, что данное количественное различие лексем таджикского языка объясняется не только богатством лексической системы таджикского языка, но и концептуальной содержательностью и стилистическими особенностями данного пласта лексики, свойственными языковой ментальности таджикского и русского народа. Характерной особенностью таджикского языка является то, что больше внимания уделяет характеристико-оценочным сторонам представляемого объекта. В этом плане, в отличие от таджикского языка, русский язык является более «фактическим» языком, содержащим минимальную, чем в таджикском языке, лексико-семантическую экспрессивность, тем самым уделяя внимания наиболее объективным сторонам представляемого объекта.

Однако, самое главное в этой статистике является количественное отношение положительных и отрицательных интеллектуальных характеристик человека, как в индивидуальном, так и в сравнительно-

сопоставительном плане. В таджикском языке положительные интеллектуальные характеристики содержат 57% лексики данного пласта, которые функционируют в толковых словарях, а отрицательные (негативные) – 43%, т.е. положительные интеллектуальные номинации превосходят отрицательные на 14%. Стоит отметить, что в русском языке данные показатели имеют обратный характер: положительные характеристики 42,4%, отрицательные – 57,6%, т.е. лексика отрицательно-интеллектуальной характеристики более на 15% меньше.

Интеллектуальная характеристика человека в русском и таджикском языках

В этом плане таджикский и русский языки имеют диаметрально противоположный ментально-языковой характер. Таджикский язык, по сравнению с русским языком, исторически сформирован так, что больше направлен на характеристику положительных качеств человека, тем самым, придаёт меньше внимание отрицательным (негативным) качествам.

Таким образом, результаты данной работы, с учётом количественных и статистических особенностей лексики интеллектуальной характеристики человека в указанных толковых словарях таджикского и русского языков, объективно демонстрируют концептуальную идентичность каждого исследуемого языка, тем самым играют важную роль в идентификации и

репрезентации подконцепта «интеллектуальная характеристика человека» («человек интеллектуальный») в обоих языках.

2.1. Лингвистический эксперимент

В процессе когнитивного исследования языка немаловажную роль играют именно лингвистические эксперименты. Чтобы репрезентировать внутреннюю имплицитность языка, прежде всего, внутреннюю структурность, системность или модульность, эксперименты с респондентами (в нашем случае, носителями и специалистами языка) являются одним из ключевых этапов такого рода исследования. Исходя из того, что интеллектуальные характеристики являются имманентными качествами человека, проведение анкетирования, опроса и логико-семантического эксперимента, как составляющих лингвистического эксперимента, являются необходимыми процедурами, эксплицирующие данные качества.

Лингвистический эксперимент в нашей работе проводится в основном по следующим направлениям: 1) анкетирование и 2) логико-семантический эксперимент. После того, как с помощью тезаурусного метода создаётся полная словарная база рассматриваемого вопроса в обоих языках, проводится *анкетирование*. На данном этапе исследователем составлялись полные списки (перечни) слов обоих языков из словарной базы, которые материально представлены в бумажном листке А4, где предлагается 5 столбиков, 4 из которых имеет вопросный характер. К примеру, ниже дается часть таблицы из такого экспериментального образца:

Таблица 4.

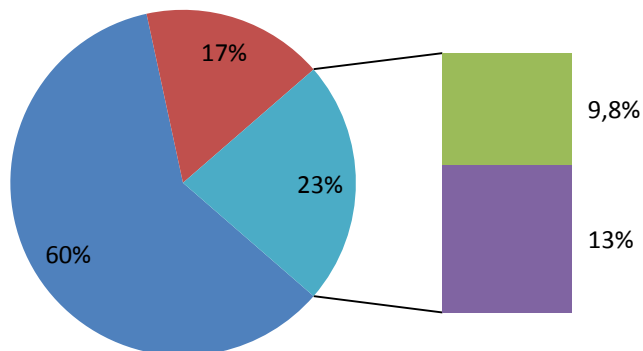
Калимахо	медонам	шинос аст (аммо маьнояшро намедонам, баёд надорам)	намедона м	(истеьмолна шаванда)
<i>дурандеш</i>				
<i>соҳибақл</i>				
<i>андешавар</i>				
<i>боақл</i>				
...				

Слова	знаю	знаком (но не знаю смысл, не помню)	не знаю	(неупотребительное)
<i>мудрый</i>				
<i>прозорливый</i>				
<i>умный</i>				
<i>смекалистый</i>				
...				

Принцип работы с данным видом эксперимента достаточно прост: респонденты должны отметить знаком «+» или «галочкой» выбранные ими ячейки (пункты). Внизу опросного листка дается место для заполнения ф.и.о., даты рождения, места рождения и постоянного проживания респондента. Данный эксперимент был проведен в онлайн и офлайн формате с более чем 300 респондентами – таджиками, и с таким же количеством респондентами-русскими, которые были разных возрастов, разных гендерных принадлежностей и относились к разным географическим расположениям. Количество и географические расположения респондентов в процентном соотношении выглядит таким образом: 1) **респонденты-таджики**: Душанбе и периферийные районы столицы – 25%, Хатлонская область – 20%, ГБАО – 18%, Сагдийская область – 19%, Города и районы республиканского подчинения – 18%; 1) **респонденты-русские**: Центральный ф.о. – 22%, Сибирский ф.о. – 28%, Приволжский ф.о. – 9%, Южный ф.о. – 9%, Северо-Западный ф.о. – 10%, Уральский ф.о. – 13%, Дальневосточный ф.о. – 9%.

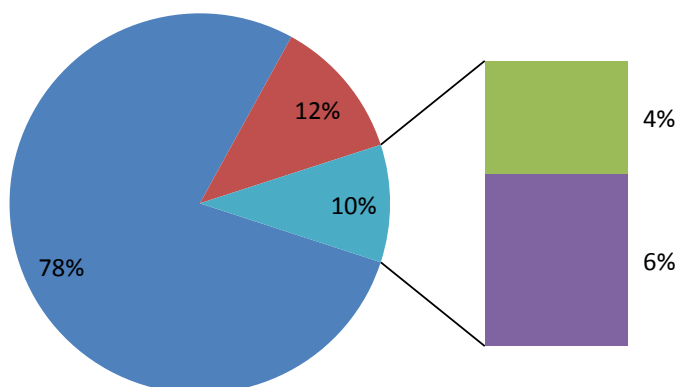
В результате завершения данного этапа эксперимента, обобщая количество респондентов всех возрастов, гендерных и географических принадлежностей, было выявлено, что примерно 9,8% (21 слово) положительно-интеллектуальной и 13% (22 слова) отрицательно-интеллектуальной характеристик человека в таджикском языке считаются не знакомыми и непонятными современным носителям. Более 17% всей интеллектуальной лексики таджикского языка ими считаются неупотребительными.

- Идентифицированная лексика
- Неупотребительная лексика
- Неидентифицированная положительно-интеллектуальная лексика
- Неидентифицированная отрицательно-интеллектуальная лексика

Однако, в русском языке такой показатель выражается намного меньше: примерно 4% (4 слова) положительно-интеллектуальной и 6% (8 слов) отрицательно-интеллектуальной характеристики человека были непонятны респондентам, а более 12% всей лексики интеллектуальной характеристики считаются непродуктивными.

- Идентифицированная лексика
- Неупотребительная лексика
- Неидентифицированная положительно-интеллектуальная лексика
- Неидентифицированная отрицательно-интеллектуальная лексика

После данного этапа эксперимента, проводился *логико-семантический* эксперимент. Данный эксперимент реализовался по двум направлениям:

Первое – логико-семантическая идентификация всей лексической базы интеллектуальной характеристики человека в таджикском и русском языках. Данный этап определяет понимание и восприятие слов со стороны носителей языка. Здесь также важны их форма и структура воспроизведения, которые обычно отображают внутреннюю когнитивную картину передаваемого понятия. Принцип проведения данного эксперимента довольно прост: на одном или нескольких бумажных листках даются два столбика, где в одной представлены слова выбранной характеристики в смешанном виде, в другом столбике даются достаточное свободное место для записи знания и восприятия респондентов относительно данных слов. Внизу такой бумаги предлагается записать ФИО, возраст и место рождения. К примеру, приведём отрывки из таких таблиц в таджикском и русском языках:

Таблица 5.

Калимаҳо	Ин калимаро шумо чихел мефаҳмед?
<i>хирадманд</i>	
<i>боақл</i>	
<i>заковатманд</i>	
<i>кунҷқоб</i>	
<i>солимақл</i>	

...

Слова ¹⁴	Как вы понимаете данное слово?
<i>дальновидный</i>	
<i>сметливый</i>	
<i>умный</i>	

¹⁴ Данные слова русского языка по своим лексико-семантическим пластам не совпадают с предыдущими словами таджикского языка.

<i>остроумный</i>	
<i>здравомыслящий</i>	

...

В данном эксперименте участвовали 200 респондентов-носителей таджикского языка разных возрастов, и такое же количество респондентов – носителей русского языка. Каждый респондент в своём стиле в свободной и спокойной обстановке описывает своё, личное «толкование» данных лексем.

Результаты данного этапа экспериментальной процедуры показали разнообразные и многочисленные индивидуальные трактовки и большое количество синонимов к данным лексемам, а также в этих описаниях встречались разнообразные ассоциации. Фиксированные синонимы в основном являются констатацией тех же лексем, которые даются респондентам на тех же самых листочках.

Тем самым, данные результаты активно использовались при семантико-концептуальном анализе и стали одним из ключевых факторов, позволяющих наиболее точно зафиксировать репрезентативность имманентных когнитивных установок.

Второе – логико-семантическая идентификация концептуальных микромоделей при участии респондентов-знатоков (в нашем случае, специалисты по русскому и таджикскому языкам). После полученных результатов применения тезаурусного метода, анкетирования и логико-семантической идентификации лексем, исследователем-носителем, исходя из полного лексико-семантического анализа данной лексики с учётом необходимых лингвистических принципов, были выявлены концептуальные модели, внутри которых структурировались концептуальные микромоделей, составляющие в целом определённую когнитивную конструкцию.

Выявленная конструкция предлагалась в качестве предварительного варианта респондентам-знатокам в качестве таблицы, в которой с левой

стороны давались ячейки микромоделей с группой слов без названия самой микромодели, а с правой – давались пропорциональные им по размеру пустые ячейки. К примеру, ниже даётся отрывок из подобной таблицы положительно-интеллектуальной характеристики:

Таблица 6.

<p><i>ақлдор, ақлнок, андешавар, андешаварз, андешаманд, андешанок, боақл (баақл), боақлак, боандеша (баандеша), бокала, калладор, оқил, соҳибақл</i></p>	
<p><i>баидулфикр, болигназар, дурандеш, дурбин, дурназар, дурнамосоз, дурнигар, жарфандеш, жарфбин, оқибатандеш, охирандеш, охирбин, пешандеш, пешбин, поёнбин, поиннигар, умқсанч, фарохандеш, фарохбин, фарқомчўй</i></p>	
<p><i>андешакор, андешасанч, бомантиқ, борикандеш, борикбин, ботинбин, дақиқадон, дақиқаёб, дақиқасанч, дақиқашинос, дақиқбин, дақиқаназар, дарунбин, кунчқоб, мулоҳизакор, мўшикоф, нозукандеш, нозуксанч, нозукфаҳм, нозукхаёл, нуктасанч, нуқтадон, равшанқийёс, рамузфаҳм, умқсанч, хурдабин</i></p>	
<p><i>адофаҳм, баҳуш (боҳуш), бедор, бедормағз, бедорфикр, бодаҳо, бодикқат, бозехн, боидрок, бофаросат, бофатонат, бофаҳм, боҳуш, бошуур, гапфаҳм, гурбуз, даррок, закитабъ (закӣ), заковатманд, заковатнок, зариф, заҳин, зехнтез, зирак, зиракманиш, зирактабиат, зудфаҳм, калак, мудрик, нодирадон, покизамағз, пурхуш, равшанбасар, соҳибидрок, соҳибтафаррус, соҳибфаросат, соҳибфаҳм, суханфаҳм, тезвир, теззеҳн, тезфаҳм, тезфикр,</i></p>	

<p><i>тезҳуш, тундзехн, фаросатманд, хуршедхуш, хушзеҳн, хушфаҳм, ҳозирҷавоб, хушёр, хушманд, чобукандеш (-а), чораандеш, шуурнок, чорабин, чорагар, чоракор, чорасоз, чораҷӯ, тадбирсоз, илоҷгар, тадбирандеш, тадбирҷӯ, тадбиргар</i></p>	
<p><i>аллом, ағлам, бомаълумот, босавод, донишандӯз, маълумотнок, донишандухта, донишафруз, донишвар, донишманд, доништалаб, зиёӣ, зуфунун, илмдор, илмнок, илмҷӯ, олим, соҳибмаълумот, хушсавод, ҳамадон, фозил, доно</i></p>	

Принцип работы с данной установкой проводился таким образом: респонденты-знатоки должны были описать лексику каждой ячейки по отдельности в правой стороне, сравнить и выявить особенности, сходства и различия, также они вправе были совместить данные ячейки, если они им показались полностью тождественными; перевести слова с одной ячейки на другую. Данный лингвистический эксперимент повторялся несколько раз с новыми информантами. После завершения данного эксперимента исследователем обобщались все его результаты: предварительно определялись количество и границы функционирования каждой микромоделю, фиксировались и присваивались каждой микромоделю их мельчайшие отличительные элементы, а также наиболее точно формулировались для каждой микромоделю свойственные им названия.

В итоге, данные результаты будут активно использоваться при семантико-концептуальном анализе (См. 3 ГЛАВА), где при помощи лингвистического эксперимента идентифицируется и воссоздаётся наиболее точная репрезентация денотативных, сигнификативно-коннотативных свойств лексики интеллектуальной характеристики человека в языковом сознании носителей таджикского и русского языков. Основной целью данного эксперимента, также и всего исследования, являлась попытка

максимально материализовать внутренние имплицитности когнитивных установок подконцепта «интеллектуальная характеристика человека» (или «человек интеллектуальный»), которые оперируются в человеческом сознании, прежде всего, у носителей таджикского и русского языков.

2.3. Дифференциальный анализ лексических составляющих интеллектуальной характеристики человека

В нашей работе основной целью данного метода анализа является расчленение сложных слов на части и их лексико-семантическая категоризация. Данный метод по своей цели и задачи, а также по ожидаемым результатам очень близок к методу компонентного анализа, который направлен на выявление минимальной единицы лексического значения. Однако в отличие от компонентного анализ, метод дифференциального анализа лексических составляющих, имея больше всего формальный характер, направлен не только на собственно анализ плана содержания, а рассматривает план содержания, исходя из дискретных единиц формы выражения. Другими словами, при данном анализе сложное слово расчленяется на его составляющие основы, формальные значения которых идентифицируются в отдельности в виде дефиниций, а после – синтезируются уже в семантико-концептуальном анализе (См. 3 ГЛАВА).

Необходимость применения подобного подхода больше всего вызвана морфологической особенностью таджикского языка, где лексический состав интеллектуальной характеристики человека почти на 80% состоит из сложных слов. По сравнению с таджикским языком, данный показатель в русском языке гораздо меньше: почти 21% данной лексики составляют сложные слова.

По результатам более углубленного анализа в лексике интеллектуальной характеристики обоих языков были выявлены ядерные (денотативно-ядерные, неденотативно-ядерные) и периферийно-сигнификативные (параметрально-именные, отглагольные, именные) компоненты, а также, для более наглядного рассмотрения общей

структуральной картины номинативных лексем таджикского языка, были выделены префиксальные и суффиксальные составляющие. Данные результаты кратко представлены в виде таблицы:

Таблица 7.

Лексико-семантические составляющие (компоненты) интеллектуальной характеристики в таджикском языке

Ядерные компоненты	Значение	Положительно-интеллектуальная характеристика	Отрицательно-интеллектуальная характеристика
Денотативно-ядерные			
ақл	ум, интеллект	<i>ақлдор, ақлноқ, боақл (баақл), боақлак, соҳибақл, солимақл, ақласо, комилақл и т.д.</i>	<i>ақлқутоҳ, ақлрамида, беақл, камақл, қутоҳақл, ноқисулақл, тираақл, қундақл и т.д.</i>
хирад	разум, рассудок, ум, мудрость	<i>бохирад, волохирад, соҳибхирад, хирадёфта, хирадманд, хирадпарвар, хирадпеша и т.д.</i>	<i>андакхирад, бехирад, гусастахирад, камхирад, нобихрад, тангхирад, нохирадманд и т.д.</i>
шуур	разум, интеллект, сознание; понятливость	<i>бошуур, шуурноқ и т.д.</i>	<i>бешуур, камшуур,</i>
андеша (андеи)	мысль, размышление, мнение	<i>андешаманд, боандеша, дурандеш. жарфандеш, оқибатандеи, андешасанҷ, б орикандеш, нозукандеш, чобукандеш и т.д.</i>	<i>сустандеш, бендеша, сабукандеш, камандеш, қутоҳандеи, хомандеш, хурдандеш и т.д.</i>
фикр	дума, размышление, раздумье, мнение	<i>бедорфикр, тезфикр, соҳибфикр, равшанфикр, ростфикр, солимфикр, писандидафикр и т.д.</i>	<i>бефикр, сабукфикр, камфикр, хомфикр, качфикр и т.д.</i>
рағӣ (рой)	суждение, мнение, взгляд; воля, намерение, желание;	<i>пухтарой, равшанрой, некрой, фархундарой, комилрағӣ и т.д.</i>	<i>сустрой, тундрой, хомрой и т.д.</i>
фаросат	понятливость, догадливость, сообразительность; разум	<i>бофаросат, фаросатманд, соҳибфаросат и т.д.</i>	<i>бефаросат, камфаросат и т.д.</i>
фаҳм	осознание, восприятие, соображение	<i>нозукфаҳм, адофаҳм, бофаҳм, зудфаҳм, соҳибфаҳм, хушфаҳм, тезфаҳм и т.д.</i>	<i>гапнофаҳм, дерфаҳм, кундфаҳм, бефаҳм, калтафаҳм, камфаҳм, нофаҳм, качфаҳм и т.д.</i>
идрок	восприятие	<i>боидрок</i>	<i>беидрок</i>

зеҳн	рассудок, понятливость, сообразительность	<i>бозеҳн, зеҳнтез, теззеҳн, тундзеҳн, хушзеҳн</i> и т.д.	<i>кундзеҳн, пастзеҳн</i>
хуш	разум, рассудок, сознание	<i>бохуш (бахуш), пурхуш, тезхуш, хуршедхуш</i> и т.д.	<i>нохушёр</i>
мантиқ	логика	<i>бомантиқ</i>	
қиёс	сравнение, сравнительный анализ	<i>равшанқиёс</i>	
заковат	дарование, талант	<i>заковатманд, заковатнок</i>	
тафаккур	мышление	<i>соҳибтафаккур</i> и т.д.	
зирак	сметливый	<i>зирак, зиракманиш</i> и т.д.	
вир	память	<i>тезвир</i>	
диққат	внимание	<i>бодиққат</i>	
мулоҳиза	рассуждение, размышление	<i>мулоҳизакор</i>	<i>бемулоҳиза</i>
тадбир	мера, решение; мнение	<i>ботадбир, соҳибтадбир</i>	<i>бетадбир</i>
илм (-л-)	наука	<i>илмдор, илмнок, илмҷӯ</i> и т.д.	<i>беилм, камилм</i>
савод	образование	<i>босавод, хушсавод</i>	<i>бесавод, камсавод, кӯрсавод</i>
донииш	знание	<i>дониишафруз, донишвар, донишманд</i> и т.д.	<i>бедонииш, камдонииш</i>
аблаҳ-	глупый, бестолковый		<i>аблаҳвор, аблаҳнамо</i> и т.д.
Неденотативно-ядерные			
калла	голова	<i>бокалла, калладор</i>	<i>бадкалла, бекалла, каллаварам, каллакаду, каллахушк</i> и т.д.
сар	голова	<i>равшанбасар</i>	<i>сабуксар, хирасар, хушксар, саргаранг</i> и т.д.
хаёл	воображение	<i>нозукхаёл, борикхаёл</i>	
мағз	мозг, ядро	<i>бомағз, бедормағз, покизамағз,</i>	<i>бемағз, сустмағз, тангмағз, тиҳимағз, хушкмағз, шуридамағз, сабукмағз, пучмағз</i> и т.д.
хабар	весть	<i>бохабар</i>	<i>бехабар</i>
маълумот	информация, образование	<i>бомаълумот</i>	
маърифат	просвещение, образование	<i>баландмаърифат, маърифатнок</i> и т.д.	
дил	сердце	<i>болигдил, дилогоҳ, огоҳдил</i>	
майна-парво	забота, внимание; опасение		<i>бемайна, бепарво, бепарвофалак</i>

<i>иттилоъ</i>	сообщение, сведение		<i>беиттилоъ</i>
<i>зафлат</i>	неведение; беспечность		<i>зафлатзада, зафлатпеша</i> и т.д.
<i>таваччӯҳ</i>	внимание		<i>бетаваччӯҳ</i>
<i>дарвеш</i>	дервеш	<i>дарвешсират, дарвешсифат</i>	
<i>фатонат</i>	понимание; проницательность	<i>бофатонат</i>	
<i>маслиҳат</i>	совет, рекомендация	<i>соҳибмаслиҳат</i>	
<i>гаранг-</i>	растерянный, озадаченный; тупоумный		<i>гарангнамо, гарангшуда, саргаранг, гаранг</i>
<i>гусфанд-</i>	баран, овца		<i>гусфандвор</i>
<i>гов-</i>	корова		<i>ришгов, говгаданг</i> и т.д.

Периферийно-сигнификативные компоненты. Параметрально-именные	Значение	Положительно-интеллектуальная характеристика	Отрицательно-интеллектуальная характеристика
<i>дур-</i>	далёкий; далеко	<i>дурандеш, дурбин, дурназар, дурнамосоз, дурнигар,</i>	
<i>соҳиб-</i>	владелец, хозяин	<i>соҳобақл, соҳибфаҳм, соҳибтадбир, соҳибфикр, соҳибхирад, соҳибназар, соҳибфаросат</i> и т.д.	
<i>жарф-</i>	глубокий, углублённый	<i>жарфандеш, жарфбин</i>	
<i>болиг-</i>	взрослый, совершеннолетний	<i>болигназар, болигдил</i>	
<i>оқибат-</i>	последствие	<i>оқибатандеш</i>	
<i>охир-</i>	конец	<i>охирандеш, охирбин</i>	
<i>пеш-</i>	перед	<i>пешандеш, пешбин</i>	
<i>поён-</i>	низ; вниз	<i>поёнбин, поиннигар</i>	
<i>умқ-</i>	глубина	<i>умқсанч</i>	
<i>фарох-</i>	широкий	<i>фарохандеш, фарохбин</i>	
<i>фарҷом-</i>	конец, результат	<i>фарҷомчӯӣ</i>	
<i>борик-</i>	узкий	<i>борикандеш, борикбин,</i>	
<i>ботин-</i>	внутренность	<i>ботинбин</i>	
<i>дақиқ-</i>	точный, верный	<i>дақиқадон, дақиқаёб, дақиқасанч, дақиқашинос, дақиқбин, дақиқаназар</i>	

дарун-	внутри	<i>дарунбин</i>	
нозук-	хрупкий, тонкий; мягкий	<i>нозукандеш, нозуксанч, нозукфаҳм, нозукхаёл</i>	
нуқта-	точка, центр	<i>нуқтадон</i>	
равшан-	светлый	<i>равшанқиёс, равшанбасар, равшанбин, равшанрой, равшанфикр</i>	
рамуз-	знаки; способы	<i>рамузфаҳм</i>	
хурда-	крошка; мелочь	<i>хурдабин</i>	
адо-	завершение	<i>адофаҳм</i>	
бедор-	бодрый, неспящий; бдительный	<i>бедормағз, бедорфикр</i>	
гап-	разговор, беседа	<i>гапфаҳм</i>	<i>гапнофаҳм</i>
сухан-	разговор, речь	<i>суханфаҳм</i>	
тез-	острый, быстрый, резкий	<i>зеҳнтез, тезвир, теззеҳн, тезфаҳм, тезфикр, тезхуш</i>	
тунд-	быстрый; острый; вспыльчивый	<i>тундзеҳн, тундрой</i>	
зуд-	скорый; быстро	<i>зудфаҳм</i>	
нодира- (нодир)	редкость	<i>нодирадон</i>	
пур-	достаток, полный, много	<i>пурхуш, пурхирад</i>	
хуришед-	солнце	<i>хуришедхуш</i>	
хуш-	хороший, приятный	<i>хушзеҳн, хушфаҳм, хушсавод</i>	
чобук-	проворный, расторопный, быстрый	<i>чобукандеша, чобукандеш</i>	
чора-	мера, средство	<i>чораандеш</i>	
ҳама-	все, всё	<i>ҳамадон</i>	
баланд-	высокий; высоко	<i>баландмаърифат</i>	
воло-	почётный, превосходный; высокий	<i>волохирад</i>	
адаб-	учтивость, воспитанность; умение, искусство	<i>адабсанч</i>	
огоҳ-	уведомлённый, осведомлённый, сведущий	<i>огоҳдил, дилогоҳ</i>	
оҳиста-	медленный, неторопливый	<i>оҳистарой</i>	
пухта-	варёный; зрелый, опытный	<i>пухтарой</i>	
комил-	совершенный, полный	<i>комилрағӣ, комилақл</i>	

дуруст-	правильный, точный	<i>дурустандеш</i>	
покиза-	чистый, опрятный	<i>покизамагз</i>	
рост-	прямой; правильный; правый	<i>ростфикр, ростандеш</i>	
солим-	здоровый, здравый	<i>солимақл, солимфикр</i>	
нек-	добрый	<i>некрой, некандеш</i>	
писандида -	одобряемый, нравящийся	<i>писандидафикр</i>	
фархунда-	счастливый, радостный	<i>фархундарой</i>	
хайр-	благо, добро; благотворительн ость	<i>хайрандеш</i>	
амиқ-	глубокий, углубленный	<i>амиқулфикр</i>	
сер-	сытый	<i>серандеша</i>	
бисёр-	много	<i>бисёрфикр</i>	
андак-	немного		<i>андакхирад</i>
бад-	плохой, плохо		<i>бадкалла</i>
гусаста-	порванный, оторванный		<i>гусастахирад</i>
-варам	припухлость, отёк		<i>каллаварам</i>
каду-	тыква		<i>каллакаду</i>
-хушк-	сухой		<i>каллахушк, хушкмагз, хушксар;</i>
кам-	мало		<i>камақл, камфаросат, камхирад, камшуур, камандеш, камақл и т.д.</i>
кўтоҳ (кутоҳ)-	короткий		<i>ақлкутоҳ, кўтоҳназар, кўтоҳбин и т.д.</i>
мухтасар-	сокращённый, краткий		<i>ақлмухтасар</i>
риш-	борода		<i>ришгов</i>
сабук-	лёгкий, легковесный		<i>сабуксар, сабукандеш, сабукмагз, сабукфикр</i>
суст-	немогущий, слабый; медленный		<i>сустмагз, сустандеш, сустрой</i>
танг-	узкий		<i>тангмагз, назартанг, тангназар, тангхирад</i>
тира-	тесный, неширокий, узкий		<i>тираақл</i>
тиҳи-	пустой		<i>тиҳимагз</i>
тунук-	тонкий		<i>тунукмагз</i>
хар-	осёл		<i>харбаҳо, харкала, хармагз</i>

хира-	тусклый, неясный		<i>хирасар</i>
дер-	поздно		<i>дерфаҳм</i>
кунд-	тупой, неострый,		<i>кундақл, кундзехн, кундфаҳм</i>
паст-	низкий, невысокий		<i>пастзехн</i>
сода-	простой, простодушный		<i>содарафтор, содалавҳ и т.д.</i>
шурида-	расстроенный; перемешенный		<i>шуридамағз</i>
гусола-	телёнок		<i>гусоламизоҷ</i>
-мизоҷ	натура, темперамент		<i>гусоламизоҷ</i>
тааммул-	раздумье, обдумывание		<i>бетааммул</i>
хом-	сырой, неспелый		<i>хомфикр, хомрой, хомтабъ, хомандеш</i>
хурд-	маленький, малый, младший		<i>хурдандеш</i>
калта-	короткий, укороченный		<i>калтафаҳм</i>
кӯр-	слепой		<i>кӯрсавод</i>
пуч-	пустой, бессодержательн ый		<i>пучмағз</i>
сухта-	сгоревший		<i>сухтамағз</i>
ҳеч-	ничто; совсем		<i>ҳечмадон</i>
каҷ-	кривой, искривлённый		<i>каҷфаҳм, каҷфикр</i>
ноқис-	неполный, несовершенный, имеющий изъян		<i>ноқисулақл</i>
Отглаголь ные	значение	Положительно- интеллектуальная характеристика	Отрицательно- интеллектуальная характеристика
-бин	ОНВ гл. <i>дидан</i> – ‘видеть’	<i>жарфбин, охирбин, пешбин, фарохбин, борикбин, ботинбин, дақиқбин, равшанбин, хурдабин</i> и т.д.	<i>кӯтоҳбин</i>
-нигар	ОНВ гл. <i>нигоҳ кардан</i> – ‘смотреть’	<i>дурнигар, поиннигар,</i>	
-ҷӯй (ҷӯ)	ОНВ гл. <i>ҷустан</i> – ‘искать’	<i>фарҷомҷӯй, илмҷӯ</i>	
-дон	ОНВ гл. <i>донистан</i> – ‘знать’	<i>дақиқадон, нуқтадон, нодирадон, ҳамадон</i>	<i>камдон, нодон, ҳечмадон</i>
-ёб	ОНВ гл. <i>ёфтан</i> – ‘найти’	<i>дақиқаёб,</i>	
-санҷ	ОНВ гл.	<i>умқсанҷ, дақиқасанҷ,</i>	

	<i>санҷидан</i> – ‘проверить’	<i>умқсанҷ, адабсанҷ, андешасанҷ</i>	
-андӯз (андухт)	ОНВ гл. <i>андухтан</i> – ‘накапливать’	<i>донишандӯз, донишандухта</i>	
-талаб	ОНВ гл. <i>талаб кардан</i> – ‘требовать’	<i>доништалаб</i>	
-варз (вар)	ОНВ гл. <i>варзидан</i> – ‘заниматься’	<i>андешавар, андешаварз, донишвар</i>	<i>гафлатварз</i>
-парвар	ОНВ гл. <i>парваридан</i> – ‘выращивать’	<i>хирадпарвар</i>	
-соз	ОНВ гл. <i>сохтан</i> – ‘строить’	<i>чорасоз, тадбирсоз</i> и т.д.	
рамида	ОНВ гл. <i>рамидан</i> – ‘пугаться; убегать’		<i>ақлрамида</i>
бурда	ОНВ гл. <i>бурдан</i> – ‘нести, унести’		<i>гафлатбурда</i>
зада	ОНВ гл. <i>задан</i> – ‘бить’		<i>гафлатзада</i>
-дор	ОНВ гл. <i>доштан</i> – ‘иметь’	<i>ақлдор, калладор, илмдор</i>	
-ёфта	ОНВ гл. <i>ёфтан</i> – ‘найти’	<i>хирадёфта</i>	
-намо	ОНВ гл. <i>намудан</i> – ‘показывать, указывать’	<i>гарангнамо</i>	<i>аблаҳнамо, , гарангнамо</i>
Именные	значение	Положительно-интеллектуальная характеристика	Отрицательно-интеллектуальная характеристика
-назар-	взгляд, представление	<i>болигназар, дурназар, дақиқаназар, соҳибназар</i>	<i>кӯтоҳназар, назартанг, тангназар,</i>
-кор	дело, работа	<i>мулоҳизакор, андешакор,</i>	
шинос	знакомый	<i>дақиқашинос</i>	
-пеша	занятие, ремесло	<i>хирадпеша</i>	<i>гафлатпеша</i>
маниш	природа, натура	<i>боманиш, зиракманиш, хушманиш</i>	
-сигол	дума, мысль, размышление	<i>андешасигол</i>	
-табъ	природа, натура, характер	<i>закитабъ</i>	<i>хомтабъ</i>
сират	характер, натура	<i>дарвешсират</i>	
сифат	качество, свойство	<i>дарвешсифат</i>	
-расо-	достаточный; ровно, точно	<i>ақлрасо, фикррасо</i>	

Префиксы	Значение	Положительно-интеллектуальная характеристика	Отрицательно-интеллектуальная характеристика
бо- (ба-)	‘с, вместе’	<i>боақл, бокала, боандеша, бофаросат, бофаҳм, боҳуш, босавод, бохирад, бошуур, бомағз</i> и т.д.	
бе-	‘без-, не-’		<i>беақл, бекалла, бемағз, бемайна, бефаросат, бехирад, бешуур, беандеша, беидрок</i> и т.д.
но-	‘не-’		<i>нобихрад, нодон, нофаҳм, нохирадманд, ноҳушёр</i>
Суффиксы	Значение	Положительно-интеллектуальная характеристика	Отрицательно-интеллектуальная характеристика
-нок		<i>ақлнок, андешанок, шуурнок, заковатнок, илмнок</i> и т.д.	
-манд		<i>андешаманд, ҳушманд, фаросатманд, хирадманд, заковатманд</i> и т.д.	<i>нохирадманд</i>
-вор			<i>аблаҳвор, гусфандвор</i>
-а		<i>фарҳехта, хирадёфта, хирадпеша, донишандухта</i>	<i>вопасмонда, ақлрамида, гафлатпеша, гафлатзада</i> и т.д.

Таблица 8.

Лексико-семантические составляющие (компоненты) интеллектуальной характеристики в русском языке

Ядерные компоненты	Положительно-интеллектуальная характеристика	Отрицательно-интеллектуальная характеристика
Денотативно-ядерные		
ум-, -умный (-умец)	<i>остроумный, остроумец, хитроумный, многоумный, благоумный, доброумный,</i>	<i>малоумный, скудоумный, слабоумный, умалишенный, сумасшедший, сумасбродный, тупоумный</i>
-мысленный, -мыслящий	<i>глубокомысленный, здравомыслящий, трезвомыслящий, благомыслящий</i>	<i>легкомысленный</i>
-разумный	<i>благоразумный</i>	
-рассудительный	<i>благорассудительный</i>	
-думный (-дум)	<i>многодумный</i>	<i>тугодум, тяжелодум</i>
-сообразительный		<i>малосообразительный</i>
-сознательный		<i>малосознательный</i>
-понятливый		<i>малопонятливый</i>
Неденотативно-		

ядерные		
-видный, - видящий	<i>дальновидный, предвидящий</i>	
-зоркий	<i>дальнозоркий</i>	
-головый	<i>светлоголовый</i>	<i>крепкоголовый, тупоголовый, пустоголовый</i>
-лобый		<i>крепколобый, плосколобый, туполобый, твердолобый, узколобый</i>
-образованный	<i>высокообразованный</i>	
-усмотрительный	<i>предусмотрительный</i>	
-развитый	<i>высокоразвитый</i>	
-грамотный		<i>малограмотный</i>
-верный		<i>легковерный</i>
Периферийно- сигнификативные компоненты		
даль-	<i>дальновидный, дальнозоркий</i>	
пред-	<i>предвидящий, предусмотрительный</i>	
глубоко-	<i>глубокомысленный</i>	
остро-	<i>остроумец, остроумный</i>	
хитро-	<i>хитроумный</i>	
высоко-	<i>высокообразованный, высокоразвитый</i>	
много-	<i>многоумный, многодумный</i>	
здраво-	<i>здравомыслящий</i>	
трезво-	<i>трезвомыслящий</i>	
светло-	<i>светлоголовый</i>	
благо-	<i>благомыслящий, благоразумный, благорассудительный, благоумный</i>	
добро-	<i>доброумный</i>	
мало-		<i>малоумный, малопонятливый, малосознательный, малосообразительный, малограмотный,</i>
скудо-		<i>скудоумный</i>
слабо-		<i>слабоумный</i>
-лишенный		<i>умалишенный</i>
-сшедший		<i>сумасшедший</i>
-сбродный (-сброд)		<i>сумасбродный (сумасброд)</i>
крепко-		<i>крепкоголовый, крепколобый</i>
плоско-		<i>плосколобый</i>
тупо-		<i>тупоголовый, туполобый, тупоумный</i>
тврдо-		<i>тврдолобый</i>
туго-		<i>тугодум</i>
тяжело-		<i>тяжелодум</i>
легко-		<i>легковерный, легкомысленный</i>
узко-		<i>узколобый</i>
пусто-		<i>пустоголовый</i>

Прежде чем приступить к описанию результатов данного анализа, необходимо отметить, что *денотативно-ядерные компоненты* нами понимаются как части сложных слов, объективно отражающие явления действительности, с которыми полностью соотносятся данные единицы, т.е. они являются лексико-семантическими денотатами. Тем самым данные единицы выражают ядерную сему (компонент) данного номинативного слова. В этом отношении *неденотативно-ядерных компонентов* мы воспринимаем как часть сложного слова, которая, заменяя денотативно-ядерный компонент, полностью или частично не соотносится (не идентична) к репрезентируемому явлением действительности.

В понятие «*периферийно-сигнификативные компоненты*» мы вкладываем именно те составляющие части сложного слова, которые, сочетаясь с ядерным компонентом, несут дополнительные сигнификативные и экспрессивные значения к основному значению – ядерной семье.

Следует также отметить, что в данной работе слово «компонент» воспринимается как и содержательно-семантическая, так и формально-лексическая единица.

В результате проведения данного метода анализа, было выявлено, что единицы *ақл, шуур, хирад, фаросат, идрок, зеҳн, ҳуш* – в таджикском языке и *ум, разум, интеллект, сознание, мудрость, смекалка, сообразительность* – в русском языке являются доминантами в номинативной системе интеллектуальной характеристики, т.е. они являются исходной, инфинитной формой процессуально-интеллектуальной парадигмы, которые одновременно являются и словами и архисемами, а единицы *фикр, андеша, фаҳм* и т.д. – в таджикском языке и *мнение, мысль* и т.д. – в русском языке, процессуально репрезентируют данных доминантов. В подтверждение вышесказанного можно привести достаточно продуктивные формулировки: *боақл фикр мекунад, хирадманд андеша мекунад* - ‘умный думает, мудрый мыслит’ или *боақл мефаҳмад, хирадманд дарк мекунад* – ‘умный понимает, мудрый

осознаёт (постигает)», т.е. их репрезентанты имеют видное отличие по своему лексико-семантическому свойству.

Важно подчеркнуть, что именно периферийно-сигнификативные компоненты (*дур, кутох, тунд, тез, кам, нозук, хайр, нек, хуршед, чобук* и т.д. (тадж. яз.); *даль, глубако, здраво, благо, мало, тупо, крепко, твердо, скудно* и т.д. (рус. яз.)) в большинстве случаев являются основными репрезентантами семантико-концептуальной идентичности в обоих языках.

Таким образом, данный подход позволил более углубленно рассмотреть лексико-семантическую структуру подконцепта интеллектуальной характеристики человека на формально-семантическом уровне. Тем самым подробные, наиболее детальные результаты данного анализа были применены наряду с дискурсивным, лексикографическим и другими анализами в интегративном семантико-концептуальном методе (см. 3 ГЛАВА).

Выводы по второй главе

Таким образом, можно изложить основные результаты исследования данной главы в следующих выводах:

1) Количество словарной лексики, номинирующее характеристику человека по основным его качествам (физическим, физиологическим, морально-нравственным, психоэмоциональным, по социальному статусу и по интеллектуальным способностям) имеет явное различие: в таджикском языке количество подобных номинантов гораздо больше (примерно 5360 единиц), чем в русском языке (примерно 3500 единиц). По вышеуказанным словарям, общее количество словарной лексики интеллектуальной характеристики человека в таджикском языке больше на 160 слово, чем в русском языке, при разнице 394 на 234.

Данное количественное различие связано с тем, что таджикский язык больше концентрирован на оценочных и образных сторонах познаваемого объекта. В этом плане, русский язык, по сравнению с таджикским языком, является более «фактическим» языком, содержащим минимальную, чем в

таджикском языке, лексико-семантическую экспрессивность, тем самым уделяя внимания наиболее объективным сторонам познаваемого объекта.

Устанавливается особый факт в концептуальном отношении между таджикским и русским языкам: словарная лексика положительно-интеллектуальной характеристики человека на 14% больше, чем словарная лексика отрицательно-интеллектуальной характеристики. Однако такой показатель в русском языке имеет обратный характер: словарная лексика положительно-интеллектуальной характеристики на 15% меньше, чем словарная лексика отрицательно-интеллектуальной характеристики. Исходя из этого, можно сказать, что лексика интеллектуальной характеристики человека в таджикском языке, по сравнению с русским языком, исторически сформирован так, что больше направлен на репрезентации положительных оценок и образов внутренних человеческих качеств, соответственно, придаёт меньше внимание отрицательным (негативным) качествам лексики интеллектуальной характеристики. В репрезентации интеллектуальной характеристики человека таджикский и русский языки имеют диаметрально противоположный ментально-языковой характер.

2) При помощи лингвистического эксперимента идентифицируется и воссоздаётся наиболее точная репрезентация денотативных, сигнификативно-коннотативных свойств лексики интеллектуальной характеристики человека в языковом сознании носителей таджикского и русского языков. Основной целью эксперимента, также и всего исследования, является попытка максимально материализовать внутреннюю имплицитность когнитивных установок подконцепта «интеллектуальная характеристика человека» (или «человек интеллектуальный»), которые оперируются в человеческом сознании, прежде всего, у носителей таджикского и русского языков.

3) По результатам метода дифференциального анализа лексических составляющих, в лексике интеллектуальной характеристики таджикского и русского языков были выявлены и обозначены ядерные (денотативно-ядерные, неденотативно-ядерные) и периферийно-сигнификативные

(параметрально-именные, отглагольные, именные) компоненты. Было установлено, что единицы *ақл, шуур, хирад, фаросат, идрок, зехн, ҳуш* – в таджикском языке и *ум, разум, интеллект, сознание, мудрость, смекалка, сообразительность* – в русском языке, являются доминантами в номинативной системе интеллектуальной характеристики, т.е. они являются исходной, инфинитной формой процессуально-интеллектуальной парадигмы, которые одновременно являются и словами и архисемами, а единицы *фикр, андеша, фаҳм* и т.д. – в таджикском языке и *мнение, мысль* и т.д. – в русском языке, процессуально репрезентируют данных доминатов. Также было зафиксировано, что именно периферийно-сигнификативные компоненты являются основными репрезентантами семантико-концептуальной идентичности в обоих языках.

ГЛАВА 3. СЕМАНТИКО-КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОЛОЖИТЕЛЬНО-ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЧЕЛОВЕКА В ТАДЖИКСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Как было отмечено, первоначальная задача когнитивной лингвистики состоит в определении языковой ментальности, экспликации когнитивных механизмов и процессов, а также в идентификации языковых картин мира, которые специфичны каждому естественному языку. Результатом реализации данной задачи являются конкретизация выявленной конструкции и их объективная (можно сказать материальная) реструктуризация, при которых выделяются концептуальные модели и микромодели. Далее достигнутый результат послужит средством и механизмом изучения свойств и функциональностей внутренней имплицитности когниции и памяти. При реализации такой задачи используются почти все главные лингвистические и экстралингвистические методы. Сначала собираются все лексемы из словарей и контекстов, после составляется полная картотека рассматриваемого языкового явления. Далее проводятся лингвистические и социолингвистические эксперименты с обычными респондентами и знатоками (специалистами по языку), в результате чего идентифицируются вся база лексики, относящаяся к рассматриваемой концептосфере. После выявления всего масштаба названной лексики, исследователем-носителем, исходя из полного лексико-семантического анализа данной лексики, выявляются концептуальные модели, внутри которых структурируются концептуальные микромодели, составляющие в целом определённую когнитивную конструкцию.

Вслед за другими исследователями антропологического изучения языка, мы считаем, что для образования мысли человек копирует внешние образы и их свойства во внутреннее пространство сознания, и для их обратной вербальной передачи они трансформируются в лексические единицы. Таким образом, мы утверждаем, что в сознании человека существуют естественные образы внешней материи и словесные их образы,

которые тесно связаны друг с другом. Как было отмечено, именно эти словесные образы в течение всего исторического периода формирования человеческой речи, становились вполне автономной конструктивной системой в плане их функциональностей, и в настоящее время представляют собой естественный вербальный человеческий язык.

Исходя из этого, подтверждается огромное количество компонентных единиц предметного характера, которые в своих композициях репрезентируют интеллектуальную характеристику человека.

Таким образом, в данной главе рассматриваемое концептуальное поле характеризуется в его семантико-концептуальных особенностях.

Семантико-концептуальный анализ (когнитивный метод) – это главный метод верификации основных теоретических принципов когнитивной лингвистики вообще. Если другие методы в их широком понимании будут считаться собственно анализами, то данный метод функционирует как когнитивно-семантический синтез-анализ: сначала полученные данные (материалы и знания), которые являются результатами вышеназванных методов, синтезируются, комплектируются в конструкцию с уже сформированными взаимозависимыми результатами, и потом имплицитно и эксплицитно детерминируются по возникшим из этого уникально-идентичным установкам. В нашем случае данными установками являются концептуальные микромоделю интеллектуальной характеристики человека.

Само понятие *концептуальная микромодель* нами воспринимается как функционально-мыслительное звено, отражающее специфичную речевую и когнитивную установку, которая является минимально-своеобразной составляющей когнитивной модели. Она включает в себя лексико-семантические единицы, выражающие минимальные ментально-культурные, индивидуальные, также денотативные и коннотативные значения. Данные микромоделю, соединяясь между собой, образуют целое и составляют концептуальную модель, которая в свою очередь образует когнитивную модель.

Данный анализ основывается, прежде всего, на том, что когнитивные функционально-информативные процессы в сознании человека представляют собой достаточно структурированную внутреннюю систему, которая имеет следующие свойства:

1) внутренние пространство-временные параметры (широта, длина, дальность/далёкость, углубленность; медленность, быстрота и т.п.): *дурандеш* (*дур* – дальний/дально-), *фарохбин* (*фарох* – широкий/широко), *охистарой* (*охиста* – медленный/медленно), *тезхуш* (*тез* – быстрый/быстро), *зудфаҳм* (*зуд* – быстрый/быстро), *пешандеш* (*пеш* – перед); дальновидный (дально), глубокомыслящий (глубоко), предусмотрительный и т.д.;

2) объем и количество (полнота/неполнота, достаточность/недостаточность): *камдон* (*кам* – малый/мало), *пурдон* (*пур* – полный/полно), *комилрайъ* (*комил* – совершенный), *серандеш* (*сер* – сытый); *многодумный* (много), *малосообразительный* (мало), *премудрый* и т.д.;

3) свойство: *пухтарой* (*пухта* – спелый/спело), *солимақл* (*солим* – здоровый/здорово), *равшанфикр* (*равшан* – светлый/светло), *хушкмағз* (*хушк* – сухой/сухо), *сустандеш* (*суст* – слабый/слабо), *сабукмағз* (*сабук* – легкий/легко); *здоровомыслящий*, *остроумный* и т.д.;

4) качество: *хушзеҳн* (*хуш* – приятный), *нодирадон* (*нодир* – уникальный), *покизамағз* (*пок* – чистый), *писандидафикр* (*писандида* – излюбленный); *хитроумный*, *простофиля*, *невежественный* и т.д.;

5) контроль над когнитивными функциями: *соҳибфикр* (*соҳиб* – хозяин, владелец) и т.д.;

6) намерение: *некандеш* (*нек* – добрый/добро), *муборакандеш* (*муборак* – святой/свято, благой/благо); *каҷфаҳм* (*каҷ* – изогнутый, неправильный); *благодарный* (*благо*) и т.д.

Названные свойства, как видно, прежде всего выражаются в периферийных единицах компонентных (сложных) слов, и процесс появления новых слов в таджикском языке по внешним материальным образам до сих пор продолжается.

Следует отметить, что в нашей работе, при семантико-концептуальной идентификации лексем, в качестве вспомогательных данных, использовались

основные результаты лексикографического анализа лексики интеллектуальной характеристики человека в таджикском и русском языках¹⁵, тем самым, мы старались не воспроизвести все интерпретируемые значения лексем (из словарей и функционирующих в текстах), с целью уменьшить слишком большой объем научного текста.

3.1. Положительно-интеллектуальная характеристика человека в таджикском языке

В таджикском языке в результате применения данных методов были выявлены 11 микромоделей положительно-интеллектуальной характеристики человека, которые ниже даются в таблице.

Таблица 9.

Концептуальные микромоделей лексики положительно-интеллектуальной характеристики в таджикском языке

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МИКРОМОДЕЛИ	С*¹⁶	%
«Умный: наличие мыслительного потенциала» <i>ақлдор, ақлнок, андешавар, андешаварз, андешаманд, андешанок, боақл (баақл), боақлак, боандеша (баандеша), бокалла, калладор, оқил, соҳибақл</i>	13	5,7%
«Дальновидный +предусмотрительный+умный: наличие ума, дальновидности и предусмотрительности» <i>баидулфикр, болигназар, дурандеш, дурбин, дурназар, дурнамосоз, дурнигар, жарфандеш, жарфбин, оқибатандеш, охирандеш, охирбин, пешандеш, пешбин, поёнбин, поиннигар, умқсанч, фарохандеш, фарохбин, фарҷомҷӯӣ</i>	20	9%
«Аналитик+рассудительный+умный: наличие ума, рассудительности и разборчивости» <i>андешакор, андешасанч, бомантиқ, борикандеш, борикбин, ботинбин, дақиқадон, дақиқайёб, дақиқасанч, дақиқашинос, дақиқбин, дақиқаназар, дарунбин, кунҷкоб, мулоҳизакор, мӯшикоф, нозукандеш, нозуксанч, нозукфаҳм, нозукхайёл, нуктасанч, нуқтадон, равшанқиёс, рамузфаҳм, умқсанч, хурдабин</i>	26	11,5%
«Сметливый+ловкий+одаренный+умный: наличие ума, смекалки и одарённости» <i>адофаҳм, баҳуш (боҳуш), бедор, бедормағз, бедорфикр, бодаҳо, бодикқат, бозехн, боидрок, бофаросат, бофатонат, бофаҳм, бохуш, бошуур, гапфаҳм, гурбуз, даррок, закитабъ (закӣ), заковатманд, заковатнок, зариф, заҳин, зеҳнтез, зирак, зиракманиш, зирактабиат, зудфаҳм, калак, мудрик, нодирадон, покизамағз, пурҳуш, равшанбасар,</i>	64	28,3%

¹⁵ Для этого использовались двуязычные таджикско-русские и русско-таджикские, толковые и энциклопедические словари.

¹⁶ Количество слов

<i>соҳибидрок, соҳибтафаррус, соҳибфаросат, соҳибфаҳм, суханфаҳм, тезвир, теззеҳн, тезфаҳм, тезфикр, тезҳуш, тундзеҳн, фаросатманд, хуршедхуш, хушзеҳн, хушфаҳм, ҳозирчавоб, ҳушёр, ҳушиманд, чобукандеш (-а), чораандеш, шуурнок, чорабин, чорагар, чоракор, чорасоз, чораҷӯ, тадбирсоз, илоҷгар, тадбирандеш, тадбирҷӯ, тадбиргар</i>		
«Знающий+эрудированный: наличие ума, информации и знания» <i>аллом, ағлам, бомағлумот, босавод, донишандӯз, мағлумотнок, донишандухта, донишафруз, донишвар, донишиманд, доништалаб, зиёӣ, зуфунун, илмдор, илмнок, илмҷӯ, олим, соҳибмағлумот, хушсавод, ҳамадон, фозил, доно</i>	22	9,8%
«Мудрый+знающий: наличие мудрости и знания» <i>адабсанҷ, баландмағрифат, бинодил, бихрад, болиғдил, боманиш, ботадбир, бохабар, бохирад, волохирад, дилогоҳ, комилрағӣ, лабиб, мағрифатнок, мутафаккир, оқил, огоҳдил, ориф, осмонфарҳанг, оҳистарой, пурманиш, пурхирад, пухтарой, соҳибмаслиҳат, соҳибтадбир, соҳибтафаккур, соҳибфикр, соҳибхирад, фарзон, фарзона, фарҳехта, хирадёфта, хирадманд, хирадпарвар, хирадпеша, ҳаким, бомағз, бомағрифат, бисёрмағз, пурмағз, доно, пурдон, тадбиришинос</i>	43	19%
«Здравомыслящий+правильный+умный: наличие здорового и правильно ума» <i>дурустандеш, покандеш, равшанбин, равшанрой, равшанфикр, ростфикр, ростандеш, солимақл, солимфикр</i>	9	4%
«Благородный+умный: наличие ума и благородности» <i>андешасигол, муборакандеш, некроӣ, некандеш, писандидафикр, фархундарой, хайрандеш, дарвешсират, дарвешсифат</i>	9	4%
«Совершенный+умный: наличие достаточного совершенного ума» <i>ақлрасо, амиқулфикр, комилақл, фикррасо</i>	4	1,7%
«Обладатель+контролирующий+интеллект: устойчиво обладающий и контролирующий интеллектуальными способностями»¹⁷ <i>росихдам, соҳибназар, соҳибтафаррус, соҳибрағӣ, соҳибақл, соҳибфаросат, соҳибмаслиҳат, соҳибтадбир, соҳибтафаккур, соҳибфикр, соҳибхирад, соҳибидрок, соҳибфаҳм, соҳибмағлумот</i>	14	6,1%
«Умный+думающий много: наличие ума и много мыслительных процессов» <i>серандеша, пурандеша (пурандеш)</i>	2	0,9%
Итого:11	226	100%

¹⁷ Большинство лексем данной микромоделю функционируют в разные другие микромоделю. Кроме значения, свойственные им в отдельных микромоделюх, они содержат коннотативную сему «обладателя, контролирующего во всю денотативную ядерную сему».

1. Концептуальная микромодель «Умный: наличие мыслительного потенциала»

Данная микромодель имеет в своей семантической и концептуальной содержательности простое денотативное значение, представляющее легко идентифицируемое мыслительное ядро. По своей семиотической сущности, слова, входящие в эту микромодель, не содержат особых коннотативных значений, т.е. по своей функциональности репрезентируют только «способного положительно задействовать свои интеллектуальные способности».

«Ман то он вақт ин домуллои худро ... як одами донишманд ва боақл гумон мекардам. Аммо ҳамон рӯз донистам, ки домуллоям ҳам аз ҳамон муллоҳои ҷоҳили бесавод кам фарқ доштааст» [Айни, 1990: 236].

«До этого момента я считал своего муллу учёным и умным человеком. Однако в тот день мне стало понятно, что мулла тоже не очень отличается от тех невежественных безграмотных мулл».

В данном примере, исходя из смысла второго предложения, которое опровергает семантику первого, слово *боақл* идентифицирует человека, имеющего элементарные интеллектуальные способности. Такой же семантикой репрезентируется слово *оқил*, например: «- Шумо, ки дар ҳолати *оқил* ва болиғ будан дар ин маҷлиси хайр ҳозир мебошед, ин духтари ҳозир истодаро бо никоҳи мусалмонӣ қабул кардед ба занӣ?» [Ёддоштҳо, 1990: 90]. – «- Вы, находясь в состоянии **разумности** в этой благородной встрече, согласны взять по мусульманскому бракосочетанию в жены эту девушку?»

Необходимо отметить, что данной концептуальной микромодели свойственна также возрастная особенность. Такая особенность, как мы считаем, связана с элементарностью сигнификативного значения, которая позволяет лексем настоящей микромодели больше всего быть продуктивным в характеристике, прежде всего средних и ниже средних возрастов.

Например: «... *аризаро навишта ба бародари ту Қурбонниёз, ки ҷавони боҷасорати оқил аст, сунурдам...*» [Ёддоштҳо, 1990: 71]. – «... написав

заявление, я отдал его твоему брату Курбониязу, который является смелым и **разумным** юношей».

Однако в этой связи есть ещё и нейтральные слова, которые характеризуют индивидов всех возрастов, тем самым функционируют наиболее продуктивно, и, в отличие от других слов данной микромоделю, их частотность более высока в книжной речи. К данным единицам относятся производные от слова *андеша* «мысль»: *андешаманд*, *андешавар*, *андешаварз*.

Данная концептуальная микромодель имеет в своей лексической базе 13 слов, что составляет почти 6% положительно-интеллектуальной характеристики, и занимает среди других микромоделю данной характеристики 7 место. Такое положение связано с элементарностью денотативного значения, которое содержит в себе данная когнитивная установка (концептуальная микромодель). При этом, исходя из контекстуального анализа и лингвистического эксперимента, несмотря на такое количество лексем, её частотность употребления как репрезентации «наличия у индивида мыслительного потенциала» остаётся самым высоким.

Важно отметить, исходя из вышесказанного, что оппозиция «умный - дурак» никак не может охватывать весь лексико-семантический и фразеологический спектр интеллектуальной характеристики человека, как это отмечается в некоторых исследованиях подобного рода, где даже данная оппозиция фигурирует в названиях работ.

Основным ядерно-денотативным компонентом данной микромоделю является единица *ақл* – ‘ум’, которая больше всего используется именно в этой микромоделю, чем во всех других вместе взятых микромоделюх, и которая используется в 6 производных, где она ярко проявляет свою ядерную сему, при этом, как это было уже отмечено, не содержит значимую коннотативную семантику: например, есть такие микромоделю, как «Сметливый...», «Знающий ...» и т.д., которые в качестве ядерной семантики носят доминанты «имеющий потенциальную память» и «имеющий

действенную структурированную информацию». Подобные микромоделли не несут в качестве доминанты «акл» - «ум».

2. Концептуальная микромодель «**Дальновидный + предусмотрительный + умный: наличие ума, дальновидности и предусмотрительности**»

Данная микромодель содержит 20 лексем (*баидулфикр, болизназар, дурандеш, дурбин, дурназар, дурнамосоз, дурнигар, жарфандеш, жарфбин, оқибатандеш, охирандеш, охирбин, пешандеш, пешбин, поёнбин, поиннигар, умқсанч, фарохандеш, фарохбин, фарқомчўй*). Почти во всех переводных описаниях функционирует лексема *дальновидный*, т.е. из 13 слов, имеющих перевод, у 11 из них присутствует данная лексема, что утверждает её доминантное положение в данной микромоделли.

Репрезентантами данной микромоделли являются семантико-концептуальные параметризации: дальность, протяжённость, конечность, широта и глубина. Перечисленные параметры интерпретируются такими периферийными компонентами, как *дур* – длинный (длинно), *жарф* (*умқ*) – глубокий (глубоко), *охир, оқибат* – конечный, окончательный (последствие), *фарох* – широкий (широко). Из этого следует, что когнитивные установки данной микромоделли репрезентируют внутреннее мыслительное пространство, переводя их на внешнюю речь, используя процессуально-следственные, материально-пространственные лексические компоненты. В этом плане человек, которому присуща такая характеристика, абстрактно создаёт из ряда событий, связанных с социопсихологическими, интеллектуальными факторами, распределяя логическую цепочку по пространственно-временным позициям, создаёт целую конструкцию. Такая конструкция в человеческом сознании сначала компрессируется и трансформируется, а после - репрезентируется во внешний язык любыми единицами (словами) из данной микромоделли. Данное положение (когнитивное, психолингвистическое) следует обобщить изречением основоположника Общей семантики Альфредом Коржибски: «карта не есть

территория, модель мира не есть сам мир, но карта структурно подобна территории, и в этом её польза; мир не сводится к описанному явлению» [Korzybski, 1994]. Подтверждением данных суждений может послужить один лишь факт, что слова данной микромоделю содержат 10 пространственно-временных лексических компонентов, которые сочетаются с такими ядерными компонентами как *фикр* – от *фикркунанда* – ‘думающий’, *андеш* – от *андешакунанда* – ‘мыслящий’, *бин* – от *бинанда* – ‘смотрящий’ и т.д. Необходимо отметить, что данные лексемы, входящие в рассматриваемую микромодель, как было сказано выше, были подобраны не из-за парадигмальных лексико-семантических единиц (компонентов), а именно – толкованием, и по результатам лингвистического эксперимента. Если первый компонент (периферийный) является объектной репрезентацией, то второй, ядерный компонент, является своего рода абстрактным инструментарием, образующим и контролирующим данный объект. В результате, внешне лексико-семантическое и психологическое описание носителя таких свойств интерпретируется как «способного предвидеть все возможные последствия, сценарий своих и чужих действий».

Примеры:

*Охири ҳар гиря охир хандаест, Марди **охирбин** муборак бандаест* [Маснавии маънави, с. 40]. – ‘После всякого плача всегда смеются, **Дальновидный** человек всегда радуется’;¹⁸ *Чунки ин кушиши бефоида суде надорад, Пас маёзор дили худ зи гам, эй дурандеш!* [Ҳофиз, с. 162]. – ‘Однако это бесполезное стремление не имеет выгоду, Тогда не угнетай сердце своё печалью, о **дальновидный!**’¹⁹.

Данная микромодель не содержит специфических возрастных особенностей, однако следует отметить, что чем моложе индивид, тем и относительно снижен его психологический, интеллектуальный и жизненный опыт, и соответственно частотность употребления единиц данной

---

¹⁸ Мой перевод

¹⁹ Мой перевод

микромоделю больше по отношению среднему и вышесреднему возрастам. Например: *Маълум мешавад, ки мӯсафеди дурандеш домодшавандаширо ба пеши хостгоршаванда рост карда (ороста) фиристоданро лозим медонист* [Ёддоштҳо, 1990: 342]. – ‘От этого следовало, что дальновидный старик считал нужным наряжать и отправить жениха к будущей невестке’.

3. Концептуальная микромодель

«Аналитик+рассудительный+умный: наличие ума, рассудительности и разборчивости»

В составе данной микромодели функционируют 26 лексем (*андешакор, андешасанч, бомантиқ, борикандеш, борикбин, ботинбин, дақиқадон, дақиқаёб, дақиқасанч, дақиқашинос, дақиқбин, дақиқаназар, дарунбин, кунҷкоб, мулоҳизакор, мӯшикоф, нозукандеш, нозуксанч, нозукфаҳм, нозукхаёл, нуктасанч, нуқтадон, равшанқиёс, рамузфаҳм, умқсанч, хурдабин*). Следует отметить, что в 14 переводимых лексемах функционирует слово *проницательный*, также в 11 лексем встречаются семы «тонкий», «разбирающий», что в итоге наиболее полно идентифицируют наличие и денотативность данной микромодели в когнитивной системе носителя таджикского языка.

Данная микромодель имеет наиболее тесную связь с микромоделью «Дальновидный», однако обе имеют достаточно значимые отличительные черты. Если считать микромодель «Дальновидный ...» динамичной, исходя из общей когнитивно-семантической структуры, то микромодель «Аналитик ...», в этом плане, является статичным.

Рассматриваемая микромодель репрезентирует когнитивные свойства человека, характеризуя его как «направившего свои интеллектуальные способности к статике заданной синхронной ситуации, задачи, требующие логической идентификации». В отличие от «Дальновидного ...», данная микромодель не содержит внутреннего когнитивного простора, а имеет абстрактно-когнитивную углубленность. Рассматриваемая микромодель, как и остальные, содержит в себе свойственные ей концептуально значимые

ядерные и ядерно-периферийные компоненты *ёб-* (от ОНВ глагола *ёфтан* – найти, или причастия *ёбанда* – находящий), *коб-* (от ОНВ глагола *кофтан* – искать, или причастия *кобанда* – ищущий), *санч-* (от ОНВ глагола *санчидан* – проверить, или причастия *санчшукунанда* – проверяющий), *назар-* (от ОНВ *назар кардан* – смотреть, взглянуть, или причастия *назаркунанда* – взглянувший), *шинос-* (от ОНВ *шинос шудан* – знакомиться, или причастия *шиносанда* – знакомящий), *фаҳм-* (от ОНВ *фаҳмидан* – понять, или *фаҳманда*²⁰ – понимающий), а также *бин-* (от ОНВ *дидан* – видеть, или причастия *бинанда* – смотрящий), (который функционирует и в микромодели «Дальновидный ...», сочетаясь с 6 периферийными компонентами). Данные единицы даже без своих периферийных частей ярко интерпретируют и подтверждают своеобразную концептуальную установку рассматриваемой микромодели и аргументируют когнитивно автономное её существование в сознании индивида. Такое положение выражается целостностью концептуальной капсулы в виде «ищущий + находящий + смотрящий + знакомящий + проверяющий + понимающий», которые могут репрезентировать возможные нейролингвистические фактические элементы.

Однако не менее значимыми и важными являются их периферийные компоненты, которые содержат специфичные данной микромодели параметрические лексико-семантические, концептуальные коннотации. Такими единицами, прежде всего являются *борик*, *ботин*, *дақиқа*, *дарун*, *кунч*, *мулоҳиза*, *нозук*, *нуқта*, *рамуз*, *умқ*, *хурд* (а)²¹ и т.д. Компоненты *дарун* – ‘внутри’, *кунч* – ‘угол’, *умқ* – ‘глубина’, имеющие пространственные значения, понимаются как интерпретирующие статичное пространственное место. Однако здесь компонент *умқ* – ‘глубокий (глубоко)’, который также функционирует в микромодели «Дальновидный ...», включаясь в пласт таких единиц названной микромодели как *дур* – ‘длинный (длинно)’, *охир*, *оқибат* – ‘конечный’, ‘окончательный (последствие)’, *фарох* – ‘широкий (широко)’,

²⁰ Данное причастие считается устаревшим, и оно показано в его диахронической форме.

²¹ Исходя из лексикографического и контекстуального анализа, суди по всему, сочетающим с ядерной единицей *бин*, компонент *хурда* взято от слово *хурд* – маленький, незначительный.

может иметь и пространственно-временную семантическую коннотацию. В отличие от компонентов *дарун*, который обозначает определённый пространственный локум, *кунч*, который обозначает пространственное место, имеющее точки финиш, компонент *умқ* не имеет определённых пространственных ориентиров (ни точки старта, ни точки финиша, ни локума), т.е. абстрактно неизмеряемый. Такая семантическая специфичность позволяет этой единице, в сочетании с её ядерной единицей *санч*, отображать динамичность в интеллектуальной характеристике индивида, а также статичность суммарного сканирования когнитивных сцен.

Другим пространственным компонентом является *борик* – узкий, который сочетается с ядерными единицами *бин* (от ОНВ *дидан* – видеть, или причастия *бинанда* – видящий, смотрящий), *андеш* (от *андешакунанда* – мыслящий). Представленная единица в своей компоновке (*борикбин*, *борикандеш*), как это не парадоксально, не обозначает «узкосмотрящего, узковидящего» или «узкомыслящего, узкодумающего», что является отрицательно-интеллектуальной характеристикой. Прежде всего, данный лексический элемент в плане его когнитивных свойств отображает не предметную фигуру, а пространственную узкую линию, проникающую через абстрактную «полноту». Этой «полнотой» может являться скопление усложняющих интеллектуально-психологических преград, которых индивид, имеющий свойство *борикбин* и *борикандеш*, способен пронзить и достичь эффективного результата.

Наиболее своеобразное семантико-концептуальное значение содержит в себе слова с периферийным компонентом *нозук* (*нозукандеш*, *нозуксанч* и т.д.), который означает «хрупкий, тонкий, чувствительный, мягкий, нежный», например: *шишаи нозук* – хрупкое стекло, *дили нозук* – чувствительное сердце, *дасти нозук* – мягкая, нежная рука, *диди нозук* – тонкий взгляд²². Исходя из значения и функциональной семантики в контексте, рассматриваемый компонент в сочетании с его ядерными единицами

---

²² Можно всё-таки привести здесь примеры из художественной литературы

репрезентирует характеристику индивида, который «вполне приспособлен специально, со свойственной осторожностью и “устойчивой аккуратностью” детализировать и анализировать интеллектуальные, социально-практические задачи». Например: «Дар ин мавридхо вай нафақат чун як нависандаи моҳир, балки ба сифати як нафар олими *нозукбин* низ намоен мешавад» [Улуғзода, 2002: 5] – «В такие периоды он представляется не только как одаренный писатель, но и в качестве *проницательного* учёного».

Таким образом, сигнификативные и денотативные элементы данного пласта слов и их количество (в 26 единиц) являются подтверждением и идентификацией наличия данной концептуальной микромоделю в когнитивной (сознательной) системе носителей таджикского языка.

4. Концептуальная микромодель

«Сметливый+ловкий+одаренный+умный: наличие ума, смекалки и одарённости»

Рассматриваемая микромодель содержит 64 лексемы: *адофаҳм, бахуш, бедормағз, бедорфикр, бодикқат, бозеҳн, боидрок, бофаросат, бофатонат, бофаҳм, боҳуш, бошуур, гапфаҳм, даррок, заковатманд, зариф, заҳин, зеҳнтез, зирак, зудфаҳм, калак, мудрик, нодирадон, покизамағз, пурхуш, равшанбасар, соҳибидрок, соҳибтафаррус, теззеҳн, тезфаҳм, тезфикр, тезҳуш, тундзеҳн, фаросатманд, хуршедҳуш, хушзеҳн, хушфаҳм, ҳозирҷавоб, ҳушёр, ҳушманд, чораандеш, шуурнок, чорабин, чоракор, чорасоз, чорачӯ, тадбирчӯ* и др. Следует отметить, что почти в 97% всех переводимых лексемах функционирует денотативное составляющее данной микромоделю, которое выражается такими словами как *сметливый, сообразительный, догадливый, понятливый* и т.п., что подтверждает наличие и денотативность настоящей микромоделю.

Данная микромодель имеет непосредственную связь с памятью, которая в нашей работе интерпретируется в её общем нейропсихологическом понимании (т.е. не затрагивается её собственно нейрофизиологические свойства).

Рассматриваемая микромодель обозначает имеющего потенциальной и интенсивной памяти, которая, прежде всего, свойственна индивиду в её функциональных и операционных мнемотехнических механизмах. Функциональные механизмы, которые являются онтогенетически закреплёнными в сознании (в мозгу) человека, представляются как основная продуктивная техника адресата данной микромодели. Также к ним прикрепляется и операционные механизмы, которые изначально не были детерминированы происхождением человеческого сознания. Операционные установки в основном усваиваются в процессе обучения и социального опыта, они не играют роль доминанты в данной микромодели, так как преимущественно включают в себе совокупность интеллектуальных операций, что больше всего свойственно микромоделям «Умный ...», «Мудрый ...» и т.д. Однако операционные механизмы играют роль организатора процессов, связанных с памятью, и не являются её стимулом. Тем самым у адресатов данной микромодели память имеет наиболее быстрый темп взаимодействия с интеллектуальными механизмами, что выводит её на первый план. Данные суждения выводятся основными репрезентантами, в зависимости от такой развитой внутренней экстенциональности индивида, получившая эффективное кодирование со стороны адресанта: 1) ядерными компонентами *зеҳн* – сметливость, память, *фаҳм* – понятливость, сообразительность, *фаросат* – догадливость, сообразительность, *хуш* – сознательность, *идрок* – восприятие, *заковат* – одарённость, *бедор* – бодрый и др.; 2) периферийными компонентами *тез*, *тунд*, *зуд* – быстрый (быстро), *чобук* – шустрый (шустро), *тур* – полный (полно), *хуш* – хорошо, *покиза* – чистый (чисто), *равшан* – светлый (светло), *хуршед* – солнце.

Вышесказанные суждения представляют собой общий взгляд на рассматриваемую микромодель, однако для более конкретной презентации требуется детализация лексико-семантической содержимости, при которой

были выделены 6 семантических категорий интеллектуального человека внутри данной микромоделли:

1. **имеющий интенсивную смекалку, сообразительность:** *бахуш* (*бохуш*), *бодиққат*, *бозеҳн*, *боидрок*, *бофаросат*, *бофатонат*, *бофаҳм*, *боҳуш*, *бошуур*;

2. **обхватываемый атрибутивно-интенсивной смекалкой, сообразительностью:** *бедор*, *заковатманд*, *заковатнок*, *зариф*, *заҳин*, *даррок*, *закитабъ* (*закӣ*), *мудрик*, *фаросатманд*, *ҳушманд*, *ҳушёр*, *чораандеш*, *гапфаҳм*, *суханфаҳм*, *бедормағз*, *бодаҳо*, *бедорфикр*, *адофаҳм*, *нодирадон*, *пурҳуш*, *чорабин*, *чорагар*, *чоракор*, *чорасоз*, *чораҷӯ*, *тадбирсоз*, *илоҷгар*, *тадбирандеш*, *тадбирҷӯ*, *тадбиргар*;

3. **имеющий интенсивно-ускоренную смекалку, сообразительность:** *зеҳнтез*, *зудфаҳм*, *тезвир*, *теззеҳн*, *тезфаҳм*, *тезфикр*, *тезҳуш*, *тундзеҳн*, *чобукандеш* (-а), *ҳозирчавоб*;

4. **овладевающий и контролирующий интенсивную смекалку, сообразительность:** *соҳибидрок*, *соҳибтафаррус*, *соҳибфаросат*, *соҳибфаҳм*;

5. **искусно и умело овладевающий интенсивной смекалкой, сообразительностью:** *зирак*, *зиракманиш*, *зирактабиат*, *гурбуз*, *калак*;

6. **имеющий особое качество интенсивной смекалки, сообразительности:** *покизамағз*, *хуршедҳуш*, *равшанбасар*, *хушзеҳн*, *хушфаҳм*, *нодирадон*.

В этом плане особое место занимают *ҳозирчавоб*, *пурҳуш*. Первое образовано из двух компонентов: *ҳозир* – ‘сейчас’ (на данный момент) и *чавоб* (вероятно от *чавобдиҳанда* - отвечающий) – ‘ответ’, что относится к словообразовательному методу основосложения. Исходя из лексикографических данных и контекстуального анализа, а также по результатам ассоциативного эксперимента, слово *ҳозирчавоб* репрезентирует такую когнитивную деталь, свойственную индивиду как его характеристика, протекающая как «получение информации + ускоренная (моментальная) обработка + ускоренная (моментальная) и правильная передача». Тем самым

такой оперативный процесс проводится с одной определённой информацией, которая обычно представляется в качестве вопроса. Данная установка хорошо отображается на примере фразы из произведения Сотима Улугзаде «Ривояти суғдӣ»:

«Муовия баногоҳ чаши кушода пурсид:

- Ба чӣ механдӣ?

Саид пушаймон шуда ва тарсид, лекин тарс ба **ҳозирчавобии** ӯ монёе нашуд:

- Дуруг гуфтани баъзе мадинагиҳо ба ёдам омаду хандидам, - ҷавоб дод ӯ ...»

«Муавия неожиданно открыл глаза и спросил:

- Почему смеёшься?

Саид начал сожалеть и бояться, однако страх не повлиял на его **находчивость**:

- Я вспомнил ложь некоторых мединцев и посмеялся, - ответил он ...» [Улугзода, 2002: 81].

Данный пример является отрывком из текста, в котором персонаж, используя находчивость (*ҳозирчавобӣ*), выходит из тяжелого положения, описанного в контексте в целом.

Другой пример отображает индивида в плане доминанты, которому свойственна такая характеристика: «Домулло Икром бинобар наттоқ ва **ҳозирчавоб** буданаш муқобили худро ба сукут водор мекард» «Домулла Икром, будущий оратором и **находчивым (остроумным)**, обязал своего противника молчать» [Айни, 1963: 47].

Второе, слово *пурҳуш*, образованное компонентами *пур* – полный (полно), много, достаточно и *ҳуш* – сознание (сознательность), репрезентирует качество индивида, «имеющего все необходимые механизмы памяти и когниции (функциональные, операционные) в полноте и изобилии, потенциальность которых имеет постоянный характер».

Наиболее специфичный концептуальный контраст, свойственный данной концептуальной микромодели таджикского языка, передаётся словами *ганфаҳм*, *суханфаҳм*, *покизамағз*, *равшанбасар*, *хуршедхуш*, *калак*, *хушфаҳм*, которые не имеют прямого или концептуально близкого эквивалента. Слова *ганфаҳм*, *суханфаҳм*, содержащие компоненты *ган*, *сухан* – слово, разговор, выделяются своим особым характером как имеющий именно «эффективное и интенсивное аудиальное восприятие»: « - Барои хонандаи *суханфаҳм* арза медорам: дар се соли охир ...» « - Заявляю для понятливого читателя: в трёх последних лет ...» [Пресс обзор №73. от 19.04.08. – 25.04.08. – Азия-Плюс]. Тем самым данное слово может иметь и морально-психологическое значение, которое нередко выявлялось по результатам логико-семантического эксперимента.

Слова *равшанбасар*, *покизамағз*, *хуршедхуш* отображают особый колорит, специфичный больше всего таджикскому языку. Компоненты *равшан* – светлый (светло), *покиза* – чистый (чисто), *хуршед* – солнце (солнечный), отображают внутреннюю когнитивную концентрацию, при которой память хорошо стимулирована к интенсивному восприятию и сохранению информации. Иначе говоря, данные слова с функционирующими в них ядерными единицами *сар* – голова, *мағз* – мозг, *хуш* – сознание, обозначают индивида, «имеющего особое внутреннее сознательное пространство в памяти и когниции, которое очищенное и упорядоченное для сохранения, переработки и воспроизведения информации в достаточной целостности».

Особое лексико-семантическое свойство содержит слово *калак*, которое имеет метафорическое происхождение. В таджикском фольклоре есть сказка, которая называется «Кали зирак» (“Хитрый плешивый”), где главным персонажем является лысый молодой мужчина, имеющий позитивную роль, который, пользуясь хитроумными способами, избегает смерть и «побеждает зло». Предположительно отсюда, при помощи транслитерации, слово *калак* приобрело значение «сообразительного», а его

прямыми эквивалентами в русском языке являются слова *хитроумный*, *прозорливый*.

В целом, все единицы данной микромодеи можно обозначить как два общих когнитивно-семантических пласта: 1) слова, больше настроенные на интенсивное восприятие и 2) слова, больше настроенные на восприятие + относительно эффективная переработка информации.

1. Интенсивное, эффективное восприятие + переработка: *адофаҳм, баҳуш (боҳуш), бедор, бофаҳм, боҳуш, бозеҳн, зеҳнтез, гапфаҳм, заҳин, зудаҳм, пурҳуш, суханфаҳм, тезвир, теззеҳн, тезфаҳм, тезҳуш, тундзеҳн, хушзеҳн, хушфаҳм, ҳушманд, ҳушёр*;

2. Восприятие + эффективная переработка: *бедормағз, бедорфикр, бодаҳо, бодикқат, боидрок, бофаросат, бофатонат, бошуур, гурбуз, даррок, закитабъ (закӣ), заковатманд, заковатнок, зариф, зирак, зиракманиш, зирактабиат, калак, мудрик, нодирадон, покизамағз, равшанбасар, соҳибидрок, соҳибтафаррус, соҳибфаросат, соҳибфаҳм, тезфикр, фаросатманд, хуришедҳуш, ҳозирчавоб, чобукандеш (-а), чораандеш, шуурнок, чорабин, чорагар, чоракор, чорасоз, чораҷӯ, тадбирсоз, илоҷгар, тадбирандеш, тадбирҷӯ, тадбиргар*;

Здесь хорошо прослеживаются характерные возрастные особенности данной микромодеи. Известно, что интенсивность процессов сохранения информации в памяти с возрастом уменьшается, однако интенсивность переработки информации, наоборот, увеличивается. Основываясь на этом, мы провели ассоциативный эксперимент, по результатам которого, а также по результатам контекстуального и лексикографического анализов, выяснилось, что высокая частотность употребления первого пласта (интенсивное, эффективное восприятие) приходится до среднего возраста. Второй пласт в этом плане имеет смешанную возрастную особенность, однако прослеживается его доминантная эффективность в адрес среднего и вышесреднего возрастов.

Следует отметить, что когнитивная идентификация данной микромоделю репрезентируется такими основными доминантами, как *зеҳн* – память, *фаросат* – соображение, *хуш* – сознание, *шуур* – интеллект, *фаҳм* – понимание (восприятие), *идрок* – восприятие.

При всём семантико-концептуальной разнообразии лексем, а также их общих когнитивных свойств, объединяющие их в одной микромоделю, существуют и сложности касательно их категориальной целостности. В этом плане выделяется особый пласт слов, имеющий специфичный характер по сравнению с остальными единицами данной микромоделю: *чораандеш*, *чорабин*, *чорагар*, *чоракор*, *чорасоз*, *чорачӯ*, *тадбирсоз*, *илоҷгар*, *тадбирандеш*, *тадбирчӯ*, *тадбиргар* – “толковый, находчивый, инициативный, переимчивый”. Данные лексемы, в которых главное концептуально-сигнификативное значение содержится в периферийных компонентах (*чора*, *тадбир*, *илоҷ* – решение, выход, инициатива), репрезентируют характер индивида, «использующего свои когнитивные операционные механизмы для интенсивной комплектации внешне объективных сигнальных факторов и их образования в функционально-правильной установке». Настоящее положение данного пласта слов, отличающего его от остальных лексем рассматриваемой микромоделю, заключается не в направленности сознательного потенциала к сохранению информации, а является инструментарием быстрой обработки и получения решений по найденной проблематике (сигнальных факторов). В этом отношении данная микромоделю близка к микромоделю «Аналитик ...» и «Мудрый ...».

Таким образом, данная микромоделю состоит из трёх основных пластов: 1) интенсивное восприятие и сохранение информации; 2) восприятие и интенсивная обработка; 3) интенсивная обработка. Рассматриваемая концептуальная микромоделю занимает 1 место по количеству содержащих в ней единиц и составляет почти 29% всей положительно-интеллектуальной характеристики человека, включая в себя

64 лексем, которые специфичным образом соединяются между собой, и репрезентируют данную микромодель как идентичную и уникальную когнитивную установку.

5. Концептуальная микромодель «**Знающий+эрудированный:** **наличие ума, информации и знания**»

Данная микромодель содержит 22 лексемы (*аллом, аълам, бомаълумот, босавод, донишандӯз, маълумотнок, донишандухта, донишафруз, донишвар, донишманд, доништалаб, зиёӣ, зуфунун, илмдор, илмнок, илмҷӯ, олим, соҳибмаълумот, хушсавод, ҳамадон, фозил, доно*). Следует отметить, что в 9 из 12 переводимых единицах присутствует наличие денотативных значений, которые выражаются такими единицами: *знание, образование, учёный*, что составляет 80% переводимых лексем.

В целом, данная микромодель является репрезентантом, характеризующим индивида как «сочетающий в себе интеллектуально-оперативный механизм и наиболее объективные и комплексные информации (данные) окружающей среды». В качестве таких данных, информации, прежде всего, служат знания объектов действительности, опыт, полученный в результате их научного или более конкретного изучения и обработки.

Главными компонентами, передающими стержень семантико-концептуального значения рассматриваемой микромодели, являются *илм* – ‘наука’, *савод* – ‘грамота’, ‘образование’, *дониш* – ‘знание’, *маълумот* – ‘информация’. Также периферийными компонентами настоящей микромодели являются *дор* (от ОНВ глагола *доштан* – ‘иметь’, далее от причастия *доранда*– ‘имеющий’), *дон* (от ОНВ глагола *донистан* – ‘знать’, далее от причастия *донанда* – ‘знающий’). Все эти единицы (периферийные, ядерные), специфичным образом сочетаясь друг с другом, обозначают эрудированность индивида в его качественном своеобразии. Например, слово *хушсавод*, образованное от двух компонентов: *хуш* – ‘приятный’, ‘хороший’ и *савод* – ‘грамота’, обозначает “грамотного, хорошо образованного человека”; слово *ҳамадон* – от компонентов *ҳама* – ‘всё’, ‘все’ и *дон* от ОНВ глагола

донистан – ‘знающий’, далее от причастия *донанда* – ‘знающий’, обозначает “всезнающего, высокообразованного” и т.д.

Следует отметить, что в таджикском языке функционируют слова, которые интерпретируют особое отношение индивида с его субъектом интеллектуальной деятельности. Например, слова *донишдуст*, *донишпажух*, *донишқарин*, *донишпараст* обозначают отношение, выражающееся в «симпатии» индивида к знанию в целом, однако они обычно не интерпретируют самого «знающего», т.е. денотата данной микромодели. В таджикско-русском словаре данные слова переводятся как «любопытный; стремящийся к знаниям». Таким образом, данные слова не включались в рассматриваемую микромодель.

Возрастная особенность в данной микромодели выражается наиболее специфично, чем в других концептуальных микромоделей. Здесь отношение возраста репрезентируется как универсальное: почти каждое из данных слов может функционировать во всех возрастах. Однако слова *олим*, *аълам*, *алом*, *зиёӣ*, *зуфунун*, *фозил* имеют высокую частотность употребления по отношению индивидов средних и выше средних возрастов: *Ҳар гоҳ, ки касе маъсияте ё мункаре бикунад ва олиме бубинад, бар ӯ фоҷиб бошад, ки ӯро панд диҳад, аз он қораи наҳи кунад* [«Таърихи Табарӣ», с. 437] – ‘Каждый раз, когда кто-то совершает непристойный или греховный поступок, если свидетелем этого становится **ученый**, то на ученого возложено наставлять и предостеречь такого человека от подобного поступка’²³. Наиболее универсальным в этом отношении является слово *доно*, которое используется в адрес индивидов любых возрастов: *Аммо одами доно ва муллои дуруст саллаашро хурд мебандад ва калони ин гуна олимро илму донишаш нишон медиҳад* [Ёддоштҳо, с. 94] – ‘Однако **знающий** человек и правильный мула свою чалму поменьше наматывает, и насколько такие ученые, показывает их знание и образование’. Оно также может вбирать уменьшительно-ласкательные суффиксы *-як*, *-ча*: *донояк*, *доноча*, при

---

²³ Перевод мой

которых образованные, таким образом, слова обозначают сметливого и выделяющимся своими знаниями ребенка. Например: *Алҳол Мавзуна ва шавҳараш Амон соҳиби як фарзанд – духтараки донояку зебожанд ва хушбахтона умр ба сар мебаранд* [ТИРОЗ.ORG. (электронный ресурс) URL: <http://tiroz.org/mavzuna-ba-olimpiada-meravad/>] – ‘Сейчас Мавзуна и её муж Амон имеют малыша – **смышленную** и красивую дочку, и они живут счастливой совместной жизнью’.²⁴

6. Концептуальная микромодель «Мудрый+знающий: наличие мудрости и знания»

Данная микромодель содержит 43 лексем (*адабсанҷ, бинодил, бихрад, болиғдил, боманиш, ботадбир, бохабар, бохирад, волохирад, дилогоҳ, комилраъӣ, мутафаккир, оқил, огоҳдил, ориф, осмонфарҳанг, оҳистарой, пурманиш, пурхирад, пухтарой, соҳибмаслиҳат, соҳибтадбир, соҳибтафаккур, соҳибфикр, соҳибхирад, фарзон, фарҳехта, хирадёфта, хирадманд, хирадпеша, ҳақим, бомаърифат, пурдон* и др.), у 32 имеется перевод на русский язык, в 20 из которых присутствуют лексико-семантические единицы *мудрец, мыслитель* и т.д., которые идентифицируют денотативное значение настоящей микромодели.

Внутренняя психико-интеллектуальная организация данной микромодели репрезентируется как «сочетания глубоких знаний и устоявшего опыта оперирования интеллектуальными механизмами». Причём эти знания являются результатами изучения и обучения, а также – социального опыта человека. Сам интеллектуально-операционный механизм тоже является результатом логико-аналитического опыта индивида. Однако инструменты, формирующие данный механизм (подобную установку), не приобретаются через опыт, они существуют изначально в человеческом сознании. Таким образом, знания и социальный опыт, интеллектуально-операционные механизмы приобретаются в течение времени во взаимодействии друг с другом, и композиция таких свойств формируется в

---

²⁴ Перевод мой

концептуальную микромодель, которая получила название «Мудрый+знающий».

Основные семантико-концептуальные окраски данной микромодели передаются, прежде всего, как это свойственно таджикскому языку, компонентными словами. Значимым доминантно-ядерным компонентом этой микромодели является единица *хирад* – ‘мудрость’, которая по количеству своих компонации больше всех других, а сложные и составные слова данной микромодели с этим компонентом составляют 9 единиц: *пурхирад* (*пур* – ‘много, достаточно’), *соҳибхирад* (*соҳиб* – ‘владелец, хозяин’), *хирадманд* (-*манд* – словообразовательный суффикс, обозначающий собственника) и т.д. Также, в целом, выделяются 17 препозитивных и постпозитивных периферийных компонентов, из которых наиболее колоритными по концептуальному содержанию являются: *-парвар* – от ОНВ глагола *парваридан* – ‘выращивать, вырастить’, далее усеченный от причастия *парваранда* ‘воспитывающий, выращивающий’, который, сочетаясь с ядерным компонентом *хирад* (*хирадпарвар*), интерпретирует индивида как «совершенствующего в себе мудрость и особо признающего её у других»; *воло* – ‘превосходный’, ‘почётный’ в слове *волохирад*²⁵, репрезентирующее индивида как «в достаточно высокой степени овладевающий *мудростью*»; *-пеша* – ‘ремесло, занятие’: *хирадпеша* – «придерживающийся постоянной и активной функциональности когнитивного механизма *мудрость*»; *соҳиб* – ‘владелец, собственник’: *соҳибтадбир* (*тадбир* – ‘мера, решение’, ‘мнение’) – данное слово репрезентирует индивида, имеющего хорошо адаптированный функционально-интеллектуальный механизм, доминантно контролирующий свои знания.

Однако наиболее колоритным в плане концептуального характера являются в основном слова *болигдил*, *дилогоҳ*, *бинодил*, *оҳистарой*, *пухтарой*,

---

²⁵ Лексемы, *волохирад*, *оҳистарой*, *боманиши*, *лабиб*, отнесённые двуязычными словарями к книжной речи, в толковых словарях такое указание не имеется.

бисёрмағз, пурмағз, осмонфарҳанг, адабсанҷ. По формальной структуре данные лексемы делятся на несколько категорий:

1) В словах *болиғдил, дилогоҳ*²⁶, *бинодил* ядерной единицей является *дил* – ‘сердце’, которая сочетается с периферийными компонентами *болиғ* – ‘взрослый, зрелый’, *огоҳ* – осведомлённый, *бино*²⁷ – видящий. Данные композиции имеют такие семантико-когнитивные свойства: “зрелый, взрослый + сердце” – *болиғдил* – репрезентирует «имеющего широкие адаптированные знания и оперативно-когнитивные механизмы, единая установка которых не содержит негативных явлений»: (пример); “сердце + осведомлённый” – *дилогоҳ* и “видящий + сердце” – *бинодил* – репрезентируют индивида, «имеющего стимульные адаптированные знания и оперативно-когнитивные механизмы», доминантой которого является глубокое восприятие основ человеческой деятельности и его природы.

2) Слова *оҳистарой, пухтарой*, в которых в качестве ядерной единицы функционирует компонент *рой* – ‘мнение’, ‘дум’, ‘мысль’, а в качестве периферийной единицы – компоненты *оҳиста* – ‘медленно (медленный)’, *пухта* – ‘варенный, созревший, спелый’, являются наиболее концептуально экспрессивными, связанными с особым мировосприятием таджикского языка. Прежде всего, таким словом является *оҳистарой* (*оҳиста* + *рой* – “медленно + мнение, дум”). Хотя здесь присутствует семантический компонент *оҳиста*, который в таджикском языке имеет только значения «медленно, тихо, неторопливый», данное компонентное слово вовсе не означает «медленно думающего», «неторопливо думающего» или «слабо думающего». Слово *оҳистарой*, исходя из лексикографического, словарного анализа, имеет значения «мудрого, знающего», а по результатам контекстуального анализа и логико-семантического эксперимента, данное слово репрезентирует индивида как «имеющего адаптированные знания и сформированный оперативно-когнитивный механизм, детализирующий при

²⁶ Лексема *огоҳдил* в двуязычных словарях ссылается на *дилогоҳ*, однако в толковом словаре она имеет собственное описание: «ОГОҲДИЛ دلاگاه бохабар, доно, дилогоҳ, соҳибдил».

²⁷ Данное слово является омонимом, которое также обозначает «здание, сооружение».

этом все мыслительные сегменты с последовательной переработкой», лексико-семантическая интерпретация которого внешне отображается как «тщательно думающий мудрый человек». Такая процессуальность, возможно, стало причиной образования лексемы *оҳистарой* как объективного репрезентанта. Соответствуя данным положением, следующим таким словом является *пухтарой* (пухта+рой) – “варенный, созревший + мнение, дум”, которое репрезентируется как «имеющий адаптированные знания и сформированный оперативно-когнитивный механизм, функционирующий высоко продуктивно».

3) Слова *бисёрмағз*, *пурмағз* имеют ядерный компонент мағз, что означает «ядро, мозг», а периферийные *бисёр*, *пур* являются близкими синонимами и означают «много, полно, достаточно (достаточный)». Данные слова, исходя из результатов соответствующих лингвонаучных методов, прежде всего контекстного анализа и ассоциативного эксперимента, репрезентируют индивида, у которого внутренняя интеллектуально-сознательная организация сформирована как «имеющего максимально-комплексные адаптированные знания во взаимодействии с оперативно-когнитивными (интеллектуальными) механизмами».

Однако слова *осмонфарҳанг* и *адабсанҷ* имеют особое место в концептуальной картине интеллектуальной характеристики человека в таджикском языке: они наиболее высокие по стилю, и наиболее концептуальные по содержанию. Первое слово, *осмонфарҳанг*, состоит из компонентов *осмон* – ‘небо’ и *фарҳанг* – ‘культура, просвещение, образование’, композиция таких единиц даже в таджикском языке является уникальной. Компонент *осмон*, исходя из результатов ассоциативного эксперимента, аллегорично понимается как пространственная параметризация “безгранично высокий + безгранично широкий”, а *фарҳанг* – как «воспитание, знание, мудрость». Как выясняется, данное слово не соответствует его контекстуальному значению, и, предположительно, оно образовано из коннотации его ассоциативных дискурсов. Таким образом,

было выявлено, что слово *осмонфарҳанг* является репрезентантом «полной внутренней гармонией достаточно объемных знаний, опыта и механизмов интеллектуальной деятельности в свободной и постоянной функциональности».

Второе слово, *адабсанҷ*, состоит из компонентов *адаб* – «воспитанность, образованность, вежливость» и *санҷ* – (от ОНВ *санҷидан* – ‘проверять’) ‘проверяющий, испытывающий’. Поскольку ядерный компонент *адаб* (‘воспитанность’, ‘образованность’, ‘вежливость’), как единица морально-нравственной характеристики человека, «приобретается в результате обучения и самообучения нравственным нормам, социальному опыту, и в сочетании с получением и накоплением фактических и нефактических знаний», данный компонент, специфичным для таджикского языка способом, сочетается с периферийным компонентом *санҷ*. В полученной словоформе, компоненту *санҷ* придаётся значение «функционально-интеллектуального механизма» или «оперативно-когнитивного инструмента», и сформированное слово репрезентирует, прежде всего, интеллектуальное качество человека, «имеющего всесторонние знания, социальный опыт во взаимодействии с оперативно-интеллектуальным механизмом».

Тем самым, данной микромоделю свойственна выраженная возрастная особенность. Такая особенность связана с тем, что широкие фактические и нефактические знания, социальный опыт и формирования когнитивных установок, образуясь во взаимодействии друг с другом, требуют большое количество времени, которое, вероятно, охватывает более половины среднечеловеческого возрастного периода жизни. Эти утверждения также были подтверждены в результате лингвистических экспериментов. Исходя из этого, было выяснено, что данными лексемами характеризуются в основном индивиды выше средних возрастов, у которых присутствует такое когнитивное формирование. Данная особенность хорошо проявляется в сравнении и сопоставлении данной микромоделю с микромоделю «Умный:

наличие мыслительного потенциала», которую можно считать «прогрессирующей», расширяющаяся из элементарных функционально-интеллектуальных механизмов («Умный ...») до сложно-оперативных, когнитивно-интеллектуальных механизмов, взаимодействующих с накопленными всесторонними знаниями и опытом («Мудрый ...»). Таким образом, конечным, финальным этапом микромоделей «Умный ...» является «Мудрый ...», а интервал между этими микромоделями занимает долгий период среднечеловеческой жизни, что было подтверждено лингвистическими экспериментами. Возрастная особенность данной микромодели также подтверждается по результатам исследований возрастной психологии [Шаповаленко, 2005].

Тем самым слова *доно* – знающий и *оқил* – ‘умный, разумный’ в плане возрастной принадлежности являются нейтральными, т.е. ими адресуют индивидов почти любых возрастов. Например: *Пеши падараш кас фиристод, ки ин писар оқил намешавад ва наздик аст, ки маро девона кунад* [Саъди Шерозӣ. Гулистон, с. 115] – ‘Отправил человека с вестью к его отцу, что ваш сын не может стать мудрым, он близок к тому, чтоб свисти меня с ума’²⁸.

Халқро яқсар савод омуктему чаши хат, Бояд акнун босаводаш оқилу доно шавад. [Лоиқ Шералӣ. Куллиёт, с. 239] – ‘Научили народу грамоте и научили его читать, Теперь необходимо ему стать мудрым и **знающим**’²⁹.

7. Концептуальная микромодель

«Здравомыслящий+правильный+умный: наличие здорового и правильно ума»

Данная микромодель содержит 9 лексем (*дурустандеш, покандеш, равшанбин, равшанрой, равшанфикр, ростфикр, ростандеш, солимақл, солимфикр*),³⁰ и имеет близкое отношение к морально-этическим

²⁸ Перевод мой

²⁹ Перевод мой

³⁰ Лексемы *покандеш* и *ростандеш*, как отдельные словарные статьи, также отсутствуют и в толковом словаре, однако они функционируют в интерпретации лексем *равшанфикр* и *ростфикр*:

характеристикам человека, тем самым в отличие от всех внутренних характеристик человека, она репрезентирует внутреннюю когнитивную установку индивида, отображающаяся как «более корректная систематичность функционально-оперативных, интеллектуальных механизмов». Однако каждая единица имеет специфичное ей семантико-концептуальное значение, исходя из чего, можно распределить данные слова на 4 пласта:

1) *дурустандеш, ростфикр, ростандеш*. Здесь периферийные компоненты *дуруст, рост* являются близкими синонимами, которые имеют значение «правильный, верный», а компоненты *фикр* – мнение (или от *фикркунанда* - думающий), *андеш* (от *андешакунанда*) – мыслящий (или ОНВ от *андешидан* - мыслить), таким образом, получается «правильный, верный + мнение (думающий)» и «правильный, верный + мыслящий». В этом плане важна семантико-когнитивная идентификация «правильности» индивида, которая является результатом «упорядочения когнитивных установок, социального и личного опыта». Данное значение сочетается с ядерными компонентами и репрезентирует «детальное упорядочение знания и опыта в системном механизме когнитивных функций»;

2) *равшанбин, равшанрой, равшанфикр*. Периферийным компонентом данных единиц является *равшан* – ‘светлый, ясный, яркий’ и ядерные *бин* (от *бинанда*) - видящий, *рой* – мнение, суждение и *фикр*, передают особый колорит таджикского языка. Однако по результатам контекстуального анализа и ассоциативного эксперимента данные лексемы являются репрезентантами «интеллектуально-когнитивного оперирования знаниями и опытом, в результате чего формируются новые установки». Таким образом, в данных словах периферийный компонент *равшан* функционирует в своей коннотацией «новый», которая не зафиксирована словарями;

«РАВШАНФИКР *فکرروشن* он ки вазъу андешаи возеху равшан дора, покандеш», «РОСТФИКР *فکررост* он ки фикру андешаи рост дорад, ростандеш», также в результате контекстуального анализа и метода анкетирования данные лексемы встречались несколько раз.

3) *солимақл, солимфикр*. Периферийный компонент *солим* – здоровый, невредимый и ядерные *ақл* – ум и *фикр* – мнение, сочетаясь друг с другом, репрезентируют индивида, свойственному «продуктивные интеллектуально-когнитивные механизмы, стимулирующие целостность своих установок и своего функционирования»;

4) *покандеш*. Данное слово, сформированное при помощи компонентов *пок* – ‘чистый’ и *андеш* (от ОНВ гл. андешидан – ‘мыслить’, далее от прич. *андешакунанда*) – ‘мыслящий’, имеет близкое отношение к морально-нравственным качествам. Тем самым продуктивно функционирует в интеллектуальных характеристиках как репрезентант, «имеющий объективные мыслительные установки, которые в своём функционировании полностью игнорируют негативно-неправильные явления (моральные, социальные)».

8. Концептуальная микромодель «Благородный+умный: наличие ума и благородности»³¹

Данная микромодель содержит 9 лексем (*андешасигол, муборакандеш, некрой, некандеш, писандидафикр, фархундарой, хайрандеш, дарвешсират, дарвешсифат*), и репрезентирует «имеющего когнитивно-интеллектуальные установки, функционирующие под диктатом “добро”».

Тем самым, настоящая микромодель очень близка к морально-нравственным характеристикам человека, прежде всего, к тем характеристикам, которые репрезентируют «добродетеля». Однако, в отличие от морально-нравственных положительных качеств человека, которые имеют сигнификаты «доброе действие», данная микромодель обозначает «доброе интеллектуальное действие».

---

³¹ Лексемы *муборакандеш* и *некрой*, как отдельные статьи отсутствуют в двуязычных и толковых словарях, однако они отмечаются как основные синонимы и представляют собой синонимическую интерпретацию лексемы *фархундарой*: «ФАРХУНДАРОЙ رايفرخنده *муборакандеш, некрой, некандеш*», также они функционируют в других контекстах из художественной литературы. Кроме того, по результатам метода анкетирования, данные лексемы были обозначены как существующие и употребительные.

Наиболее концептуально-идентичными единицами в этой микромодели являются слова *дарвешсират* и *дарвешсифат*. В результате проведения логико-семантического эксперимента выяснилось, что *дервиши* (отшельники, аскеты) в сознании таджикского языкового менталитета имеют образ «очень скромного мудреца», т.е. в своей коннотативной характеристике содержат сему «умный». Дервиши странствуют с целью поучиться и поучать. Из давних времён и до конца их существования, как носителей мудрости и таинственных знаний о мире, *дервишев* воспринимали как олицетворение высшей доброты, которая сочетает в себе таинственной мудрости и скромности. Данное восприятие сохранилось в ментальном языковом генофонде таджикского народа, и с упоминанием слово «дарвеш» автохтоны-таджики понимают в первую очередь «доброго и скромного мудреца», что и подтверждается данными логико-семантического эксперимента. В данных лексемах компоненты *сират* и *сифат* имеют следующие значения: *сират* – характер, натура, *сифат* – качество, качественный, другими словами, *дарвешсират* – это “*дервишехарактерный, дервишская натура*”, а *дарвешсифат* – это «дервишеподобный». Следует отметить, что данные лексемы нередко имеют морально-нравственные денотаты ‘доброта’ и ‘скромность’, однако в результате контекстуального анализа и ассоциативного эксперимента было выявлено, что в большинстве случаев семы «умный» и «добрый» являются их неотъемлемой части, что послужила аргументацией включить их в состав интеллектуальной характеристики.

Таким образом, данные единицы репрезентируют «имеющего обширные знания и вполне сформированный индивидуальный и социальный опыт во взаимодействии с устойчивыми когнитивно-интеллектуальными механизмами, в функциональность которых присутствует коннотация *добро*».

9. Концептуальная микромодель «Совершенный+умный: наличие достаточного совершенного ума»

Данная микромодель содержит 4 лексем (*ақласо*, *амиқұлфикр*, *комилақл*, *фикррасо*),³² и репрезентирует индивида, «имеющего достаточно сформированный оперативно-интеллектуальный механизм, хорошо перерабатывающий психокогнитивные задачи». Здесь периферийные компоненты *расо* – достаточный (достаточно), полный (полно), ровный (ровно), *амиқ* – глубокий (глубоко), *комил* – совершенный, целый и ядерные *ақл* – ум и *фикр* – мнение (дум), сочетаясь между собой, интерпретируют индивида, который рассматривает и решает внешние и внутренние психологические, интеллектуальные задачи со всеми их дискретностями. В отличие от других микромоделей, она функционирует в положительно-интеллектуальных характеристиках как наиболее нормативное, сбалансированное проявление положительно-интеллектуальных свойств человека.

По результатам лингвистического эксперимента и контекстуального анализа было выявлено, что данная микромодель употребляется в основном в адрес индивидов совершеннолетнего и среднего возрастов. Мы предполагаем, что такая возрастная особенность данных лексем зависит от общего (психологического, физиологического) формирования человека как личности. Как известно, личность формируется в результате приобретения человеком индивидуальных и социальных качеств, которые обусловлены освоением доступных отношений, происходящих во внешнем мире. В целом, данный процесс охватывает большой период человеческой жизни. Такие особенности хорошо прописаны как коннотация в самих лексемах рассматриваемой микромодели, к примеру, компонент *расо* означает «ровный, совершенный, достаточный, сбалансированный, точный» [ФТЗТ, 2008].

---

³² Лексема *комилақл*, как отдельная статья, также отсутствует и в толковом словаре, но функционирует как основной синоним в интерпретации лексем *ақласо*: «АҚЛРАСО *رساعقل* *комилақл*, он ки ақли расо дорад»

10. Концептуальная микромодель
«Обладатель+контролирующий+интеллект: устойчиво
обладающий и контролирующий интеллектуальными
способностями»³³

Данная микромодель содержит 14 лексем (*росихдам, соҳибназар, соҳибтафаррус, соҳибраъй, соҳиббақл, соҳибфаросат, соҳибмаслиҳат, соҳибтадбир, соҳибтафаккур, соҳибфикр, соҳибхирад, соҳибидрок, соҳибфаҳм, соҳибмаълумот*). Большинство данных лексем функционируют в других микромоделях. Как отдельная микромодель, они были выделены (исследователем–носителем и информантами-носителями), исходя из своеобразного концептуального свойства, как репрезентирующие «детально познавшего свои интеллектуально-когнитивные механизмы, свой опыт и знания, их функционирования, исходя из чего, доминантно контролирующий и регулирующий всеми интеллектуальными процессами».

Дефиниционной единицей здесь является компонент *соҳиб* – ‘владелец, хозяин, обладатель’, который носит основную концептуальную идентичность данной микромодели.

В данной микромодели функционируют слова *росихдам, соҳибназар, соҳибраъй*, которые в других микромоделях не фигурируют. Специфичное содержание имеет слово *росихдам*, которое интерпретируется в толковых словарях как «устойчивый в своих мнениях», и в этом плане к денотативному содержанию рассматриваемой микромодели прибавляется ещё и коннотация “устойчивость”. Такая семантика хорошо отражается в предложении «*Барҷоддаи мувофиқат росихдам ва соҳибқадам ... бошам*» [СТЯ, 1969] - «В плане согласованности мне следует быть ... устойчивым и стойким во мнениях».

---

³³ Большинство лексем данной микромодели функционируют в разные другие микромодели. Кроме значения, свойственные им в отдельных микромоделях, они содержат коннотативную сему «обладателя, контролирующего во всю денотативную ядерную сему»

11. Концептуальная микромодель «Умный+думающий много: наличие ума и много мыслительных процессов»

Данная микромодель содержит 2 слова (*серандеша, пурандеша (пурандеш)*). Здесь периферийные компоненты *сер* – ‘сытый’ (‘насыто’) и *пур* – ‘полный (полно), много, достаточно’ придают ядерной единице *андеша* специфичную концептуальную атрибутивность, сочетания которых репрезентирует индивида «одновременно перерабатывающего многие интеллектуальные и психические процессы, задачи».

3.2. Положительно-интеллектуальная характеристика человека в русском языке

Аналогичными методами, отмеченными в теоретической части настоящей работы, при применении которых были выделены положительно-интеллектуальные микромодели таджикского языка, в русском языке были выявлены 9 таких микромоделей, которые представлены в виде таблицы ниже:

Таблица 10.

*Концептуальные микромодели лексики положительно-интеллектуальной
характеристики в русском языке*

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МИКРОМОДЕЛИ	С*³⁴	%
«Умный: наличие мыслительного потенциала» <i>адекватный, думающий, мыслящий, неглупый, разумный, разумник, рациональный, сознательный, умник, умница, умный</i>	11	11,1%
«Дальновидный+предусмотрительный+умный: наличие ума, дальновидности и предусмотрительности» <i>дальновидный, дальнзоркий, расчётливый, перспективный, предвидящий, предусмотрительный</i>	6	6%
«Аналитик+рассудительный+умный: наличие ума, рассудительности и разборчивости» <i>аналитик, вдумчивый, вникающий, глубокомысленный, дотошный, логичный, мыслящий, разборчивый, рассудительный</i>	9	9,1%
«Сметливый + ловкий + одаренный + умный: наличие ума, смекалки и одарённости» <i>башка, башковитый, восприимчивый, вундеркинд, выдумщик, гениальный, гений, головастый, догадливый, дошлый, заковыристый, хваткий, изобретательный, зоркий, изворотливый, предприимчивый,</i>	35	35,4%

³⁴ Количество слов

<i>переимчивый, лобастый, мозг, мозговитый, находчивый, остроумец, остроумный, прозорливый, понятливый, пронцательный, смекалистый, сметливый, смышлёный, сообразительный, толковый, угадчик, хитроумный, чуткий, понимающий</i>		
«Знающий + эрудированный: наличие ума, знания и эрудиции» <i>высокообразованный, грамотный, знаток, знающий, информированный, начитанный, образованный, осведомлённый, просвещённый, сведущий, учёный, интеллигент, эрудит, эрудированный</i>	14	14,2%
«Мудрый + знающий: наличие мудрости и знания»³⁵ <i>высокоразвитый, интеллектуал, интеллектуальный, мудрец, мудрый, мыслитель, многоумный, премудрый, просветитель, философ</i>	10	10,1%
«Здравомыслящий+правильный+умный: наличие здорового и правильного ума»³⁶ <i>здравомыслящий, трезвомыслящий, здравомысленный, светлоголовый, трезвый, здоровый, (здравомумный), реалистичный (реалист)</i>	8	8,1%
«Благородный+умный: наличие ума и благородности» <i>благомыслящий, благоразумный, благорассудительный, благоумный, доброумный</i>	5	5%
«Умный+думающий много: наличие ума и много мыслительных процессов» <i>многодумный</i>	1	1%
Итого: 9	99	100%

Число лексем, входящие в данную когнитивную конструкцию, составляет 98 единиц. Ниже каждая концептуальная микро модель рассматривается в отдельности.

1. Концептуальная микро модель «Умный: наличие мыслительного потенциала»

Данная микро модель содержит 11 лексем (*адекватный, думающий, мыслящий, неглупый, разумный, разумник, рациональный, сознательный, умник, умница, умный*), и в отличие от таджикского языка у рассматриваемой микро модели в русском языке имеется наиболее тесное взаимоотношение с

³⁵ Также в качестве концептуально интерпретирующего денотата «мудрец» используются такие собственные имена как Аристотель, Платон, Сократ и т.д., которые ассоциативно репрезентируют интеллектуального человека.

³⁶ В некоторых случаях мы постарались найти наиболее употребительные лексемы, концептуально входящие в данную микро модель, которые, как отдельные статьи, отсутствуют в толковых словарях. Найдено только два таких лексем, исходя от их наиболее частотного употребления в речи носителя: *здравомысленный* и *здравомумный*.

микромоделью «Сметливый ...». Данный вывод получен в результате логико-семантического эксперимента, в котором почти 40% респондентов (примерно 75 участников) понимают слова рассматриваемой микромодели как «имеющего интеллектуальные способности + хорошую память». Однако большинство респондентов воспринимают данные слова как соответствующих доминантой данной микромодели (т.е. «наличие мыслительного потенциала»).

Каждый из данных слов имеет свою семантико-концептуальную особенность. Наиболее специфичными в репрезентативном содержании данной микромодели являются следующие семантико-когнитивные пласты:

1) Лексема *умный*. В русском языке является самой распространённой единицей, интерпретирующей интеллектуальную характеристику человека. По статистике, полученной из Национального корпуса русского языка, частотность употребления данного слова составляет почти 35 тысяч, в качестве сравнения, частотность слова *разумный* составляет 12 тысяч, т.е. продуктивность лексемы *умный* почти на 2 раза больше. Данное положение связано с тем, что слово *умный* функционирует в той или иной степени во многих других микромоделях, прежде всего, это касается микромоделей «Знающий ...», «Сметливый ...», «Аналитик ...», «Мудрый ...»: — *Ну какой умный! Уже все понимает.* [Анатолий Мариенгоф (1960) – НКРЯ] – («Сметливый ...»); — *Какой умный ребенок! Мы в ее годы знали гораздо меньше. Представляете, сколько она будет знать в девяносто три года* [Валерий Роньшин (1991) – НКРЯ] («Знающий...»); *Конечно, министр, как умный человек, все это прекрасно понимал* [Артем Тарасов (2004) – НКРЯ] («Аналитик ...»). Иначе говоря, оно является своего рода универсальным репрезентантом положительно-интеллектуальной характеристики, отображающая «имеющего мыслительные способности + смекалки + мудрости + рассудительности», однако здесь доминантой по частотности употребления и семантике, все-таки, является репрезентация «наличие у индивида интеллектуальных

способностей», а другие - выступают как слабые коннотативные значения, входящие в семантико-концептуальном свойстве данного слова. Данное суждение исходит именно из того, что высокочастотная функциональность (продуктивность) слова *умный* приходится на репрезентации значения рассматриваемой микромоделю, т.е. «индивида, имеющего интеллектуальные способности».

В отличие от слова *умный*, его прямой эквивалент в таджикском языке, слово *боақл*, менее продуктивное в других микромоделюх, а его коннотативные значения в плане функциональности более слабые, чем его русская альтернатива, что связано с его близкими синонимами *боандеша*, *ақлдор*, которые во многом разделяют его частотность употребления в речи. В синонимическом пласте русского языка, в котором входит слово *умный*, подобное синонимическое соотношение, где вполне взаимозаменяются единицы, не наблюдается.

2) Лексемы *адекватный*, *рациональный* и *разумный*. Данные единицы главным образом репрезентируют «наличие у индивида интеллектуальной способности».

а) Слово *адекватный* лишён особых коннотативных значений, и в данной микромоделю оно функционирует как репрезентант «имеющий только наличие интеллекта». Данное слово также имеет тесное отношение психологическим характеристикам человека, где репрезентирует «умственно здорового человека». Например: *Сарафанов сейчас рассуждал как вполне нормальный, адекватный человек, и реакции его были нормальные, адекватные* [Федор Чернин (2002) – НКРЯ], *Мы с ним много общались и в больнице, и по телефону — это был психически здоровый, адекватный человек* [Александр Громов (2013.06.05) – НКРЯ]. В данных предложениях *адекватный* характеризует индивида больше всего как психологически здорового, что также подкрепляется в тексте лексемой «нормальный» и словосочетанием «психически здоровый». Однако в предложениях «*Умный, приятный, адекватный человек, для «Спартака»*

делает очень много, тратит свои немалые деньги» [Андрей Ванденко (2012.03.19) – НКРЯ] и в предложении «Вроде бы взрослый, **адекватный** человек, потом проходит месяц или два — и превращается в ребенка» [Елизавета Худякова (2010.08.25) – НКРЯ] слово **адекватный** обозначает сразу и психически здорового, и умственно сформированного индивида.

б) Слово **рациональный** также обозначает «наличие интеллекта», однако плюс к этому содержит коннотацию «готовый интеллектуальный механизм», т.е. данное слово репрезентирует индивида с «наличием интеллекта и сформированным интеллектуальным механизмом». Здесь важным понятием является слово «механизм», которое определяется как организация элементов, образующих мыслительную деятельность. Например: *Но это не в его духе: президент — **рациональный** человек, и его речи обычно тщательно продуманы* [РИА Новости (2008.02.11) – НКРЯ]; *Кстати, доллар сейчас так низко свалился, что **рациональный** человек будет его покупать* [Сергей Семушкин (2007.08.21) – НКРЯ].

В отличие от лексемы **адекватный**, данное слово не репрезентирует психологическую характеристику человека «умственно здорового».

в) Слово **разумный** репрезентирует индивида как «имеющего вполне сформированный функционально-интеллектуальный механизм». Например: *Но вряд ли найдется хоть один **разумный** человек, который сохранит рассудок, ознакомившись с ней* [Андрей Лазарчук (1996) – НКРЯ]; *Казалось бы, очевидно, что совершеннолетний **разумный** человек и сам не выйдет на маршрут, который ему не по силам* [Константин Серафимов (1996) – НКРЯ]; *Только **разумный** человек знает, что страдания, которые мы кому-то причинили, возвращаются обратно к нам,* [коллективный Форум: О реинкарнации (2012) – НКРЯ].

В отличие от слова «**рациональный**», данное слово является более «динамичным» и наиболее продуктивным, «действующим» в плане интеллектуальной производительности: *Если ты **разумный** человек, то должен заботиться о своем здоровье* [Маргарита Спиричева (2003) – НКРЯ].

3) Лексемы *умник*, *умница*, *разумник*. Слова *умник*, *разумник*, *умница* в этой микромодели имеют наиболее специфичное концептуально-сигнификативное значение, которое несвойственно лексемам той же микромодели в таджикском языке. Данные слова, как все единицы данной микромодели, главным образом репрезентируют её денотативное значение, которое выражается элементарной семантикой «наличие интеллектуальной способности»: *Различие между дураком и умником лежит именно в разной оценке этого фактор* [Н.В. Кожевникова (2003) – НКРЯ]; *И шел Ивашка теперь, потрясая головой, ухмыляясь, и шептал тихонько: — Я — разумник? Или народ — дурак?* [Е.А. Салиас (1880) – НКРЯ]; *Он не просто смешит, но и напоминает: внешность — это еще не человек, внешность часто обманчива, и обмануться всегда можно в любую сторону — принять умницу за идиота и негодяя — за благодетеля* [Ст. Никоненко (2004) – НКРЯ]. Однако частотность их употребления больше замечается в выраженных коннотативных значениях, которые в комплексе с денотативным значением функционируют в разнообразных контекстах. Данные слова служат также для выражения одобрения и похвалы в результате успешного завершения какого-нибудь действия, требующее особую интеллектуальную и физическую нагрузку. Прежде всего, такую коннотацию содержит слово *умница*: *Умница! Какая (какой) ты умница!* В отличие от слов *умница* и *разумник*, лексема *умник* репрезентирует индивида, который «склонен к специальной и неуместной демонстрации интеллектуальной привилегии», т.е. тот, кто старается показать свои умственные способности, доминирующие над другими: *Нашел умника! Дерзкий он, а не умный* [Максим Горький (1931) – НКРЯ].

4) Лексема *неглупый*. Данная единица занимает наиболее особое положение в рассматриваемой микромодели. С точки зрения её словообразовательной модели и семантико-концептуальных принципов данное слово не имеет близкого эквивалента в таджикском языке. Оно образовано при помощи препозитивной частицы *не-* по принципу (или

способу) «отрицание отрицательного есть положительное». Такая модель широко распространена в русской ономологии и считается высокопродуктивным, однако в таджикском языке такая модель является непродуктивным. Необходимо отметить, что в языковом сознании носителя русского языка данное слово не является единицей только определяющей глупости или умности индивида, а репрезентирует «достаточность интеллектуального формирования, необходимого для правильной ориентации в решении простых и сложных мыслительных задач», прямым эквивалентом которого, исходя из контекстуального анализа и по результатам логико-семантического эксперимента, в таджикском языке является слова *бокалла, калладор*: *При всей своей недалёковидности Хрущёв был очень неглуп. - Бо замми дурназар набуданаиш, Хрушёв бисёр одами бокалла буд* [Александр Архангельский (1962) – НКРЯ]. Но в отличие от лексемы *неглупый* таджикский её вариант (*бокалла, калладор*) не характеризует неодушевлённых существительных (*неглупый совет, неглупый вопрос, неглупое лицо*).

В русском языке также широко распространена модель «отрицание положительного есть негативное», что в таджикском языке тоже считается продуктивным: *неумный – беақл, несообразительный – бефаҳм* и т.д.

2. Концептуальная микромодель

«Дальновидный+предусмотрительный+умный: наличие ума, дальновидности и предусмотрительности»

Данная микромодель содержит 6 слов: *дальновидный, дальнорский, расчётливый, перспективный, предвидящий, предусмотрительный*.

Как и в таджикском языке, рассматриваемая микромодель репрезентирует индивида, который имеет хорошо и полностью сформированный интеллектуальный механизм, сохранивший в себе все модели и варианты действий, процессов и событий, наблюдаемые и разрабатываемые в течение долгового времени. Исходя из этого, такой механизм адаптирован к распознаванию и нахождению в новых действиях и

событиях моделей из своего арсенала с их возможными последствиями, а также может имплицитно создавать новые модели с наиболее вероятными логическими сценариями.

Таким образом, в 4 из 6 единиц данной микромодели содержится пространственно-временные периферийные компоненты *даль* и *перед (перед)*: *дальновидный, дальнзоркий, предвидящий, предусмотрительный*. Эти единицы в толковых словарях русского языка интерпретируются как: 1) *даль* - «далеко простирающееся пространство» и «далёкое время; отдалённость чего-л. по времени» [БТСРЯ (Кузнецов), 2000], также это подтвердилось в процессе логико-семантического эксперимента, кроме того, в ходе данного эксперимента добавилась коннотация «далёкое место»; 2) *перед (перед)* – «на некотором расстоянии от лицевой стороны чего-н., напротив кого-чего-н.», «за некоторое время до чего-н.» [ТСРЯ (Ожегов), 2014], также по результатам логико-семантического эксперимента добавилась коннотация «пространство, место напротив». Такая семантико-концептуальная особенность данных единиц в сочетании с ядерными компонентами *видный* и *зоркий* репрезентирует имманентную организацию, представляющая собой внутреннего пространства с расположенным в ней системное формирование интеллектуальных взаимодействующих механизмов. Подобная организация задействуется при более широкого спектра социально-психологических, интеллектуальных задач или проблем. Это хорошо прослеживается в примере «*Жизнь покажет, кто окажется более успешным и дальновидным*» [Игорь Сечин (2015) – НКРЯ], где в качестве такого широкого спектра задач служит лексема «*жизнь*».

Отличия между данными словами малозначительно в общей репрезентативной структуре рассматриваемой микромодели, однако их описание необходимо для отображения сравнительной концептуальной картины таджикского и русского языков.

Семантико-концептуальное свойство данной микромодели является непрямым значением слову *дальнзоркий*, которое в качестве прямого

значения интерпретирует «способного хорошо видеть на далёкое расстояние; зоркий» [БТСРЯ (Кузнецов), 2000]. По результатам контекстуального анализа и логико-семантического эксперимента было выявлено, что слово *дальнозоркий* в отличие от *дальновидного*, помимо указанного основного значения, содержит в себе коннотации «интенсивности», «быстрый темп»: *дальнозоркий политик, дальнозоркие прогнозисты* [БТСРЯ (Кузнецов), 2000].

В этом плане слово *предусмотрительный* отличается от *предвидящего* тем, что репрезентируемая им «организация» более результативна, конкретна, и в основном задействована в пользу самого индивида: *Чтобы избежать многих проблем, предусмотрительный садовод заранее произведёт замену грунта на более плодородный, добавит в посадочные ямы деревьев и кустарников комплекс удобрений* [Татьяна Ефимова (2003) – НКРЯ].

Наиболее близкое отношение к слову *предусмотрительный* имеет слово *расчетливый*, и отличается от него тем, что вышеуказанная репрезентативность («организация») рассматриваемой микромоделю задействуется циклично или по какому-то определённом направлению. На каждом мыслительном цикле данное когнитивное положение позволяет более точно и детально познавать и оценить свойство и структуру ситуации (обстоятельства, задачи, проблемы): *Расчетливые немцы делили заработок футболистов на три части: базовую (зарплату), премиальные за игру и бонусы за победу* [Александр Кобеяцкий (2012) – НКРЯ].

Слово *перспективный*, как номинант индивида в интеллектуальной характеристике, репрезентирует указанного выше семантико-концептуального свойства данной микромоделю на стадии его реализации: *Если молодой певец может продемонстрировать ровность звучания, выразить глубокий смысл - он действительно перспективный мастер* [И.К. Архипова (1996) – НКРЯ].

3. Концептуальная микромодель «Аналитик+рассудительный+умный: наличие ума, рассудительности и разборчивости»

Данная микромодель содержит 9 лексем: *аналитик, вдумчивый, вникающий, глубокомысленный, дотошный, логичный, мыслящий, разборчивый, рассудительный*. Как и в таджикском языке, рассматриваемая микромодель репрезентирует индивида, у которого сформирован интеллектуально-психологический механизм опознавания задачи или обстоятельства как дискретного объекта, анализируя и детализируя каждую его часть до полной и конкретной идентификации. Данный механизм, как было уже упомянуто, носит статичный характер, что и отличает данную микромодель от микромодели «Дальновидный ...». Однако, в отличие от её альтернативы в таджикском языке, которая по своей семантико-концептуальной сущности близка к микромодели «Дальновидный ...», рассматриваемая русская микромодель более близка к микромодели «Сметливый ...». Данное суждение основывается тем, что в 40% случаев идентификации и классификации лексем со стороны информантов-знатоков в рамках лингвистического эксперимента однозначно не была выявлена грань между этими микромоделями. Причина этому, как мы считаем, является, кроме вышеупомянутой репрезентативности, ещё и наличие хорошей памяти в семантико-концептуальном содержании данных лексем. В этом отношении в данной микромодели таджикского языка категория памяти не является настолько значимой, как это наблюдается в русском языке.

По когнитивным свойствам индивида лексемы данной микромодели были выделены нами по трём общим понятийным пластам:

- 1) «ориентированный детально идентифицировать каждую дискретную единицу объекта и ситуации познавательной деятельности индивида»: *аналитик, разборчивый, рассудительный, дотошный, логичный;*
- 2) «ориентированный процессуально идентифицировать объект и ситуацию познавательной деятельности индивида»: *мыслящий;*

3) «ориентированный на максимальную идентификацию объекта и ситуации познавательной деятельности индивида»: *глубокомысленный, вникающий*.

Данные семантико-когнитивные группы репрезентируют, прежде всего, нейролингвистические (когнитивные) свойства рассматриваемой микромоделю. Далее представляются особенности некоторых единиц, которые имеют своеобразную содержательную и функциональную сущность. В этом плане больше всего выделяются слова *аналитик, логичный и мыслящий*.

1) Слово **аналитик** по своей частотности употребления в текстовых документах больше всего функционирует в значении специалиста, анализирующего вопросы и проблемы определённой сферы деятельности: *финансовый аналитик, военный аналитик* и т.д.: Например: *Как отметил ведущий аналитик компании In-Stat/MDR Ален Ноги, прежде чем топливные элементы питания получат широкое распространение, предстоит ещё решить немало проблем* [Концепция DMFC совершенствуется (2004) – НКРЯ]. Данный род деятельности, по отношению с другими, имеет наиболее тесную связь с интеллектуальными способностями человека.

Однако в толковых словарях русского языка, а также по результатам логико-семантического эксперимента, на первый план приводится значение «1) о человеке, обнаруживающем склонность к анализу и самоанализу» [БТСРЯ (Кузнецов), 2000], «1. Тот, кто имеет склонность анализировать окружающее, свои поступки, переживания и т.п.» [СТСРЯ (Ефримова), 2005], что стало основой для включения данного слова в рассматриваемой микромоделю. Данное слово можно считать современной формой лексем «мыслитель, рассудительный» в их классическом понимании, но имеющее конкретный характер в процессе идентификации интеллектуальных задач, набравшее в себе денотативное и сигнификативное значения данной микромоделю. Например: *Входя в село, расположенное дугою по изгибу высокого и крутого берега реки, он додумался: «Не следует быть аналитиком»* [Максим Горький (1925) – НКРЯ].

2) Слово *логичный*, как номинативная единица интеллектуальной характеристики человека, ярко интерпретируется во втором значении толкового словаря С.А. Кузнецова: «2) Рассуждающий, поступающий последовательно» и приводит такой пример: «Он был строго логичен». Данный пример носит особый концептуальный колорит русской языковой картины мира. В этом плане значимую роль играет строгий характер интеллектуальных способностей данного слова, репрезентирующего индивида, «который рационально и крайне интеллектуально воспринимает события, факты, игнорируя все периферийные эмотивно-чувствительные факторы» [БТСРЯ (Кузнецов), 2000].

Исходя из результатов проведённого нами логико-семантического эксперимента и анализа современных текстовых источников, можно сказать, что данное слово репрезентирует имплицитное состояние индивида как «имеющего когнитивный механизм проверки объектов интеллектуальной и социальной деятельности человека на аналитические модули, которые детерминированы и формированы только на основе выявления истины». Это хорошо прослеживается в примерах «Автор письма «Волен человек, вольна и церковь» очень логичен, но жизнь не всегда укладывается в логику» [Прохиндеев никто не считал (2002) – НКРЯ] и «Хотя логичные люди могут дать самые здравые аргументы в мире, они не помогут вам чувствовать себя лучше...» [SOULPOST.RU: электронный ресурс].

3) В зависимости от контекста, слово *мыслящий*, по сравнению с другими единицами, функционирует также в микромодели «Умный ...». Например, в предложении *Беспрецедентное давление на Россию со стороны европейских стран и международных экологических организаций на фоне выхода из Киотского протокола США заставляют мыслящего человека задуматься* [Осторожно! Киотский протокол! (2003) – НКРЯ] здесь слово *мыслящий* репрезентирует человека, у которого существует мыслительный потенциал, интеллектуальная способность. Однако в примере *А вы месяца через два после защиты опубликуете вот это, — он щелкает пальцем по*

синей тетрадке, — и все заговорят: **мыслящий** кандидат наук ... [Василий Аксенов (1961) – НКРЯ] репрезентирует индивида, имеющего механизм, процессуально идентифицирующий объекты и ситуации интеллектуальной и социальной деятельности человека, так как кандидату наук, как сформированной личности, достигшей данную научную степень, интеллектуальная способность естественным образом свойственен. Ещё один подобный пример для сравнения: *Русские люди очень любят обсуждать вопрос о том, реакционно ли что-либо или нет. Им даже это представляется главной задачей всякой критики. Это есть старинный обычай русской **мыслящей** интеллигенции* [Н.А. Бердяев (1924) – НКРЯ]. Исходя из данной репрезентативности, слово *мыслящий* был включён, как функциональная единица, в рассматриваемую микромодель.

4. Концептуальная микромодель «Сметливый + ловкий + одаренный + умный: наличие ума, смекалки и одарённости»

Данная микромодель содержит 35 лексем: *восприимчивый, вундеркинд, выдумщик, гений, головастый,³⁷ догадливый, хваткий, изобретательный, зоркий, изворотливый, предприимчивый, лобастый, мозг, находчивый, остроумец, остроумный, прозорливый, понятливый, пронизательный, сметливый, смыслёный, сообразительный, толковый, хитроумный, чуткий* и др. В отличие от таджикской лексической структуры, где в основном функционируют компонентные слова со своеобразными принципами их композиции, что больше всего характерно словосложению как способу словообразования, в русском языке таких лексем мало встречается. Например, лексика рассматриваемой микромодели в таджикском языке почти на 60% (38 слов) состоит из композиции ядерных и периферийных компонентов, каждый из которых имеет собственную семантическую

---

³⁷ У лексемы *головастый* отсутствует значение «сообразительный», которое даётся во втором значении в толковых словарях. Ср.: «ГОЛОВАСТЫЙ, -ая, ое; -аст (разг.)... 2. Умный, сообразительный. | суц. головастость, -и, ж.» (Ожегов и Шведова, 2008), «ГОЛОВАСТЫЙ –ая, -ое; -васт, -а, -о., разг. см.тж. головастенский, головастость... 2) Умный, толковый, сообразительный» [БТСРЯ, (Кузнецов), 2000], «ГОЛОВАСТЫЙ прил. разг... 2. Умный, толковый, сообразительный» [СТСРЯ (Ефримова), 2006].

нагрузку. Подобных компонентных лексем в данной русской микромодели почти 6% (2 слова), это слова *хитроумный* (хитрый+умный) и *остроумный* (острый+умный)³⁸. Другие лексемы как и в таджикском, так и в русском языке, образованы при помощи аффиксального словообразовательного способа. Соответственно, такая словесная структура лексем русского языка существенно упрощает семантико-концептуальное свойство данных лексем. Однако это обуславливает наличие собственных принципов описания микромоделей в русском языке (в том числе данной микромодели), отличающиеся от методологических принципов рассмотрения микромоделей в таджикском языке.

Данная микромодель и в таджикском, и в русском языках имеет одинаковую репрезентативную структуру, однако семантико-когнитивное содержание у каждой микромодели по-своему специфична. Рассматриваемая микромодель, как и в таджикском языке, имеет тесное отношение с когнитивной и памятью в её функциональных и операционных мнемотехнических механизмах.

По когнитивной функциональности данные лексемы были выделены по следующим установкам:

1) имеющий атрибутивную (устоявшуюся) организацию эффективного и интенсивного восприятия и продуцирования: *вундеркинд, гений, изобретательный, гениальный, выдумщик, головастый, мозг, башка, башковитый, мозговитый, лобастый;*

2) имеющий неатрибутивный механизм эффективного и интенсивного восприятия и продуцирования: *сообразительный, понятливый, понимающий, восприимчивый, догадливый, чуткий, хваткий, смекалистый, сметливый, смыслённый, переимчивый;*

3) имеющий быстро адаптирующий когнитивный механизм, ориентированный на эффективное и интенсивное продуцирование:

---

³⁸ Также слово *остроумец*, которое входит в данную микромодель, принимается как вариант образования слова *остроумный*, помимо которого имеет суффикс –ец.

хитроумный, прозорливый, изворотливый, заковыристый, находчивый, дошлый;

4) имеющий атрибутивную организацию, ориентированную на эффективное и интенсивное восприятие и переработку: *остроумный, пронцательный, остроумец, зоркий, угадчик;*

5) имеющий атрибутивную когнитивную организацию эффективной обработки и продуцирования: *толковый, предприимчивый.*

В наименованиях данных установок значимую роль играют понятия «атрибутивный – неатрибутивный», «организация – механизм», «адаптирующий». По когнитивным устройством психики, понятие «*атрибутивный*» в данной работе нами понимается как сформированное имманентное качество человека, которое является уже устоявшимся, постоянным и неотъемлемым. В этом плане, *неатрибутивному*, как свойству качества, характера, может быть присущим постоянность и неотъемлемость. Понятия «организация» и «механизм» в нашей работе используются широко, а иногда заменяют друг друга как варианты одного номинанта. Однако в рассмотрении данной микромодеи слово «*организация*», как имплицитное понятие, сочетается со словом атрибутивный и означает более широкого «механизма», адаптированный к свободному функционированию. В отличие от «организации», «*механизм*», как имплицитное понятие, в нашем понимании представляется как когнитивная установка, сформированная из воспринимающих, сохраняющих и перерабатывающих деталей. Другим важным понятием является слово «*адаптирующий*». Данная единица нами понимается как варьирующий, переустраивающий «механизм» (в его вышеуказанным понимании) к новым психологическим, интеллектуальным обстоятельствам.

В данной микромодеи функционируют некоторые единицы, которые, исходя из существующих у них одинаковых ядерных компонентов, выражаются в парах: *понятливый – понимающий, гений – гениальный, мозг – мозговитый, башка – башковитый, смекалистый – сметливый, смышлёный,*

остроумец - *остроумный*. Такое структурное разнообразие данных лексем объясняется особенностью когнитивно-семантической сущности названных словоформ. Все **первые слова** данных пар (*остроумец, гений, мозг* и др.) в основном репрезентируют характерную «воплощенность» атрибутивного качества в сознании индивида, т.е. данные качества носят постоянный, совершенный характер: *Мальчик не гений, учится в основном на 3-4, умненький, но охоту учиться у него в этой школе отбили напрочь* [Наши дети (2004) – НКРЯ]; *Писатель— узкий специалист, а цензор— универсальный гений* [Александр Филиппов (2003) – НКРЯ]; *А еще — он был остроумец и оптимист, ...заядлый шахматист; при случае мог расписать и пулю* [Ксения Букша (2013) – НКРЯ]; *Мозг нации; утечка мозгов* [БТСРЯ (Кузнецов), 2000]; *Как правильно рассчитал и продумал восемнадцатилетний мозг все варианты будущего!* [Анатолий Азольский (1998) – НКРЯ]. **Вторые слова** (*гениальный, остроумный, мозговитый* и др.) больше всего характеризуются как несовершенные качества, не охватывающие полностью внутренний мир человека. Примеры: *Он был гениальным человеком. Конечно, это был гений* [Юрий Трифонов (1976) – НКРЯ]; *Путин вёл себя очень адекватно, был необычайно остроумен — в общем, вызвал у меня восхищение* [Анастасия Романова (2002.01.10) – НКРЯ]; *Надо не кричать на всех углах, что «лучшие мозги утекают на Запад», а заниматься выращиванием новых «мозговитых» юношей и девушек* [Марина Соколова, Юрий Грымов (2002.08.27) – НКРЯ].

Однако здесь особо выделяются слова *смекалистый, сметливый, смысленый*. Слово *смекалистый*, как атрибут, охватывающий когнитивные свойства индивида, хорошо функционирует в качестве «автономного» номинанта, который в основном не сочетается со дополнительными единицами, усиливающими значения, как это свойственно качествам-атрибутам. Это хорошо прослеживается на примере «— *Поймешь, — повторил он. — Ты смекалистый. — Да не в смекалке дело!*» [Анатолий Приставкин (2005) – НКРЯ]. В этом отношении слова *сметливый* и

смышленный выглядят «несовершенными»: *Марков был достаточно сметлив, чтобы уловить и прочувствовать мой внутренний монолог* [А.Е. Рекемчук (2006) – НКРЯ]; *Будь Колюня смышлёнее, то из этих разговоров уяснил бы...* [Алексей Врламов (2000) – НКРЯ].

Слова *гений, гениальный*, в зависимости от контекста, интерпретируют «человека, обладающего высшей степенью творческой одарённости в какой-л. сфере деятельности» [БТСРЯ (Кузнецов), 2000]: *литературный гений, гений инженерии, гений актёрского мастерства, шахматный гений; гениальный художник, гениальный поэт* и т.д.

Слова *понятливый* и *понимающий*, как было указано выше, находятся в одном когнитивно-репрезентативном пласте, однако, говоря об основах поним- /поня- и их отношения к «модулям понимания», Демьянкова В.З. в своей статье «Когниция и понимание текста» отмечает, что «Понял – то есть, ухватил общий смысл, осознал, включил в то, что сознанию стало доступным». А что касается «понимания», автор интерпретирует его как модуль одновременного восприятия и обработки речи, которое «параллельно линейному развёртыванию речи» [Демьянков, 2005: 8]. Данные определения больше всего касаются самого процесса функционирования этих лексем, а в нашей работе, больше всего значимым является их семантико-концептуальное свойство. В этом плане, репрезентативная основа лексемы *сметливый*, которая относится к первым словам вышеназванных пар, хорошо отражается в примере *Дети задумчивы, **понятливы**, рисуют картинки на сложные библейские сюжеты и читают книги, которые в городе давно сданы в архив: Филдинга, Смолетта, Паустовского, Ленина...* [Игорь Мартынов (1997.03.04) – НКРЯ]; а репрезентативная основа слова *понимающий*, относящаяся ко вторым словам упомянутых пар, хорошо прослеживается в примере *А почему я это понимаю? Потому, что я чуткий, **понимающий** человек* [Мариам Петросян (2009) – НКРЯ].

Однако, вышеназванная категоризация не может считаться однозначным, данные категории могут заменять друг друга, смешаться, это

скорее всего попытка семантико-концептуальной детализации, которая необходима для решения главного вопроса – выявлении концептуальной картины мира таджикского и русского языков.

Следует отметить, что возрастная особенность данной микромоделю, как и в таджикском языке, имеет смешанный характер. Однако в целом рассматриваемая микромодель, которая выделяется именно интенсивностью восприятия, памяти и обработки информации (сигнальных данных), больше всего продуктивна в репрезентации до средних возрастов.

5. Концептуальная микромодель «**Знающий + эрудированный: наличие ума, знания и эрудиции**»

Рассматриваемая микромодель содержит 14 лексем (*высокообразованный, грамотный, знаток, знающий, информированный, начитанный, образованный, осведомлённый, просвещённый, сведущий, учёный, интеллигент, эрудит, эрудированный*). Ядерная семантико-концептуальная репрезентация данной микромоделю соответствует её альтернативе в таджикском языке. По сути, данная микромодель включает в себе семантико-когнитивные свойства таких микромоделю как «Умный: наличие мыслительного потенциала» и «Сметливый + ловкий + одаренный + умный: наличие ума, смекалки и одарённости», а вдобавок – знания объектов действительности, опыт, полученные в результате их научного или более конкретного изучения и обработки. Однако рассматриваемой микромоделю может быть несвойственна экспрессивно выраженная смекалка, которая больше всего характерно микромоделю «Сметливый ...».

Тем самым, в идентификации данной микромоделю встречались много трудностей. Прежде всего, это касается разграничения данной микромоделю от микромоделю «Мудрый ...», где семантико-концептуальная их граница наиболее «тонкая», трудно отличимая. Это единственный случай в нашей работе, где более 50% информантов-знатоков не сумели определиться с нахождением некоторых лексем в какой-либо из этих микромоделю. В этом плане некоторые информанты (почти 30%) предложили зафиксировать

наличие новой микромодели «Просвещённый + образованный», однако достаточно неоднозначные лексико-семантические, а также концептуальные свойства выбранных для них слов не смогли представлять собой отдельную когнитивную единицу (к примеру, слова *интеллигент*, *образованный*, *знаток* и *просвещённый*).

Однако в пользу настоящей лексики, существующей в таком виде как представлено в нашей работе, сыграли результаты контекстного анализа и логико-семантического эксперимента с респондентами [см. парагр. Лингвистический эксперимент]. По этим результатам было выявлено, что слова *интеллигент* в его интеллектуальной номинативной характеристике, а также слова *образованный*, *высокообразованный*, *знаток* больше всего близки к денотативному значению микромодели «Знающий ...». Слова *просвещённый*, *просветитель*, *осведомлённый*, ввиду их широкого семантико-концептуального поля, близки к микромодели «Мудрый ...». Тем не менее, данная категоризация не имеет однозначного характера, и является, по сути, более субъективной, чем всецело относящейся к единой объективной точке зрения.

В плане особенностей репрезентативного содержания, лексемы данной микромодели выделились по 4 пластам:

1) *знающий*, *сведущий*, *информированный*, *начитанный**осведомлённый* – репрезентируют индивида, имеющего интеллектуально-оперативный механизм + достаточное знание;

2) *учёный*, *эрудит*, *эрудированный*, *знаток* – репрезентируют индивида, имеющего интеллектуально-оперативный механизм + конкретные знания, опыт, полученные при научном анализе объектов реального и абстрактного характера;

3) *высокообразованный*, *грамотный*, *образованный*, *интеллигент*³⁹*просвещённый* – репрезентируют индивида, имеющего

---

³⁹ Данное слово в нашем исследовании используется не как номинант социальной характеристики, здесь оно идентифицируется как единица интеллектуальной характеристики индивида.

интеллектуально-оперативный механизм + разносторонние необходимые знания с коннотативными элементами поведенческой и профессиональной этики.

В данной микромодели лексемы *знаток – знающий, эрудит – эрудированный* и *образованный, высокообразованный* требуют особого описания.

Слово *знаток* атрибутивно репрезентирует индивида, имеющего интеллектуально-оперативный механизм и комплексные и наиболее конкретные знания в какой-либо области, а близкое ему слово *знающий* – интеллектуально-оперативный механизм и необходимую информацию о значимых объектах, случаях, моментах человеческой деятельности. Слово *знающий* по своему семантико-концептуальному свойству имеет «несовершенный», «неидеальный» характер. Ср.: *Если бы к нашему разговору прислушивался знаток, он бы наверняка отметил, что беседа прошла на высоком профессиональном уровне* [Андрей Волос (2000) – НКРЯ] – *А ещё люди **знающие** предупредили, что одного номера маловато будет...* [Андрей Владимирский (2002) – НКРЯ].

Таким же образом формирована внутренняя семантическая структура слов *эрудит* и *эрудированный*, а в отличие от *знатока*, *эрудит* имеет более глубокий и более широкий диапазон знания в какой-нибудь области. Слово *эрудированный* имеет такой же «диапазон», но, как и лексема *знающий*, оно не охватывает весь характер, не является неотъемлемым атрибутом. Ср.: *Кроссворд, который кто-то оставил на столике на случай, если объявится заезжий эрудит, знающий все реки Индонезии* [Екатерина Завершнева (20012) – НКРЯ] - *Эля была прекрасным дрозофилийным генетиком, **очень эрудированным**, строгим экспериментатором и вместе с тем фантазёром* [Наталья Делоне (2008) – НКРЯ]. Во втором предложении, слове *эрудированного*, даётся превосходная степень, что, пожалуй, не характерно качествам-атрибутам.

Другими, особо функционирующими единицами данной микромодеи, являются «образованный» и «высокообразованный». Если слово *образованный*, репрезентируется как «имеющий интеллектуально-оперативный механизм + разносторонние необходимые знания», то в слове *высокообразованный* данные «разносторонние необходимые знания» имеют более объемный и более интенсивный характер. Ср.: — *Я, дорогой мой, образованнее, чем вы думаете, — сказал гость. — Это не Маяковский, а Евангелие* [Ю.О. Домбровский (1978) – НКРЯ]- *Кострецов— высокообразованный человек — изучал восточные языки, до войны занимался археологией...* [А.П. Хейдок (1934) – НКРЯ].

6. Концептуальная микромодель «**Мудрый + знающий: наличие мудрости и знания**»⁴⁰

Данная микромодель содержит 10 лексем: *высокоразвитый, интеллектуал, интеллектуальный, мудрец, мудрый, мыслитель, многоумный, премудрый, просветитель, философ*. Стержневая семантико-концептуальная репрезентативность таджикской и русской микромодеи «Мудрый ...» полностью совпадают. Как было отмечено, данная микромодель репрезентируется как «сочетание глубоких, всесторонних знаний и устоявшего опыта оперирования интеллектуальными механизмами, представляющий собой единую адаптированную организацию (характер, качество)». Основные отличительные особенности данной микромодеи русского языка приходится на лексико-семантическую структуру входящих в ней лексем и семантико-когнитивную структуру самой микромодеи.

Структура данной микромодеи состоит из следующих семантико-концептуальных пластов:

1) *интеллектуал, мудрец, мыслитель, философ, просветитель* – репрезентируют атрибутивно неотъемлемый характер;

---

⁴⁰ Также в качестве концептуально интерпретирующей денотата «мудрец» используются такие собственные имена как Аристотель, Платон, Сократ и т.д., которые ассоциативно репрезентируют интеллектуального человека.

2) *интеллектуальный, мудрый, многоумный, премудрыйвысокоразвитый* – репрезентируют функциональный, действующий характер.

Доминантой или ориентировочно-понятийной семантикой данной микромодели является «мудрость», а её альтернатива в таджикском языке это «хирад». В данной микромодели «мудрость» имеет следующие «разновидности»: *мудрец, мудрый, премудрый*. Названные единицы, в зависимости от семантико-концептуального содержания, имеют достаточно ясные отличительные черты. Слово *мудрец* в отличие от *мудрого* репрезентирует атрибутивно неотъемлемый характер индивида, другими словами, это «эксперт» по мудрости, являющийся «передатчиком» данного качества. Например: *Я перелистываю древних мудрецов и нахожу там мои новейшие мысли* [Александр Солженицын (1968) – НКРЯ]. В этом плане слово *мудрый* репрезентирует индивида, который «функционирует под руководством такого качества; действует, реализуется при помощи данного качества». Например: *Многие молодые родители вполне могут себе позволить воспользоваться услугами няни, других выручают мудрые бабушки, не позабывшие времена своей молодости* [Мария Давыдова (2003) – НКРЯ]. Репрезентация слова *премудрый* соответствует его словарной интерпретации: «исполненный высшей, глубокой мудрости» [БТСРЯ (Кузнецов), 2000]. Например: *Исторически нам дано познание истинного премудрого, любящего Бога ...* [Забытая публикация (2004.09.27) – НКРЯ].

Слова *интеллектуал* и *интеллектуальный* имеют такое же семантико-структурное отношение как *мудрец* и *мудрый*. Данное отношение хорошо интерпретируется толковыми словарями: *интеллектуал* – «человек, обладающий высоко развитым интеллектом» [СТСРЯ (Ефримова), 2006], *интеллектуальный* – «умственный, духовный; с высоко развитым интеллектом» [Ожегов, Шведова, 2006]. В первом случае (в слове *интеллектуал*) репрезентируется «обладатель», который, как свойство характера, нами понимается как атрибутивное, неотъемлемое качество

индивида; во втором случае (в слове интеллектуальный) – это функциональное, действующее качество. Здесь, следует отметить, что предлог «с» («с высоко развитым интеллектом») непропорционален слову «обладающий» («обладающий высокоразвитым интеллектом»), так как глагол «обладать» имеет в своем семантико-концептуальном свойстве коннотацию «контролирующий, руководящий»: «Иметь что-либо своею собственностью, в своём распоряжении» [СТСРЯ (Ефримова), 2006]. А предлог «с» «обозначает совместность, соучастие в одном и том же действии или состоянии» [БТСРЯ (Ушаков), 2008].

Слово *философ*, по сравнению с другими единицами, в репрезентативности денотативного значения данной микромодели считается малочастотным, однако в современной русской языковой тенденции, исходя из анализа современных текстовых материалов, в этом отношении оно становится более популярным, что и стала причиной его включения в рассматриваемую микромодель. В толковых словарях данное слово интерпретируется как «специалист в области философии» и «человек, который разумно, рассудительно и спокойно относится ко всем явлениям жизни, к её невзгодам»; а в ходе ассоциативного эксперимента первыми ассоциациями у данного слова были *мудрец, учёный, мыслитель*.

Слово *просветитель*, как репрезентант денотативного значения данной микромодели, тоже является малоупотребительным и относится книжному, более высокому стилю. Исходя из своей разнообразной и сложной семантики, при его точном расположении в структуру микромоделей положительно-интеллектуальной характеристики возникли особые сложности. С одной стороны это касается его словарной интерпретации: «тот, кто распространяет знания, просвещение», которая больше характерна микромодели «Знающий...». С другой стороны такую «миссию» (функцию) способен выполнить только умеющий «сочетать глубокие, всесторонние знания с устоявшимся опытом оперирования интеллектуальными механизмами, представляющий собой единую адаптированную организацию», что

характерно микромоделю «Мудрый...». Однако по результатам контекстуального анализа и лингвистических экспериментов, данное слово все больше идентифицировалось как репрезентант рассматриваемой микромоделю.

7. Концептуальная микромодель

«Здравомыслящий+правильный+умный: наличие здорового и правильного ума»⁴¹

Данная микромодель содержит 8 лексем (*здравомыслящий, трезвомыслящий, здравомысленный, светлоголовый, трезвый, здоровый, (здравоумный), реалистичный (реалист)*), и имеет такую же репрезентативность, как и её альтернатива в таджикском языке. В целом, ей характерна следующая семантико-когнитивная установка: «оперативно-интеллектуальный механизм, который при функционировании не реагирует на негативно-неправильные элементы, и максимально концентрирован на производства объективных и правильных логико-мыслительных результатов».

В отличие от её альтернативы в таджикском языке, у данной микромоделю выделились слова *трезвомыслящий, трезвый и реалистичный (реалист)*, которые имеют особое семантико-концептуальное свойство.

Слово *трезвомыслящий* в толковом словаре интерпретируется как «руководствующийся в своих суждениях и поступках здравым смыслом; здравомыслящий» [БТСРЯ (Кузнецов), 2000]. А слово *трезвый*, выступая в рассматриваемой микромоделю как переносное значение, в толковых словарях во втором или в третьем значении имеет следующие интерпретации: «тот, кто отличается здоровой рассудительностью, свободен от иллюзий, самообмана» (второе значение) [СТСРЯ (Ефримова), 2006] и «здравый, рассудительный» (третье значение) [Ожегова, Шведова, 2006; БТСРЯ (Кузнецов), 2006]. В отличие от *трезвомыслящий*, слово *трезвый* в

---

⁴¹ В некоторых случаях мы постарались найти наиболее употребительные лексемы, концептуально входящие в данную микромодель, которые как отдельные статьи отсутствуют в толковых словарях. Найдено только два таких лексем, исходя от их наиболее частотного употребления в речи носителя: *здравомысленный* и *здравоумный*.

данной репрезентативности воспринимается как атрибут, охватывающий всю личность, её когнитивную функциональность. Ср.: *Эти факты все глубже осознаются **трезвомыслящими** людьми, представляющими самые различные слои общества* [Никита Покровский (2003) – НКРЯ]; *Костя, **трезвый** человек, не одобрял и одобрить не мог* [Л.Р. Кабо (1964) – НКРЯ], *Он очень рассудительный и **трезвый** человек* [В.Ф. Кормер (1987) – НКРЯ].

Слово *реалистичный* или *реалист*, репрезентируют значение данной микромоделю достаточно редко, однако, для выявления наиболее полной картины номинантов интеллектуальной характеристик человека, их необходимо было включить. Особое отличие между данными словами нет, они вполне взаимозаменяемы.

В плане рассматриваемого семантико-концептуального содержания специфичным образом выделяются слова *здравомыслящий, здравомысленный и здоровый*. Данные слова репрезентируют индивида, который имеет «сбалансированный, скоординированный с реальным восприятием окружающего мира интеллектуальный механизм»⁴². Такая установка ярко отражается в следующих предложениях: *Кто может поверить в такую сказочку? **Здравомыслящий** человек не может* [Андрей Зализняк (2009) – НКРЯ], *Они добродетельны, правдивы, и **здравомысленны** ...* [М.Е. Салтыков-Щедрин (1884) – НКРЯ], *Ни один **здоровый** человек не станет отрицать, что Вы со всем Вашим семейством, даже с тем образом, который воображение и память воспроизводят в душе моей, не что иное (лично для меня), как сотрясения и перемены, происшедшие на поверхности моих глаз и слуховых органов* [А.А. Фет (1887) – НКРЯ].

Следует отметить, что слово *здравомысленный* является наиболее разговорной и наиболее редкой, однако, для более полного и точного воспроизведения концептуальной системы интеллектуальной характеристики русского языка, оно было включено как репрезентант рассматриваемой микромоделю.

---

⁴² Близкое к данной семантико-концептуальной установке и к данным словам является слово *нормальный*, которое, исходя из контекстуального и ассоциативного эксперимента, имел более ясную репрезентативность в морально-психологических характеристиках человека.

8. Концептуальная микромодель «**Благородный+умный: наличие ума и благородности**»

Данная микромодель содержит 5 слов (*благомыслящий, благоразумный, благорассудительный, благоумный, доброумный*), и имеет, по сравнению с другими микромоделями положительно-интеллектуальной характеристики, наиболее экспрессивный характер, и репрезентирует индивида как имеющего «оперативно-интеллектуальный механизм + социальный опыт с экспрессией добра, который функционально сконцентрирован на мыслительные результаты, одобряемые социумом». В этом плане она имеет близкое отношение к морально-этическим качествам человека, что и отличает её от микромодели «Здравомыслящий ...».

Основными, наиболее употребительными единицами данной микромодели являются слова *благомыслящий* и *благоразумный*. Слово *благомыслящий* полностью соответствует семантико-концептуальной установке рассматриваемой микромодели. Это хорошо выражается в примере *Порядок — понятие, которое одинаково понимается благомыслящими людьми в Китае и в России* [Н.Н. Шпанов (1930) – НКРЯ]. Сам по себе понятие «порядок» ассоциируется с индивидуальной и социальной «полезностью», «правильностью».

Слово *благоразумный* как и другие единицы может целостно репрезентировать установку рассматриваемой микромодели: *Послушай, Ибрагим, последуй хоть раз моему совету; право, я благоразумнее, чем кажусь* [А.С. Пушкин (1828) – НКРЯ]. Однако данное слово может иметь свои специфичные черты, и в отличие от *благомыслящего*, оно также репрезентирует индивида, имеющего «оперативно-интеллектуальный механизм + социальных опыт + коннотация добра, функционирующие больше всего в пользу самой личности». То есть, если у слова *благомыслящий* названная установка направлена больше всего на социум (на благо социума), то у *благоразумного* это всё может также иметь «статичный характер» (благо в пользу адресата). Ср.: *Благоразумный человек тут же*

капитулировал бы, но Ашинову захотелось поиграть с судьбой, покрасоваться в роли героя [Анатолий Макаров (2008) – НКРЯ].

Слова *благорассудительный*, *благоумный* и *доброумный* используются крайне редко, в основном в разговорной речи. Подобные лексемы, как было уже сказано, используются в нашей работе для выявления более полной и точной семантико-концептуальной картины. Указанные слова являются вариантами репрезентантов *благомыслящий* и *благоразумный*. Однако здесь слово *доброумный*, считающийся устаревшим, имеет свои специфичные оттенки как лексико-фразеологическая единица: *Доброумный муж как добрый посадник в городе; а злоумный муж как злой посадник. Добрая дочь к дому как доброумный гость; а дочь злая как злоумный гость* [Ф.И. Буслаев (1856) – НКРЯ].

9. Концептуальная микромодель «**Умный+думающий много: наличие ума и много мыслительных процессов**»

Данная микромодель содержит 1 слово – *многодумный*. Как и в таджикском языке, слово *многодумный* репрезентирует индивида, имеющего «оперативно-интеллектуальный механизм с широкой функциональной системой, обрабатывающий много мыслительных задач». Например: *Другими словами, мы дерзаем «метать бисер» наш перед многодумной толпой русских образованных читателей...* [К.Н. Леонтьев (1880) – НКРЯ].

Выводы по третьей главе

Таким образом, по результатам проведенного анализа были сделаны следующие основные выводы:

На примере лексики положительно-интеллектуальной характеристики человека в обоих языках наиболее эффективно наблюдается репрезентативные процессы и их функции в когнитивном механизме, а также сами когнитивные механизмы представляются в своих более четких экспликациях. Посредством особо выделенных пластов и слов были зафиксированы их собственные когнитивные установки: каждая положительно-интеллектуальная лексема может обозначать частично или

полностью интеллектуальное качество (интеллектуальный характер) индивида. Каждые из этих качеств (характеров) достаточно разнообразны: начиная с самых простых когнитивных механизмов, заканчивая структурно-сложными когнитивными установками.

Выявленные положительно-интеллектуальные концептуальные микромоделю по своим когнитивным характеристикам выделяются на следующие группы:

1) более простая – микромодель *«Умный: наличие мыслительного потенциала»* - индивид, способный задействовать свои элементарные интеллектуальные возможности;

2) менее простая – микромодель *«Сметливый + ловкий + одаренный + умный: наличие ума, смекалки и одарённости»* - индивид, имеющий потенциальную и интенсивную память в её функциональных и операционных мнемотехнических механизмах, и наиболее интенсивно взаимодействующая с когнитивными процессами кодирования и декодирования внешних данных (информации, сигналов);

3) сложная – микромоделю *«Мудрый+знающий: наличие мудрости и знания»* - сочетание глубоких, всесторонних знаний и устоявшего опыта оперирования интеллектуальными механизмами, представляющий собой единую адаптированную организацию (атрибут), *«Знающий + эрудированный: наличие ума, информации и знания»* - репрезентирует индивида, который сочетает в себе интеллектуально-оперативный механизм и наиболее объективные и комплексные знания (информации и данные) об окружающей среде (знания объектов действительности, опыт, полученные в результате их научного или более конкретного изучения и обработки), а также все остальные положительно-интеллектуальные микромоделю.

Было выявлено, что более простая когнитивная установка, т.е. микромодель *«Умный ...»*, как в таджикском, так и в русском языке при небольшом количестве входящих в неё лексем является самой

употребительной среди всех положительно-интеллектуальных микромоделей.

Большинство положительно-интеллектуальных микромоделей в обоих языках имеют развитую внутреннюю категоризацию, которая формируется по наличию или отсутствию каких-либо сегментов или оттенков качества, по интенсивности или малой интенсивности каких-либо составляющих качества, по более или менее экспрессивности входящих в ней лексем и т.д.

ГЛАВА 4. СЕМАНТИКО-КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОТРИЦАТЕЛЬНО-ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЧЕЛОВЕКА В ТАДЖИКСКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

4.1. Отрицательно-интеллектуальная характеристика человека в таджикском языке

Как было упомянуто, в результате тезаурусного подхода и экспериментальных лингвистических методов, лексика отрицательно-интеллектуальной характеристики человека в таджикском языке репрезентируется в 9 микромоделей концептуального характера.

Таблица 11.

*Концептуальные микромодели лексики отрицательно-интеллектуальной
характеристики в таджикском языке*

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МИКРОМОДЕЛИ	С* ⁴³	%
<p>Дурак+отсталый+глупый: отсутствие мыслительного потенциала аблах, ақлқутоҳ, ақлмухтасар, андакхирад, аҳмақ, бадкалла, беақл, бекалла, бемағз, бемайна, бефаросат, бехирад, бешуур, гавлоқ, говланд(-ӣ), гоҷ, гусастахирад, гарча, гуладинг, дангил, данд, каллахуик, камақл, камфаросат, камхирад, колус, кутӯҳақл, лак, лода, лояъқил, лояънӣ, мағзтиҳи, маланг, мурдаақл, нобихрад, ришгов, сабуксар, сафеҳ, сустмағз, тангмағз, тиҳимағз, тунукмағз, фағок, харбаҳо, харкала, хармағз, хирасар, хушкмағз, хушксар</p>	49	29 %
<p>Неадекватный+глупый: крайняя негативно-интеллектуальная характеристика ақлғумкарда, ақлрамида, вазъӣ, девона, девонаавзоъ, девонатабъ, девонамизоч, ноқисулақл, ошуфтаақл, ошуфтамағз, тираақл, хаёлӣ</p>	12	7%
<p>Несообразительный+отсталый+глупый: отсутствие потенциальной смекалки и памяти аной, балид, беидрок, бефаҳм, вопасмонда, гапнофаҳм, гарангнамо, гарангшуда, гич, данг, дерфаҳм, казар, каллаварам, каллакаду, калтафаҳм, камидрок, камфаросат камфаҳм, камҳуш, камшуур, карахт, кундақл, кундзехн, кундфаҳм, мағзпушида, нофаҳм, ноҳушёр, пакар, настзехн, саргаранг, суст, сустандеш, сустфаҳм, сустрой, ҳафтафаҳм, шуридамағз, гаранг, говгаданг, гусоламизоч, гаданг</p>	40	24 %
<p>Наивный+глупый+несообразительный: отсутствие интеллектуальной интензивности и сообразительности сода, содалавҳ, содарафтор, гӯл</p>	4	2,4%
<p>Нерассудительный+легкомысленный+глупый: отсутствие должного внимания к решению задач беандеша, бемулоҳиза, бепарво, бепарвофалак, бетааммул, (бетамиз),</p>	13	8%

⁴³ Количество слов

<i>бетаваҷӯҳ, бефикр, сабукандеш, сабукмағз, сабукфикр, саҳлангор, тундрой</i>		
Недальновидный+думающий мало+глупый: минимальный, недостаточно проницательный интеллектуальный потенциал <i>бетадбир, камандеш, камфикр, кӯтоҳандеш, кӯтоҳбин, кӯтоҳназар, кӯтоҳфикр, майдабин, назартанг, тангназар, тангхирад, хомандеш, хомрой, хомтабъ, хомфикр, хурдандеш</i>	16	9,5%
Незнающий+малознающий+глупый: отсутствие необходимой информации, эрудиции <i>аблаҳвор, аблаҳнамо, авом, барнос, бедониш, беилм, беиттилоъ, бемаърифат, бесавод, бехабар, гафлатбурда, гафлатварз, гафлатзада, гафлатпеша, гофил, камдон, камдониш, камилм, каммаърифат, камсавод, кӯрсавод, нодон, омӣ, пучмағз, сухтамағз, фарнос, ҳечмадон, чоҳил</i>	28	16,5%
Неправильно думающий+воспринимающий <i>каҷфаҳм, каҷфикр, каҷнигар, каҷбин, каҷандеш</i>	5	3%
Не имеющий постоянных свойств глубокой рассудительности+дальновидности <i>нохирадманд</i>	1	0,6%
Итого: 9	168 ⁴⁴	100%

Ниже каждая концептуальная микромодель рассматривается в отдельности.

1. Концептуальная микромодель **Дурак+отсталый+глупый: отсутствие мыслительного потенциала**

Рассматриваемая микромодель содержит 49 лексем (*аблаҳ, ақлкутоҳ, андакхирад, аҳмақ, бадкалла, беақл, бекалла⁴⁵, бемағз, бемайна, бефаросат, бехирад, бешуур, гусастахирад, каллахушк, камақл, камфаросат, камхирад, кутӯҳақл, мағзтиҳи, мурдаақл, нобихрад, ришгов, сабуксар, сустмағз, тангмағз, тиҳимағз, тунукмағз, харбаҳо, харкала, хармағз, хирасар, хушкмағз, хушксар* и др.), и вместе с микромоделью «Неадекватный ...» выступают в полное антонимическое отношение с положительно-интеллектуальной микромодели «Умный ...». Следует отметить, что в переводе 28 лексем содержатся денотативные семы данной концептуальной

⁴⁴ Общее число лексем всех микромоделей составляет 167 единиц, 1 лексема камфарост функционируют и в первой микромодели и в третьей («Несообразительный...»).

⁴⁵ Слова, которые компонируют с такими ядерными компонентами как *кала, мағз, сар* также хорошо функционируют и в микромодели «Несметливый...», поскольку данные единицы отображают содержащий комплекс интеллектуальных механизмов (интеллектуальную операцию, восприимчивость, переработка информации, эффективное сохранение и воспроизведение информации или внешних сигналов).

микромоделю - «глупый», «неумный», которые составляют более 82% всей переводимой лексики (из 34 слов) и подтверждает наличие и денотативность настоящей микромоделю в сознании носителя таджикского языка.

Общая репрезентативная установка рассматриваемой микромоделю характеризует индивида следующим образом: «не имеющий особого стимула или опыта эффективно задействовать свой простой интеллектуальный потенциал». В этом плане, «простой интеллектуальный потенциал» нами понимается как внутренняя интеллектуальная (или когнитивная) организация, решающая и обрабатывающая элементарные мыслительные задачи. Также такая установка представляет собой когнитивную ориентацию в элементарных и обиходных ситуациях. У индивидов, номинирующими единицами данной микромоделю, интеллектуальные способности имеются, однако негативность к этим способностям проявляется по двум отношениям. Первое – они не стимулируются должным образом для минимального или достаточного выработка мыслительных решений. Второе – отсутствие достаточного опыта функционирования оперативно-интеллектуального механизма, которое больше всего свойственно именно детскому возрасту.

Хотелось бы ещё раз отметить, что одним из критериев выделения концептуальных микромоделю является её семантико-когнитивная целостность, её наличие как единый когнитивный «орган» в когнитивной системе интеллектуальной характеристики человека.

В рассматриваемой микромоделю данное суждение выражается наиболее ярко в следующих репрезентантах: *тунукмагз, тиҳимагз, хушкмагз, хушксар, харкала, харбаҳо, хармагз, каллахушк, бадкалла, кутоҳақл, беақл, магзтиҳи, хирасар, ақлкутоҳ, ақлмухтасар, камақл, бекалла, бемагз, бемайна, мурдаақл*. Основная концептуальная значимость данных единиц заключена в сущности их компонентов. В первую очередь, это касается сочетания ядерных и периферийных компонентов: ядерные компоненты – *ақл* – ‘ум’, *магз, майна* – ‘мозг’, *кала, сар* – ‘голова’; периферийные

компоненты – *хушк* – ‘сухой’, *хира* – ‘тусклый’, *бад* – ‘плохой’, *мухтасар, кутох* – ‘короткий’, *мурда* – ‘мёртвый’, *тихи* – ‘ничего, нуль’, *тунук* – ‘тонкий’, *хар* – ‘осел’. К примеру, в словах *хушкмагз*, *хушксар*, *каллахушк* концептуальная экспрессия содержится в периферийном компоненте *хушк* – ‘сухой’, который ассоциируется с “пустотой; безжизненностью, бессодержательностью”. Можно предположить, что такие ассоциации берут своё начало из восприятия таких природных явлений, как «*хушкшавии чоҳ, дарё, кул, баҳр*» – «засыхание колодцев, рек, озёр, морей», «*хушкшавии дарахтон, ҷангалзор*» - «засыхание деревьев, лесов», - а названные природные предметы олицетворяют собой «источник жизни и развития».

Таким образом, единицам *хушкмагз*, *хушксар*, *каллахушк* больше всего специфична следующая репрезентативная установка: «слабо функционирующий интеллектуально-двигательный аппарат или механизм, неспособный эффективно решать простые мыслительные задачи». Ещё одним таким примером с достаточно яркой экспрессией можно считать сочетание из периферийного компонента *мурда* – ‘мёртвый, мертвец’ и ядерного *ақл* – ‘ум’, образующее слово *мурдаақл* – «мёртвый ум» или «имеющий мёртвый ум», которое репрезентирует индивида с «крайне немотивированным интеллектуальным механизмом». Его близкими эквивалентами в русском языке являются слова *безмозглый*, *одурелый*, *преглупый*. Например:

Подшоҳе буд, уро бандае

Мурдаақле буду *шаҳватзиндае*. [«Маснавии маънавӣ»]

«Был у падишаха раб один. *Преглупый* и похотливый».

Почти 25% слов данной микромодели считается малоупотребительными по своим частотностям функционирования в разговорной и литературной речи. Наиболее продуктивным в этой микромодели считается слово *беақл*, которое полностью соответствует семантико-когнитивной установке данной микромодели, и является наиболее

близким эквивалентом слов *неумный, глупый, дурак* альтернативной микромоделю в русском языке. Например: *Чаро таънам занӣ, беақли сода, Ки ту чобуксавору ман пиёда?* [Лоик Шерали. Куллиёт, с. 715] – ‘Почему уприкаешь меня, *глупый* дурачек, Что ты наездник, а я пеший?’⁴⁶

Следует отметить, что упомянутое слово образовано с помощью приставочной словообразовательной модели, а именно присоединением отрицательной приставки *бе* – ‘не-’, ‘без-’ к корню (ядерному компоненту) *ақл* – ‘ум’. Однако в этом слове приставка *бе-* эквивалентна русской приставке *не-*, хотя вполне может являться эквивалентной приставке *без-*. Это связано с тем, что единица *бе*, если функционирует как приставка, то в передаче на русский язык больше всего продуктивна в значении приставки *не-*, а если функционирует как отрицательная частица, то передаётся главным образом единицей *без*. Например: *Бе онҳо ман намеравам* – ‘Без них я не пойду’, *Бе либосҳои расмӣ ба толор ворид нашавед* – ‘Без официальной формы не входить в зал’. Слово *беақл* никак не передаётся на русский язык лексемой *безумный*, так как единица *безумный* относится к микромоделю «Неадекватный...», и имеет такие таджикские эквиваленты, как *ноқисулақл, ақлрамида, девона* и т.п.⁴⁷

Таким образом, все единицы данной микромоделю имеют достаточно выраженную семантико-концептуальную экспрессивность, каждого из которых интересно отдельно описать. Однако, исходя из основных целей данной диссертационной работы, также, учитывая важность описания именно общей репрезентативности всех микромоделю, в том числе и рассматриваемой микромоделю, мы решили не включить подробные описания всех лексем по отдельности. Мы старались привести наиболее концептуально-экспрессивные единицы для более яркой презентации концептуальной картины таджикского и русского языков.

---

⁴⁶ Перевод мой

⁴⁷ См. микромодель «Неадекватный...».

2. Концептуальная микромодель «Неадекватный+глупый: крайняя негативно-интеллектуальная характеристика»

Данная микромодель содержит 12 лексем (*ақлгумкарда, ақлрамида, вазъй, девона, девонаавзоъ, девонатабъ, девонамизоҷ, ноқисулақл, ошуфтаақл, ошуфтамағз, тираақл, хаёлий*), которые главным образом фигурируют в психологической характеристике человека как «тяжёлое психическое расстройство личности». Такое расстройство и в таджикском, и в русском языках прежде всего репрезентируется лексемами, содержащими ядерную сему «ақл» - «ум», например, *ноқисулақл, ақлрамида* и т.д.; *сумасшедший, безумный, умалишённый, слабоумный* и т.д. Компонент «ақл» – «ум», в этом плане (в его психической интерпретации) понимается как то, что контролирует поведение человека, поддерживает имманентный настрой личности. Однако его отрицание в отрицательных единицах не всегда означает отсутствие такого «контроля». В репрезентируемой части рассматриваемой микромодели отрицательно-интеллектуальной характеристики данные единицы отображают «неиницируемую оперативно-интеллектуальную организацию», другими словами, это полное отсутствие интеллектуально-продуктивной деятельности, но не контроля за поведением и не интеллекта как такового. Здесь, в этом суждении, значимым является понятие «продуктивность» интеллектуальной деятельности, которая нами воспринимается как свойство интеллекта решать элементарные или сложные мыслительные задачи.

Такое положение сближает данную микромодель с микромоделью «Дурак+отсталый+глупый», однако последняя репрезентирует индивида как «не имеющего особого стимула или опыта эффективно задействовать простой интеллектуальный потенциал». То есть микромодель «Дурак...» может попытаться решить мыслительные задачи, но к эффективным результатам она не может привести. Данную отличительную черту можно описать в сравнении трактовок единиц «неумный» (*беақл*) (микромодель «Дурак...») - «безумный» (*ақлрамида*) (микромодель «Неадекватный...»).

Первая единица (*неумный*) интерпретируется как «недостаточно умный» [БТСРЯ (Кузнецов), 2000], вторая (*безумный*) – «тот, кто поступает крайне безрассудно» [СТСРЯ (Ефремова), 2006].

Как было упомянуто, данная микромодель вместе с микромоделью «Дурак...» выступают в полное антонимическое отношение с положительно-интеллектуальной микромодели «Умный ...».

Особого описания требует лексико-семантическая структура лексем данной микромодели. Данные лексемы делятся на следующие лексические группы: 1) *ақлгумкарда, ақлрамида, ноқисулақл, ошуфтаақл, тираақл*; 2) *девона, девонаавзоъ, девонатабъ, девонамизоч*; 3) *ошуфтамағз, хаёлий*; 5) *вазъй*. У данных лексем имеются разнообразные коннотативные значения, которые зависят как от ядерного, так и от периферийного компонентов.

Слова первой группы в качестве ядерного компонента содержат *ақл* – ‘ум’, однако коннотативное значение диктуется периферийными компонентами. Например, в слове *ақлгумкарда* функционирует периферийный компонент *гумкарда* – ‘потерявший’ (от глагола *гум кардан* – ‘потерять’), в результате получается “потерявший ум”, и самой близкой альтернативой у *ақлгумкарда* в русском языке является слово *умалишенный*. Примеры: *Ман аз ҷоям хеста мисли ақлгумкарда шудам, баъди чанд вақт ба худ омадам, боз ба Рустам занзада пурсидам ...* [Кухи ғурур, с. 17] – ‘Я встал с места как **умалишенный**, в какой-то момент, придя в себя, ещё раз позвонил Рустаму и спросил...’ В слове *ақлрамида* периферийным компонентом является слово *рамида*, которое в толковом словаре таджикского языка интерпретируется как «испугавший», «терявший» или «испугавший и убежавший» [ТСТЯ], и в сочетании со словом *ақл* (*ақлрамида*) дословно формулируется как “утерявшийся ум”. Наиболее близким его эквивалентом в русском языке является слово *сумасбродный*. Например: *Сӯи мани ваҳшисифати ақлрамида, Охуравише, кабкхироме нафиристод* [Ҳофизӣ Шерозӣ, с. 4] – ‘Ко мне, нелюдимому и

сумасбродному, Не отправил он ту – грациозную и изящнопоходистую’.⁴⁸ В слове *ноқисулақл* периферийным компонентом является *ноқис* – ‘неполноценный’, ‘неполный’, ‘с недостатками’, который вместе с ядерным *ақл* дают такую формулировку: “неполноценно умный”.

Слова второй группы (*девона*, *девонаавзоъ*, *девонатабъ*, *девонамизоч*) содержат более экспрессивное коннотативное значение “расстройства интеллекта”, что отличает их от других единиц данной микро модели, и наиболее близкими эквивалентами этих единиц в русском языке являются слова *безумец*, *неадекватный*, *сумасшедший*. Например: *Ман бо камоли оқилӣ девонаи туам...* [Лоик Шералӣ. Куллиёт, с. 671] ‘Я при совершенном разуме являюсь **безумцем** твоим’.

У данного пласта слов есть только один ядерный компонент – *девона* – ‘неадекватный’, ‘душевнобольной’, ‘сумасшедший’, который, сочетаясь с периферийными компонентами, репрезентирует следующие семантико-концептуальные коннотации: 1) В сочетании с периферийным компонентом *авзоъ* (*девонаавзоъ*) – ‘положение’, ‘состояние’ получается формулировка “имеющий неадекватное состояние”, “находящийся в состоянии неадекватности”; 2) В сочетании с периферийным компонентом *табъ* (*девонатабъ*) – ‘натура, природа, характер’ получается формулировка “имеющий сумасшедшую натуру”; 3) В сочетании с периферийным компонентом *мизоч* (или *мичоз*) (*девонамизоч*) – ‘сущность’, ‘состояние’ получается формулировка “имеющий сущность неадекватного”.

Слова третьей группы *ошуфтамағз* и *хаёли* одинаково интерпретируются. Слово *ошуфтамағз* состоит из ядерного компонента *мағз* – ‘мозг’, ‘ядро’ и периферийного *ошуфта* – ‘рассеянный’, ‘растрёпанный’, что дословно формулируется как “рассеянный мозг” или “имеющий рассеянный мозг”. Например: *Дар нашот ошуфтамағзу дар мусибат хушдиmog...* [СТЯ] – ‘В радости **рассеянный** я, а в печали – шутив’⁴⁹. В

---

⁴⁸ Перевод мой

⁴⁹ Перевод мой

этом плане слово *хаёли* является некомпонентным, и образовано от слова *хаёл* – ‘воображение’ с помощью изафета («й»), что, как и *ошуфтамағз*, эквивалентно русским лексемам *юродивый, чудаковатый*.

Слово *вазы* в основном относится к диалектной форме, и является альтернативой слов *девонатабъ* и *девонамизоç*.

3. Концептуальная микромодель

«Несообразительный+отсталый+глупый: отсутствие потенциальной смекалки и памяти⁵⁰»

Данная микромодель содержит 40 лексем (*беидрок, бефаҳм, вопасмонда, гапнофаҳм, дерфаҳм, каллаварам, каллакаду, калтафаҳм, камидрок, камфаросат камфаҳм, камхуш, камшуур, карахт, кундақл, кундзеҳн, кундфаҳм, мағзпушида, нофаҳм, ноҳушёр, пакар, пастзеҳн, саргаранг, суст, сустандеш, сустфаҳм, сустрой, ҳафтафаҳм, шуридамағз, гаранг, гусоламизоç* и др.). Общая репрезентативность данной микромодели полностью противоположно микромодели положительно-интеллектуальной характеристики «Сметливый...». Однако она не отрицает интенсивную или экспрессивную память в её операционных мнемотехнических особенностях, прежде всего рассматриваемая микромодель репрезентирует индивида, “не имеющего потенциал мнемотехнической организации и памяти”. Здесь важным является именно «потенциал» как имплицитное понятие, т.е. специальная мотивация и стимул, отсутствие которого приводит к замедлению или торможению человеческой смекалки, негативно влияя на когнитивную деятельность сознания.

Единицы данной микромодели в основном делятся на 2 основных семантико-концептуальных пластов:

1. **Слабовыраженная и медлительная смекалка:** *дерфаҳм, калтафаҳм, камидрок, камфаросат, камфаҳм, камхуш⁵¹, камшуур, кундақл,*

⁵⁰ Этой микромодели больше всего характерно непотенциальное слабое восприятие, а микромодели «Дурак...» - слабое интеллектуальное поведение..

⁵¹ Лексема *камхуш* как отдельная статья в двуязычных и толковых словарях отсутствует, однако она нередко встречается в интерпретациях лексики интеллектуальной характеристики в толковых

кундзеҳн, кундфаҳм, пастзеҳн, сушт, сустандеиш, сустваҳм, сустрой, ҳафтафаҳм. Данная группа слов репрезентирует индивида со слабо функционирующей мнемотехнической организацией, где процессы восприятия и сохранения информации осуществляются недостаточным образом. Исходя из семантико-когнитивных особенностей рассматриваемого пласта лексем, их можно выделить по следующим репрезентативным особенностям: 1) индивид, имеющий слабый и медлительный процесс восприятия и переработки информации или сигналов: *дерфаҳм, калтафаҳм, камидрок, камфаросат, камфаҳм, камхуш, камшуур, кундақл, кундфаҳм, сушт, сустандеиш, сустваҳм, сустрой, ҳафтафаҳм* и 2) индивид, не стимулирующий свою память к устойчивому сохранению информации: *кундзеҳн, пастзеҳн.*

Номинантов первой подгруппы второго пласта можно также распределить на следующие семантико-концептуальные подгруппы, которые характеризуют индивида как:

а) репрезентирующего медлительный процесс восприятия и переработки информации (или внешних сигналов⁵²): *дерфаҳм, ҳафтафаҳм;*

б) репрезентирующего дефицитную, недостаточную способность восприятия и переработки информации (или внешних сигналов): *калтафаҳм, камидрок, камфаросат, камфаҳм, камхуш, камшуур, кундақл, кундфаҳм;*

в) репрезентирующего слабую восприимчивость и переработку информации (или внешних сигналов): *сушт, сустандеиш, сустваҳм, сустрой.*

Следует отметить, что ко второй группе не были включены такие слова, как *фаромушхотир* – ‘забывчивый’, *парешонфикр, парешонхотир, парешонхаёл* – ‘рассеянный, забывчивый’ и т.д., поскольку они репрезентируют психические расстройства или отклонения в функции памяти, и тем самым относятся к психологически-эмоциональным

словарях, например, в описаниях лексем *гаранг, мағзпушида* она даётся как синоним, описывающий первое значение: «ГАРАНГ گرانگ 1. **камхуш**, сустваҳ, кундзеҳн...», «МАҒЗПУШИДА مغزپوشیده маҷ. **камхуш**...».

⁵² Данное выражение нами понимается как невербально передаваемые информации.

характеристикам человека. В отличие от них, слова *кундзехн* и *пастзехн* отображают качества индивида, который не стимулирует свою функциональную и оперативную память (здоровую) к эффективному продуцированию. Их наиболее близкими эквивалентами в русском языке являются слова *несообразительный, бестолковый, дуб*.

2. **Непродуктивная и неустойчивая смекалка:** *аной, балид, беидрок, бефахм, вопасмонда, гапнофахм, гарангнамо, гарангшуда, гич, данг, казар, каллаварам, каллакаду, карахт, магзпушида, нофахм, нохушёр, пакар*⁵³, *саргаранг, шуридамагз, гаранг, говгаданг, гусоламизоч, гаданг*. Если первый пласт лексем (“Слабовыраженная и медлительная смекалка”) располагает возможностью иметь продуктивность, хотя крайне малую, что и делает их отрицательными номинантами интеллектуальной характеристики, то данный пласт является полностью непродуктивным.

Таким образом, с точки зрения концептуальных особенностей лексем данной микромоделю, можно выделить следующие основные ядерные и периферийные компоненты: 1) ядерные: *зехн* – ‘память’, *фахм* – ‘восприятие, понимание’, *идрок* – ‘понимание, восприимчивость’, *хуш* – ‘сознание’, 2) периферийные: *кам* – ‘мало’, *калта* – ‘короткий (коротка)’, *дер* – ‘поздний (поздно)’, *суст* – ‘слабый (слабо)’, *кунд* – ‘неострый, тупой (тупо)’. : *камфахм* (кам+фахм) – ‘малопонимающий, непонимающий’, *камхуш* (кам+хуш) – ‘мало воспринимающий, невосприимчивый’, *сустрой* (суст+рой) – ‘слабый, малосообразительный’, *калтафахм* (калта+фахм) – ‘непроницательный, несообразительный’, *дерфахм* (дер+фахм) – ‘непонимающий, невосприимчивый’, *кундзехн* (кунд+зехн) – ‘несообразительный, твердолобый’. А также в данной микромоделю функционируют номинативно-ядерные слова *гаранг, пакар* и т.д., близкими

---

⁵³ Лексема *пакар* и в двуязычных, и в толковых словарях не имеет значение «несообразительности», однако в ходе логико-семантического эксперимента частотность употребления данного значения в описании лексемы *пакар* была намного выше, а в качестве основного его синонима довольно часто выступало слово *гаранг*.

эквивалентами которых в русском языке являются слова *тупой*, *бестолковый*.

Наиболее интересными в плане концептуальной характеристики являются слова *калаварам*, *ҳафтафаҳм*, *шуридамағз*, *гусоламизоч*, *каллакаду*, *говгаданг*, *мағзпушида*. Подобные лексемы по всем лингвокогнитивным параметрам наиболее показательны и колоритны в плане концептуальной идентификации таджикского языка, что и требует подробного их описания.

Слово *калаварам* образовано от слов *калла* – ‘голова’ и *варам* – ‘опухший’, что дословно означает “опухшая голова”. Данная семантика является результатом порицающей ассоциации того, что “человек, у которого нет сообразительности, его голова не заполнена “мозгом”, а скорее всего, является опухшей”. Наиболее близким эквивалентом данной единицы в русском языке являются слова *тупоголовый*, *тупица*.

Слово *каллакаду* образовано от слов *калла* – ‘голова’ и *каду* – ‘тыква’, дословно – “тыквенная голова”. Также как и слово *калаварам*, данная единица является результатом порицающей ассоциации “несообразительная голова – она пустая и большая как тыква”. Однако эквивалентами данной единицы в русском языке не являются такими экспрессивно яркими, неодобрительными как это встречается у слова *калаварам* (‘тупоголовый, тупица’). Близкими эквивалентами слова *каллакаду* в русском языке являются слова *несообразительный* и *тупой*.

Слово *ҳафтафаҳм* образовано от слов *ҳафта* – ‘неделя’ и *фаҳм* – ‘понимание, восприятие’, дословно – “понимающий за неделю”, т.е. данная единица ассоциируется с крайне медлительной человеческой смекалкой.

Слово *шуридамағз* образовано от периферийного компонента *шурида* – ‘расстроенный, взволнованный; смешанный’ и ядерного *мағз* – ‘мозг; ядро’, дословно – “расстроенный мозг”. Данное слово образовалось из ассоциации к индивиду, у которого “всё смешано в голове”, т.е. репрезентирует индивида,

который “склонен хаотичным образом воспринимать, перерабатывать и сохранять информацию”.

Довольно экспрессивной семантико-концептуальной единицей в этой микромодели является слово *говгаданг*, которое образовано от слов *гов* – ‘корова’, *гаданг* – ‘тупой’. Однако, исходя из лексико-семантического и контекстуального анализов, было выявлено, что данное слово не ассоциируется с коровой как «неразумного животного», оно ассоциируется с её габаритной формой, и тем самым формирует в представлении носителя того человека, у которого “тупость по объему такая большая, как целая корова”. Для наиболее яркого обоснования вышесказанного, можно привести словоформы, подобные слову *говгаданг*, например, слово *говдил* (*гов* – корова, *дил* – сердце). Данное слово обозначает «смелого, бесстрашного» [ТРС], хотя *гов* (корова) в сознании носителя таджикского языка не воспринимается как “смелое животное”.

Слово *магнушида* образовано от слов *магз* – ‘мозг’ и *пушида* ‘закрытый (закрыт, закрыта, закрыто)’, дословно – “с закрытым мозгом”, т.е. репрезентирует индивида, имеющего непрогрессивный и непродуктивный мнемотехнический механизм.

4. Концептуальная микромодель

«Наивный+глупый+несообразительный: отсутствие интеллектуальной интенсивности исообразительности»

Данная микромодель содержит 4 лексемы: *сода*, *содалавх*, *содарафтор*, *гул*. Рассматриваемая микромодель по своей семантико-концептуальной структуре близка к микромодели «Несообразительный...», и вместе они противоположны положительно-интеллектуальной микромодели «Сметливый...». Однако в отличие от «Несообразительного...» и других отрицательно-интеллектуальных микромоделей, у рассматриваемой микромодели репрезентативная установка содержит три важных сигнификативных и коннотативных моментов: 1) отсутствие потенциальной смекалки; 2) отсутствие потенциала интеллектуальной способности и 3)

крайняя имманентная инертность и отсутствие интенсивности. Другими словами, данная микромодель репрезентирует индивида, имеющего слабую мнемотехническую, оперативно-интеллектуальную организацию с крайней инертностью. Основным компонентом, играющим стержневую роль в отображении концептуальной картины данной микромодели, является единица *soda*, которая сочетает в себе “наивного”, “глупого” и “дурака” (наивный+глупый+дурак). Эквивалентом данного слова в русском языке является лексема *наивный*, однако в отличие от ‘наивного’, данное слово пропорционально репрезентирует и “наивного”, и “глупого”, и “дурака”.

5. Концептуальная микромодель

«Нерассудительный+легкомысленный+глупый: отсутствие должного внимания к решению задач»

Данная микромодель содержит 13 лексем: *беандеша*, *бемулоҳиза*, *бепарво*, *бепарвофалак*, *бетааммул*, *(бетамиз)⁵⁴*, *бетаваҷҷӯҳ*, *бефикр*, *сабукандеш*, *сабукмағз*, *сабукфикр*, *саҳлангор*, *тундрой*. Рассматриваемая микромодель репрезентирует индивида, не концентрирующегося достаточным образом на процесс и результат своей мыслительной деятельности. Важным здесь является именно “концентрация”, которая должна направиться на продуктивность интеллектуальных процессов. У индивидов, номинирующими единицами данной микромодели есть такая «концентрация», однако ей не придаётся интенсивность и усилия, что и лишает мыслительных процессов системности (озадаченности), а результатов – эффективности.

Лексеммы данной микромодели являются прямыми антонимическими эквивалентами единицам положительно-интеллектуальной микромодели «Аналитик + рассудительный + умный».

---

⁵⁴ Лексема *бетамиз* теряла уже своё прежнее (классическое) значение «нерассудительного, легкомысленного, несообразительного», которое фиксировано в двуязычных и толковых словарях. Данная лексема, исходя из контекстного анализа и по результатам логико-семантического эксперимента, уже функционирует в современном языке как морально-этическое качество, репрезентируя «нечистоплотного, грязного, непорядочного человека».

Вышесказанные суждения представляют собой общий взгляд на рассматриваемую когнитивную установку, однако для более ясного очертания семантико-концептуальной структуры данной микромоделю, требуется детализация лексико-семантического содержания. В результате, были выделены (1) прямые и непосредственные репрезентанты: *беандеша*, *бемулоҳиза*, *бетааммул*, (*бетамиз*), *бефикр*, *сабукандеш*, *сабукмагз*, *сабукфикр*, *саҳлангор*, *тундрой* и (2) косвенные и опосредованные: *бепарво* *бепарвофалак* *бетаваҷҷӯҳ*. Здесь, в качестве «прямых и непосредственных репрезентантов» мы понимаем номинативные единицы, относящиеся к интеллектуальным свойствам человека, из чего могут косвенно репрезентировать психоэмоциональные установки. В этом плане, «косвенные и опосредованные репрезентанты» понимаются нами как относящиеся к психоэмоциональным свойствам человека, и косвенно передают репрезентативность рассматриваемой микромоделю.

Исходя из данных утверждений, слова первого пласта (*бепарво*, *бепарвофалак*, *бетаваҷҷӯҳ*) репрезентируют индивида, который “не акцентируется на процесс и результат мыслительных задач и внешних сигналов”, однако в словах второго пласта (*беандеша*, *бефикр* и т.д.) акцент не делается только на мыслительные процессы или их результаты. В этом пласте номинанты исключают “внешних сигналов”, т.е. любое вызывающее явление, признак.

По отношению с другими единицами данной микромоделю, у слов *сабукандеш* *сабукмагз* *сабукфикр* акцент делается на мыслительные процессы и их результате, однако это выражается слабо, и для достижения эффективного результата является недостаточным.

Основными ядерными и периферийными компонентами рассматриваемой микромоделю являются: 1) ядерные *андеша* – ‘мысль; размышление’ (*беандеша* – ‘бездумный’), *мулоҳиза* – ‘рассуждение’ (*бемулоҳиза* – ‘нерассудительный’), *парво* – ‘забота, внимание’ (*бепарво* – ‘беспечный, легкомысленный’); 2) периферийные *сабук* – ‘лёгкий’

(сабукандеш – ‘легкомысленный’), *тунд* – ‘неострый, тупой’ (тундрой – ‘безрассудный’).

Следует отметить, что наиболее экспрессивными в плане концептуальной особенности таджикского языка являются единицы *бепарвофалак*, *сабукмагз*.

Лексема *бепарвофалак* образована от слов *бепарво* – ‘беспечный’ и *фалак* – ‘небо’, ‘судьба’. Очень сложно говорить об этимологии данного слова, хотя для его идентификации этимология играет ключевую роль, также сложно говорить и о его дословном значении – неизвестно, по какой именно словообразовательной модели данное слово было образовано: словосложением или лексикализацией словосочетания, или это может быть результатом транслитерации. Исходя из лексикографического и контекстуального анализов, мы выявили несколько подобных ему словоформ, которые образованы по такому же словообразовательному типу, например, слово *бегоназамин* (*бегона* – ‘чужой’, *замин* – ‘земля’) – ‘чужая земля’. Однако функционирует в таджикском языке также и такое слово, образованное по такому же словообразовательному типу - *бегоназабон* (*бегона* – ‘чужой’, *забон* - ‘язык’), которое означает не “чужого языка”, а «говорящего на другой язык» [ТСТЯ, 2008].

Тем не менее, наряду со слом *бепарвофалак* в результате словарного анализа было выявлено слово *хавой* (*хаво* – ‘воздух, небо’) – ‘воздушный, небесный’, которое часто в разговорной речи передаёт значение “пустого, легкомысленного человека”, исходя из этого, также по результатам ассоциативного эксперимента, было выявлено, что «воздух» и «небо» ассоциируются у таджиков как “нечто пустое и неограниченное”, “нечто бессмысленное”. Таким образом, слово *фалак* (‘небо’), которое имеет ассоциацию “ничем не ограничено”, сочетаясь со словом *бепарво* (‘беспечный’) (*бепарвофалак*), репрезентируют не “беспечного неба”, а индивида, имеющего “безграничную как небо беспечность”. Однако данная интерпретация не носить объективный и однозначный характер.

Слово *сабукмаз* образовано от слов *сабук* - 'лёгкий' и *мазз* - 'мозг, ядро', дословно – "имеющий лёгкий мозг, ядро", однако данная единица репрезентирует индивида, "решающего периферийные элементы мыслительной задачи, упускающий при этом основной, решающий сегмент такой задачи".

6. Концептуальная микромодель «Недальновидный+думающий мало+глупый: минимальный, недостаточно проницательный интеллектуальный потенциал»

Данная микромодель содержит 16 лексем: *бетадбир*, *камандеш*, *камфикр*, *кӯтоҳандеш*, *кӯтоҳбин*, *кӯтоҳназар*, *кӯтоҳфикр*, *майдабин*, *назартанг*, *тангназар*, *тангхирад*, *хомандеш*⁵⁵, *хомрой*, *хомтабъ*, *хомфикр*, *хурдандеш*. Рассматриваемая микромодель репрезентирует индивида, у которого "оперативно-интеллектуальный механизм при полном решении мыслительной задачи или ситуации системного и процессуального характера не идентифицирует истинные факторы, формирующие сущность заданной задачи". В отличие от микромодели «Нерассудительный...», данная микромодель достаточным образом оказывает "внимание" (акцент) на объект интеллектуальной деятельности, однако полностью не охватывает такого объекта (задачу), пропуская основную сущность достижимого результата. Например: *Гурӯҳе хомтабъу хомчушанд*, *Ба ҷуз бадгӯй бар коре накӯшанд*. [Лоик Шералӣ. Куллиёт (Китоби дуум), с. 301] – 'Группа неблагоприятных и непрозорливых, Кроме злословия не стремятся ни к чему'.⁵⁶

Главную роль в передачи концептуально-коннотативной специфики данной микромодели в таджикском языке играют периферийные компоненты, а все ядерные компоненты в этом плане играют уже вторичную роль. Периферийные компоненты рассматриваемых лексем имеют особое семантико-концептуальное содержание, которое в основном имеет

---

⁵⁵ Интерпретация лексемы *хомандеш* как «мечтателя, фантазера» в двуязычных и толковых словарях уже не совпадает с её современным пониманием: почти 97% респондентов понимают под этим словом «недальновидного, нерассудительного».

⁵⁶ Перевод мой

пространственно-параметрические значения, например: *кам* – ‘мало, немного’, *кутоҳ*–‘короткий (коротко)’, *майда* – ‘мелкий, незначительный’, *хурд* – ‘маленький, малый’, *танг* – ‘узкий’, а компонент *хом* – ‘неспелый, незрелый, сырой’ имеет качественно значение. Однако данные единицы, своеобразно сочетаясь с ядерными компонентами *андеш* – от *андешакунанда* – ‘мыслящий’, *фикр* – от *фикркунанда* – ‘думающий’, *бин* – от *бинанда* – ‘смотрящий, видящий’, *назар* – от *назаркунанда* – ‘направляющий взгляд, взор’, *хирад* – ‘мудрость’ и т.д., становятся полноценными, совершенными концептуальными номинантами, репрезентирующими единую когнитивную установку. Данные лексемы будут подробно рассматриваться в следующих лексико-семантических пластах:

1) Слова *камандеш* (*кам+андеш*), *камфикр* (*кам+фикр*) и *хурдандеш* (*хурд+андеш*) дословно означают “малодумающий”, “маломыслящий”, и репрезентируют индивида, который “не до конца оперирует с мыслительной задачей процессуального и системного характера, чтобы полностью идентифицировать её сущность”.

2) Слова *кӯтоҳандеш*(*кӯтоҳ+андеш*), *кӯтоҳфикр* (*кӯто+фикр*), *кӯтоҳбин* (*кӯтоҳ+бин*), *кӯтоҳназар* (*кӯтоҳ+назар*), *майдабин* (*майда+бин*) дословно означают “короткомыслящий”, “коротковидящий”, и репрезентируют индивида, у которого “оперативно-интеллектуальный механизм устроен так, что из системной и процессуальной мыслительной задачи идентифицируется только фрагмент или часть, которая будет представляться как целое”. Другими словами, адресат данной характеристики рассматривает и решает только часть какого-нибудь мыслительного процесса, выдавая её за решение целого такого процесса до его логического завершения.

3) В этот пласт входят слова *назартанг* (*назар+танг*), *тангназар* (*танг+назар*), которые дословно означают “видящий узко (узковидящий)” и слово *тангхирад* (*танг+хирад*) – “имеющий узкую мудрость”. Данные единицы репрезентируют индивида, который “рассматривает мыслительную

задачу процессуального и системного характера линейным образом от начала до конца, не обрабатывая весь объём и общий потенциал такой задачи”. В отличие от номинантов первого пласта (*камандеш, камфикр, хурдандеш*) у адресатов данной характеристики результаты мыслительной деятельности есть, однако они неэффективны, что и диктует их отрицательное лексико-семантическое положение.

4) Слова *хомандеш, хомрой, хомтабъ, хомфикр* дословно означают “мыслящий незрело («незреломыслящий»”, и репрезентируют индивида, у которого “результаты мыслительной деятельности не испытали достаточное время и сторонний, социальный опыт для выявления достаточного, сформированного решения”.

По своей семантико-концептуальной установке рассматриваемая микромодель полностью противоположна положительно-интеллектуальной микромодели «Дальновидный...».

7. Концептуальная микромодель «**Незнающий+малознающий+глупый: отсутствие необходимой информации, эрудиции**»

Данная микромодель содержит 28 лексем: *аблахнамо, авом, бедониш, беилм, бемаърифат, бесавод, бехабар, гафлатбурда, гафлатзада, гафлатпеша, гофил, камдон, камдониш, камилм, каммаърифат, камсавод, кӯрсавод, нодон, омӣ, пучмагз, сухтамагз, фарнос⁵⁷, ҳечмадон, чоҳил* и др.

Рассматриваемая микромодель в целом репрезентирует индивида, который “имеет оперативно-интеллектуальный механизм, но не мотивируется освоить знания объектов действительности и результатов социального опыта других индивидов или группы индивидов для обработки на этом механизме”. Другими словами, у адресатов данных номинантов имеются достаточные интеллектуальные способности к переработке информации, однако они не стремятся получить необходимые знания об

---

⁵⁷ Слово *фарнос* в толковых словарях не имеет значение, данное слово в двуязычном словаре даётся только во втором значении как «невежественный; глупый», также при контекстном анализе и по результатам логико-семантического эксперимента оно считается малоупотребительным.

окружающей действительности, чтобы расширить свой кругозор, и тем самым повлиять на эффективность и продуктивность своей мыслительной (интеллектуальной) деятельности.

Вышесказанные суждения представляют собой общий взгляд на рассматриваемую когнитивную установку, однако для более ясного очертания семантико-концептуальной структуры данной микро модели требуется детализация её лексико-семантического содержания. В результате проведения такой работы, слова рассматриваемой микро модели распределились по двум пластам:

1) наиболее атрибутивные: *аблаҳвор, аблаҳнамо, авом, барнос, бедониш, беилм, беиттилоъ, бемаърифат, бесавод, бехабар, гафлатбурда, гафлатварз, гафлатзада, гафлатпеша, гофил, кӯрсавод, нодон, омӣ, пучмағз, сухтамағз, фарнос, ҳечмадон, чоҳил*. Данный пласт номинантов содержит в свою репрезентативную целостность наиболее усиленный игнорирующий оттенок, тем самым, имеют более атрибутивное свойство.

2) наименее атрибутивные: *камдон, камдониш, камилм, каммаърифат, камсавод*. Выделенные слова в свою репрезентативную целостность содержат простое негативное значение, т.е. у них нет усиленного игнорирующего оттенка, таким образом, они воспринимаются как менее атрибутивные, как непостоянные качества.

В сложных словах с компонентами *гафлат* – ‘незнание, невежество, невежество’ и *кам* – ‘мало’, а также в словах *кӯрсавод, пучмағз, сухтамағз* и *ҳечмадон* отображаются наиболее экспрессивные концептуальные особенности данной микро модели, которые требуют подробного описания.

С единицей *гафлат* образовано 4 компонентных слов, и в зависимости от периферийных компонентов, каждый из них имеет специфичную коннотацию и лексико-семантические особенности: 1) *гафлатбурда* - образовано от *гафлат* и *-бурда* (ОНВ глагола *бурдан* – ‘унести’) – ‘унесённый’, дословно означает “унесённый незнанием, невежеством”; 2) *гафлатзада* образовано от *гафлат* и *-зада* (ОНВ глагола *задан* – ‘бить,

забить’) – ‘ударенный, набитый’, дословно – “набитый незнанием, невежеством”; 3) *зафлатпеша* образовано от *зафлат* и *-пеша* – ‘занятие, ремесло’, дословно – “занятий незнанием, невежеством”; 4) *зафлатварз* – образовано от *зафлат* и *-варз* (ОНВ глагола *варзидан* – ‘заниматься; развиваться’), дословно – “занимающийся незнанием, невежеством”. Все эти слова репрезентируют индивида, оперативно-интеллектуальный механизм которого полностью лишён необходимых знаний, и такой адресат имеет склонности изолировать себя от доступа к таким знаниям.

В данной микромодели функционируют 5 слов с периферийным компонентом *кам* – ‘мало’, который добавляется к ядерным *дон* (ОНВ глагола *донистан* – ‘знать’) – ‘знающий’, дословно – “знающий мало”, *дониш*, *илм* – ‘знание, наука’, дословно – “имеющий мало знания, науки”, *маърифат* – ‘просвещение’, дословно – “имеющий малое просвещение (“малопросвещённый”)”, *савод* – ‘образование’, дословно – “малообразованный”.

Таким образом, данная микромодель репрезентирует индивида, который имеет оперативно-интеллектуальный механизм с недостаточными, незначительными знаниями системного и комплексного характера. Например: *Чу нодонон на дар банди падар бош, Падар бигзору фарзанди хунар бош!* [Абдурахмони Чомӣ. Баҳористон, с. 3] – ‘Подобно незнающим не будь узником отцовым, Оставь отца, стань сыном искусства!’

Слово *кӯрсавод* образовано от слов *кӯр* – ‘слепой’ и *савод* – ‘образование’, дословно – “имеющий слепое образование”, репрезентирует индивида, у которого ярко выраженная нехватка нужных и необходимых знаний.

Слово *пучмағз* образовано от *пуч* – ‘пустой’ (или ‘высохшее неразвитое ядро’, например, *чормағзи пуч* – “орех с высохшим неразвитым ядром”) и *мағз* – ‘мозг, ядро’, дословно – “пустой, высохший неразвитый мозг”: репрезентирует индивида, у которого “оперативно-интеллектуальный

механизм не продуцирует полезные знания или продуцирует незначительные знания”.

Слово *сухтамагз* образовано от *сухта* – ‘сгоревший’ и *магз* – ‘мозг, ядро’, дословно – “сгоревший мозг”, репрезентирует индивида, “оперативно-интеллектуальный механизм которого испытывает крайнюю необходимость в элементарных и комплексных знаниях”.

Слово *хечмадон* образовано от *хеч* – ‘ничего’ и *мадон* – ‘незнающий’, дословно – “ничего незнающий”, репрезентирует индивида, “не владеющего никакими продуктивными знаниями”.

В целом, данная микромодель имеет диаметрально противоположное значение с положительно-интеллектуальной микромодели «Знающий + эрудированный».

8. Концептуальна микромодель «**Неправильно думающий+воспринимающий**»

Данная микромодель содержит 5 лексем (*качфахм, качфикр, качнигар, качбин, качандеш*), и репрезентирует индивида, у которого оперативно-интеллектуальный механизм устроен так, что логико-мыслительные результаты производятся неправильно. Данный процесс происходит осознанно или неосознанно, однако, исходя из контекстуального анализа и ассоциативного эксперимента, гораздо чаще прослеживается неосознанный характер такого процесса. Например: *Бо ту хоҳам сафои хонаи чаим, Оҳ аз чаими-чаими качбинон*. [Лоик Шералӣ. Куллиёт (Китоби якум), с. 525] – ‘С тобой хочу быть в прозрачности взглядов, Ох, устал я от *нерассудительных* взглядов’.⁵⁸

Основной единицей, придающей специфичный концептуальный характер данным номинантам, является периферийный компонент *кач* – ‘кривой, искривлённый, косой, неправильно’, который сочетается со следующими ядерными единицами: 1) *фахм* – ‘понимание, восприятие’:

---

⁵⁸ Перевод мой

качфаҳм – “имеющий неправильное понимание”; 2) *фикр* – ‘мнение, дум’ (или ОНВ глагола *фикр кардан* – ‘думать’): *качфикр* – “имеющий неправильное мнение; криво думающий”; 3) *нигар* (ОНВ глагола *нигаристан* – ‘смотреть’) – ‘смотрящий’: *качнигар* – “смотрящий неправильно; криво смотрящий”; 4) *андеш* (ОНВ глагола *андешидан* – ‘мыслить’) – ‘мысль’: *качандеш* – “неправильно мыслящий”, “кривопонимающий”.

9. Концептуальная микромодель «**Не имеющий постоянных свойств глубокой рассудительности+дальновидности**»

Данная микромодель содержит только одну лексему *-нохирадманд*, которая переводится как «неблагодарный, нерассудительный, неумный». В толковом словаре данная лексема переводится как «незнающий, неумный», однако в результате ассоциативного эксперимента и при анализе текстовых источников она показала себя в несколько иной семантико-концептуальной парадигме, которая вполне совпадает с денотативным значением данной микромодели.

Слово *нохирадманд* образовано с помощью отрицательной приставки *но-* – ‘не-, без-’ и *хирадманд* – ‘мудрец, мудрый’ дословно означает “немудрый, немудрец”. Репрезентативность данной микромодели имеет диаметрально противоположный характер положительно-интеллектуальной микромодели «Мудрый...», и полностью совпадает с доминантой рассматриваемой микромодели, которая заключена в её названии, т.е. не содержит сочетания глубоких знаний и устоявшего опыта оперирования интеллектуальными механизмами.

По своей настоящей репрезентативности, данная микромодель отсутствует в русском языке, однако она обычно передаётся в русском языке словом *немудрый*, которое не может передать концептуальность рассматриваемой микромодели. Наиболее правильная передача слова *нохирадманд* реализуется в сочетании “не являющийся мудрецом”.

4.2. Отрицательно-интеллектуальная характеристика человека в русском языке

По такой же аналогии, используя те же научно-практические методы как и в таджикском языке, была образована конструкция концептуальных микромоделей отрицательно-интеллектуальной характеристики человека в русском языке, которая содержит 8 микромоделей с лексической базой на 135 единиц.

Таблица 12.

Концептуальные микромодели лексики отрицательно-интеллектуальной характеристики в русском языке

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МИКРОМОДЕЛИ	С* ⁵⁹	%
<p style="text-align: center;">«Дурак+отсталый+глупый: отсутствие мыслительного потенциала»</p> <p><i>безголовый, безмозглый, балбес, болван, болванистый, глупец, глуповатый, глупый, балда, дебил, дура, дурак, дураковатый, дуралей, дурачина, дурашливый, дурень, дурёха, идиот, малоумный, межеумок, недалёкий, недоумок, неумный, обалдуй, оболтус, одурелый, олух, отупелый, преглупый, придурковатый, придурок, скудоумный, чурбан</i></p>	34	25,2%
<p style="text-align: center;">«Неадекватный+глупый: крайняя негативно-интеллектуальная характеристика»</p> <p><i>безумец, безумный, слабоумный, умалишенный, сумасшедший, взбалмошный, сумасбродный, неадекватный, безбашенный, чудаковатый, юродивый</i></p>	11	8,1%
<p style="text-align: center;">«Несообразительный+отсталый+глупый: отсутствие потенциальной смекалки и памяти»</p> <p><i>бестолковый, бестолковщина, бестолочь, дуб, дубина, крепкоголовый, крепколобый, заскорузлый, непроницательный, плосколобый, (тормоз), тупица, тупоголовый, тупой, туполобый, тупоумный, твердолобый (твердолоб), малопонятливый, малосознательный, малосообразительный, невосприимчивый, недогадливый, непонятливый, неразвитый, несмышленый, несмышлёныш, несознательный, несообразительный, отсталый, остолоп, слабый, тугодум, тяжелодум (тяжкодум)</i></p>	33	24,4%
<p style="text-align: center;">«Наивный+глупый+несообразительный: отсутствие интеллектуальной интенсивности исообразительности»</p> <p><i>простофиля, простак, (легковерный), дурачок, дурашка, глупышка, лопух</i></p>	7	5,2%
<p style="text-align: center;">«Нерассудительный + легкомысленный + глупый: отсутствие должного внимания к решению задач»</p>	19	14%

⁵⁹ Количество слов

<i>бездумный, безалаберный, безрассудный, беспечный, беспутный, ветреный, легкомысленный, ветреник, нелепый, неосмотрительный, непутёвый, нерассудительный, растяпа, опрометчивый, пустышка, пустяковый (пустячный), финтифлюшка, шалопутный, разиня</i>		
«Недальновидный+немудрый+глупый: минимальный, недостаточно проницательный интеллектуальный потенциал» <i>близорукий, недальновидный, недальнозоркий, неблагоприятный, немудрёный, немудрый, непредусмотрительный, непрозорливый, неразумный, нерациональный, нецелесообразный, узколобый</i>	12	8,9%
«Незнающий+малознающий+глупый: отсутствиенеобходимой информации, эрудиции» <i>безграмотный, бездарность, двоечник, малограмотный, митрофанушка, невежда, невежественный, недоучка, незнайка, незнающий, необразованный, неуч, профан, пустоголовый</i>	14	10,4%
«Упрямый+несуразный+глупый» <i>несуразный, осёл, самодур, долдон, сумасброд</i>	5	3,8%
Итого: 8	135	100%

Ниже каждая концептуальная микромодель рассматривается в отдельности.

1. Концептуальная микромодель «Дурак+отсталый+глупый: отсутствие мыслительного потенциала»

Данная микромодель содержит 34 слов: *безмозглый, балбес, болван, глупец, глуповатый, глупый, дебил, дура, дурак, дураковатый, дуралей, дурачина, идиот, малоумный, недоумок, неумный, одурелый, отупелый, преглупый, придурковатый, придурок, скудоумный* и др. Единицы данной микромодели отчасти могут функционировать как репрезентанты микромодели «Несообразительный...». В русском языке эти две микромодели имеют наиболее тесное отношение, чем их альтернативы в таджикском языке. Это связано с тем, что семантико-концептуальная установка микромодели «Дурак...» в своём содержании содержит также сему «несметливый». В ходе лингвистического эксперимента, данный факт получил наглядное подтверждение: свыше 80% респондентов в качестве первого синонима (а также первой ассоциации) слова *дурак*, после слов *глупый, глупец*, предложили слова *отсталый, несообразительный, тупой*, которые относятся к микромодели «Несообразительный...». Однако это не

делает их эквивалентными, так как денотативное (первичное) значение рассматриваемых номинантов, как и их альтернатив в таджикском языке, характеризует индивида, который “должным образом не стимулируется для минимальной или достаточной выработки мыслительных результатов, и в них отсутствует достаточного опыта функционирования оперативно-интеллектуального механизма”.

Слова данной микромоделю по своей интенсивной и экспрессивной негативности выделяются на следующие семантико-концептуальные пласты:

- 1) ярко-негативная экспрессия: *балда, безмозглый, безголовый, балбес, болвандебил, дура, дурак, дурень, дуралей, дурёха, идиот межеумок, недалёкий, недоумок, обалдуй, оболтус, одурелый, олух, отупелый, преглупый, придурковатый, придурок, скудоумный, чурбан;*
- 2) нейтрально-негативная экспрессия: *глупец, глуповатый, глупый, дураковатый, дурачина, дурашливый, неумный, болванистый;*
- 3) слабо-негативная экспрессия: *малоумный.*

Наиболее употребительными единицами данной микромоделю считается слова *глупый, глупец, дурак (дура)*. На частотность употребления данных слов в речи влияет их стилистические разнообразия. Первые два слова функционируют как стилистически нейтральные номинанты, что делает их самыми употребительными единицами данной микромоделю и отрицательно-интеллектуальной характеристики в целом. В этом плане слово *дурак* имеет выраженную негативно-аттенциональную коннотацию, которая не привычна высокому стилю, исходя из чего, уступает слову *глупый* по частотности употребления. Следует отметить, что слово *глупый* отличается от слова *дурак* также по семантико-концептуальным свойствам: *глупый* репрезентирует индивида, который не имеет стимула или опыта эффективно задействовать свой простой интеллектуальный потенциал, кроме того, имеет слабовыраженную смекалку. В этом отношении, в слове *дурак* смекалка вообще не выражается. Ср.:— *Марина, как говорил твой отец, “глупый человек — не тот, кто задает глупые вопросы, а тот, кто задает умные*

вопросы не вовремя” [Нина Щербак (2010) – НКРЯ]; *Ты крышку, дурак, снять забыл* [Андрей Геласимов (2001) – НКРЯ].

Также в данной микромодели выделяются слова с наиболее яркой семантико-концептуальной специфики, это слова, *безмозглый, безголовый, малоумный, межеумок, недалёкий, недоумок, скудоумный*.

В словах *безмозглый* и *безголовый* компоненты *мозг, голова* прежде всего ассоциируется у носителей как “ум”, “умственная способность”. Слово ум или понятие «умственная способность» в обыденном, естественном языке воспринимается гораздо шире: в нём входят и элементарные оперативно-интеллектуальные способности, потенциал, и эффективная смекалка, интенсивное восприятие, переработка и сохранение. Однако, как уже было сказано, денотативным значением данных слов является наличие мыслительного потенциала, а эффективное восприятие, переработка и сохранения информации функционируют как вторичное, периферийное значение. Например: — *Безмозглый человек. Из-за своего дурацкого гонора заварить такую кашу!* [В.В. Шульгин (1971) – НКРЯ]. Прямыми эквивалентами данных номинантов в таджикском языке являются слова *бемайна, магзтиҳи, мурдаақл, хушкмағ* и т.п.

Как не парадоксально, слово *малоумный* считается малоупотребительным, хотя имеет семантически весомый компонент ‘мало’ для обозначения объемного характера интеллектуальных свойств. Тем не менее, данный номинант репрезентирует индивида “с недостаточным оперативно-интеллектуальным потенциалом”. Например: *Но, положим, я так малоумен и малограмотен, что я поверил полемике писателя...* [Л.Н. Толстой (1880) – НКРЯ].

Слово *межеумок* образовано при помощи компонентов *меже*, который в толковом словаре Даля интерпретируется как вариант предлога *между*, и ядерного компонента *умок* (от *ум* при помощи уменьшительного суффикса -ок), экспрессивно репрезентирует индивида “с выраженным негативно-функционирующим интеллектуальным механизмом”.

Слово *недалёкий* как и *малоумный* репрезентирует индивида, у которого недостаточный оперативно-интеллектуальный потенциал, однако *недалёкий* при этом коннотирует “ограниченные возможности эффекта такого потенциала”. Например: *Ах, Капитанов, ... неразумный вы человек, недалекый человек!* [Симон Соловейчик (1979) – НКРЯ].

Слово *скудоумный* придаёт особую экспрессивность концептуальной картины интеллектуальных характеристик человека в русском языке. Данное слово репрезентирует ту же самую семантико-концептуальную установку, которая репрезентируются словами *малоумный*, *недалёкий*, однако лексема *скудоумный* кроме этого придаёт данному оперативно-интеллектуальному потенциалу ещё и “особый ограничительный эффект”. Например: *Зачем я должен доказывать **скудоумным**, что синтаксис есть графическое обозначение интонации...* [Михаил Веллер (1997) – НКРЯ].

Слово *недоумок* образовано особым образом, и исходя из ассоциативного эксперимента, направленного на идентификацию номинантов, его можно назвать лексикализацией сочетания “не до ума” – репрезентируется как “регрессивно функционирующая оперативно-интеллектуальная организация индивида”. Например: *Насколько я понимаю, он, мягко говоря, **недоумок**, бестолочь* [Сергей Носов (2015) – НКРЯ].

2. Концептуальная микромодель «**Неадекватный + глупый: крайняя негативно-интеллектуальная характеристика**»

Данная микромодель содержит 11 лексем: *безумец, безумный, слабоумный, умалишенный, сумасшедший, взбалмошный, сумасбродный, неадекватный, безбашенный, чудаковатый, юродивый*. Образование и функциональность данной микромодели больше всего является результатом усиленной и экспрессивной аттенциональности, т.е. использование этих номинантов в значении отрицательно-интеллектуальной характеристики имеет эмотивные предпосылки: когда результатами негативно-направленных эмоций являются психические расстройства, психическая неадекватность человека. Таким образом, рассматриваемая микромодель, как и в таджикском

языке, репрезентирует индивида, у которого полностью отсутствует продуктивность интеллектуально-мыслительной деятельности, однако у них сохраняется интеллект как составляющий двигательного аппарата, а также сохраняется минимальный контроль над адекватным поведением. Именно такое положение отличает данную микромодель от микромоделей психической характеристики человека.

Наиболее концептуально-колоритными единицами данной микромодели русского языка являются слова *умалишенный*, *сумасшедший*, *сумасбродный*.

Слово *умалишённый*, при помощи словообразовательного способа сращения, образовано по аналогии от словосочетания “лишённый ума”, и репрезентирует индивида, у которого “оперативно-интеллектуальная организация крайне слабо функционирует”.

Слово *сумасшедший* тоже образовано при помощи сращения как словообразовательного способа по аналогии слияния устойчивого сочетания “с ума сойти”, и репрезентирует индивида, у которого “оперативно-интеллектуальная организация неправильно продуцирует”.

Однако слово *сумасбродный* в этом отношении образовано не от сочетания “с ума сбродный”, что является ошибочным и нехарактерным русскому языку, а скорее всего это результат лексикализации (сращение) сочетания “сбрести с ума”, где глагол «*сбрести*» обозначает «уйти откуда-л.» [БТСРЯ (Кузнецов), 2000]. Таким образом, исходя из контекстуальной анализа и по результатам ассоциативного эксперимента, данное слово имеет такую же репрезентативность как и слово *сумасшедший*, однако добавляется одна коннотации в его семантико-концептуальной установке, и репрезентируется таким образом: “индивид, у которого оперативно-интеллектуальная организация неправильно продуцирует и *неправильно функционирует*”.

Следует отметить, что в русском языке слова *неумный* и *безумный* имеют принципиальное отличие друг от друга. Приставка *не-* обычно

сочетается с несубстантивированными прилагательными, например: *нехороший, неприятный* и т.д., а приставка *без-* компанируется больше всего с субстантивированными прилагательными, например: *бездетный, бездомный* и т.д. Однако в композиции с субстантивированными прилагательными приставка *не-* часто имеет неэкспрессивное отрицательное значение, т.е. не обозначает «полного отрицания» [СТСРЯ (Ефримова), 2006]. В этом отношении слово *неумный* эквивалентно таким словам как *глупый, глуповатый, дурак* и т.п., и относится к микромодели «Дурак ...». В отличие от слова *неумный*, слово *безумный* имеет более выраженное отрицательное значение, которое, как и другие номинанты данной микромодели, репрезентирует индивида, “крайне не иницирующего и не стимулирующего свою оперативно-интеллектуальную организацию”. Например: — *Вернись, безумный человек! Ты погибнешь там!* [А.М. Волков (1963) – НКРЯ].

3. Концептуальная микромодель

«Несообразительный+отсталый+глупый: отсутствие потенциальной смекалки и памяти»

В своём лексическом составе данная микромодель содержит 33 единицы (*бестолковый, бестолочь, дуб, непроницательный, тупица, тупоголовый, тупой, малосообразительный, невосприимчивый, недогадливый, непонятливый, несмышленый, несмышлёныш, несознательный, несообразительный, отсталый, тормоз*⁶⁰ и др.). Как и в таджикском языке, она репрезентирует индивида “не имеющего потенциал мнемотехнической организации и интенсивной памяти”. Как было уже сказано в описании её альтернативы в таджикском языке, важным в этой семантико-концептуальной установке является именно понятие «потенциал», который в

---

⁶⁰ Лексема *тормоз* в двуязычных и толковых словарях не содержит значения «несообразительный», только в 4 значении этой лексемы в словаре С.А. Кузнецова описано данное значение: «...4. разг. О несообразительном человеке». Тем самым, при логико-семантическом эксперименте и контекстуальном анализе современных текстовых источников (прежде всего, текстов из социальных интернет-сайтов) была выявлена высокая частотность употребления названной лексемы, репрезентирующая интеллектуальное свойство человека в данной микромодели.

рамках когнитивной характеристики человека нами понимается в качестве специальной имплицитной мотивации и стимула, отсутствие которых приводит к замедлению или торможению человеческой смекалки, негативно влияя на когнитивную деятельность сознания.

По аналогии с категоризацией данной микромоделю в таджикском языке, рассматриваемые единицы в основном были выделены на 2 основных семантико-концептуальных пластов:

1. Непродуктивная и неустойчивая смекалка: *бестолковый, бестолковщина, бестолочь, дуб, дубина, крепкоголовый, крепколобий, плосколобий, (тормоз), тупица, тупоголовый, тупой, туполобий, тупоумный, твердолобий (твердолоб), остолоп, тугодум.* Данный пласт номинантов, являясь наиболее экспрессивным, репрезентирует отсутствие мнемотехнического продуцирования, а также нарушение в функциональности мнемотехнической организации.

2. Слабовыраженная и медлительная смекалка: *непроницательный, малопонятливый, малосознательный, малосообразительный, невосприимчивый, недогадливый, непонятливый, неразвитый, несмышленый, несмышлёныш, несознательный, несообразительный, отсталый, слабый, тяжелодум (тяжкодум), заскорузлый.* В отличие от первого пласта слов, которые номинируют “непродуктивность мнемотехнической организации”, номинанты данного пласта репрезентируют индивида со слабо функционирующей мнемотехнической организацией, где процессы восприятия, переработки и сохранения информации осуществляются недостаточным образом.

В отличие от русского языка, слова данного пласта в таджикском языке были выделены ещё на две подгруппы: 1) слабый и медлительный процесс восприятия и переработки информации или сигналов и 2) не стимулирующий свою память к устойчивому сохранению информации. То есть, выделились номинанты, обозначающие больше всего восприятие и переработку (первая подгруппа) (например, *кундфаҳм, ҳафтафаҳм* и др.) и номинанты,

обозначающие больше всего сохранение информации (вторая подгруппа) (например, *кундзехн, настзехн*) [см. парагр. 3.3.]. Однако в русском языке эти две семы составляют одно сигнификативное значение и не репрезентируются в отдельных единицах.

Тем не менее, номинантов данного пласта на основе их продуктивного потенциала можно распределить на 2 основные подгруппы: 1) индивид, имеющий **минимальное** мнемотехническое продуцирование: *малопонятливый, малосознательный, малосообразительный, слабый* и 2) индивид, имеющий **крайне недостаточное** мнемотехническое продуцирование: *непроницательный, невосприимчивый, недогадливый, непонятливый, неразвитый, несмышленый, несмышлёныш, несознательный, несообразительный, отсталый, тяжелолюб (тяжколюб), заскорузлый*.

Наиболее контрастными номинантами, репрезентирующими особый концептуальный колорит рассматриваемой микро модели в русском языке, являются, прежде всего, компонентные слова: *крепкоголовый, крепколобый, туполобый, тупоумный, твердолобый, тупоголовый*. Как непарадоксально периферийные компоненты *крепко* и *твёрдо* в комбинации с ядерными *голова, лоб* - *крепкоголовый, крепколобый, твердолобый*, имеют диаметрально противоположный характер, т.е. обозначают как раз “уязвимость” данных ядерных компонентов. Исходя из контекстуального анализа и по результатам лингвистического эксперимента, было выявлено, что при использовании периферийных компонентов *крепко, твёрдо* материализуются образованные с помощью них номинанты, и ассоциируются как такой “крепкий и твёрдый предмет (возможно полный), который не даёт прохода, является непроходимым (из-за твердости или крепкости)”. В данном случае таким «предметом» являются когнитивные способности человека, а «непроходимым» объектом является информация или внешние сигналы. Подобная семантико-концептуальная установка нехарактерна таджикскому языку.

Также не менее важными в этих композициях считаются их ядерные компоненты, прежде всего, единица *лоб* (на тадж. *пешонӣ*), который в таджикском языке имеет совсем иную репрезентативность: она воспринимается и ассоциируется, прежде всего, как «судьба, удел, участь». Такая ассоциация у данной единицы имеет религиозно-идеологические предпосылки. Согласно исламским верованиям *удел, участь* человека от начала до конца его жизни ещё в утробах его матери записывается во лбу, и таким образом, данная единица компонируется с разнообразными периферийными компонентами, репрезентируя морально-нравственные характеристики человека. Например: *пешонибаланд* (-баланд – ‘высокий’) – ‘несчастный’, *пешонисахт* (-сахт – ‘твердый’) – ‘несчастный’ и т.п.

В свою очередь, не менее колоритным в плане семантико-концептуальной репрезентативности данной микромодели является слово *дуб*, которое в прямом значении интерпретируется как «крупное лиственное дерево сем. буковых с крепкой древесиной и плодами-желудями. Вековые дубы. На *дубе* или на *дубу*» [Ожегов, Шведова, 2006], также оно употребляется в значении «древесины этого дерева» [БТСРЯ (Кузнецов), 2000]. Исходя из этого, а также по результатам логико-семантического эксперимента, в качестве номинанта отрицательно-интеллектуальной характеристики человека, оно формировалось, как мы считаем, по аналогии “некого объекта с полной и плотной однородной тканью, находящийся в инертном состоянии”. Таким образом, слово *дуб*, как номинант данной отрицательно-интеллектуальной микромодели, репрезентирует индивида, у которого процесс восприятия, переработки и сохранения информации проявляется крайне непродуктивно. Данное концептуальное значение хорошо прослеживается на примере — *Если дают, почему не взять? ... — Ну и дуб! — сказал Юрчик. — Почему дуб? — спросил Витька...* [В.Ф. Панова (1961) – НКРЯ].

4. Концептуальная микромодель

«Наивный+глупый+несообразительный: отсутствие интеллектуальной интенсивности исообразительности»

Данная микромодель содержит 7 лексем: *простофиля, простак, дурачок, дурашка, легковёрный⁶¹, глупышка, лопух*. Репрезентативность данной микромодели полностью совпадает с её альтернативы в таджикском языке. Она репрезентирует индивида, который имеет крайне неразвитую интенсивность, инертность мнемотехнической организации и слабо развитый оперативно-интеллектуальный механизм. При такой семантико-концептуальной установке, рассматриваемая микромодель близка к микромодели «Несообразительный...», и вместе они противоположны положительно-интеллектуальной микромодели «Сметливый...». В отличие от «Несообразительного...», у данной микромодели в её сигнификативном содержании выделяется «крайняя инертность», что и делает её самостоятельно-функционирующей микромодели. Кроме того, у рассматриваемой когнитивной установки выделяется ещё «слаборазвитый оперативно-интеллектуальный механизм», что больше всего характерно микромодели «Дурак...». Таким образом, рассматриваемая микромодель содержит в себе сочетание «несообразительного», «дурака» и «крайнюю инерцию».

В основном такая репрезентативность инициируется добавлением уменьшительно-ласкательных суффиксов к ядерным компонентам *глуп, дурак, прост*: *дурачок, глупышка, простак* и др. Однако наиболее колоритном в плане передачи концептуальной специфики данной микромодели являются слова *лопух, простофиля* и *легковёрный*. Прежде всего, такой единицей является *лопух*, «сорное растение семейства сложноцветных с широкими листьями и цепкими колючками; репейник» или

---

⁶¹ Лексема *легковёрный* больше всего относится к морально-психологическим характеристикам человека, однако при её употреблении с номинативным акцентом в качественно-интеллектуальном дискурсе, имеет высокую частотность в репрезентации концептуальной семантики данной микромодели.

«широкий лист такого растения» [СТСРЯ (Ефримова), 2006]. Исходя из контекстуального анализа и по результатам лингвистического эксперимента, мы предполагаем, что носителями русского языка данное слово с “наивной глупостью” ассоциируется именно форма листьев лопуха, которая является большой, широкой и отвислой. Такой образ, прежде всего, исходит из-за отвислого положения этого листа, которое сначала ассоциирует “несобранного и крайне наивного человека”, а потом придаётся этому ещё и “слабая смекалка, сообразительность”, что в результате отражает репрезентативность данной микромоделю. Например, в Толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой во втором значении данная лексема интерпретируется как «1. перен. О глупом человека, простаке ...», а похожее на этой даётся во втором значении интерпретации данного слова в Большом толковом словаре Кузнецова С.А.: «О простоватом, несообразительном человеке ...». Подобная ассоциативность не единична в русском языке, например, встречается такое слово – *губошлѐп*, которое, кроме «человека с *отвислой* губой, неясно поэтому говорящий», обозначает ещё «нерасторопного, неуклюжего человека, мямли» [ТССРЯ (Ушаков) 2013]. Второе значение входит в микромодель «Нерассудительный + легкомысленный» отрицательно-интеллектуальной характеристики человека. Таким образом, главным коннотативным значением этих два слова (*лопух* и *губошлѐп*), придающим им основной концептуальный контраст, является сема “отвислость”. Например: *Я не тупица, не лопух, понимал свою задачу, ценил их помощь, старался...* [Анатолий Рыбаков (1977) – НКРЯ].

5. Концептуальная микромодель «**Нерассудительный + легкомысленный + глупый: отсутствие должного внимания к решению задач**»

Данная микромодель содержит 19 лексем: *бездумный, безалаберный, безрассудный, беспечный, беспутный, ветреный, легкомысленный, нелепый, неосмотрительный, непутёвый, нерассудительный, растяпа,*

опрометчивый, пустышка, финтифлюшка⁶², шалопутный, разиня и др. Рассматриваемая микромодель, как и в таджикском языке, репрезентирует индивида, который особым образом не концентрируется на контроль процесса выработки результатов своей логико-мыслительной деятельности. Главным понятием здесь является «концентрация», отсутствие которой нарушает интенсивность и усилие репрезентативности данной микромодели, тем самым, лишает мыслительных процессов системности (озадаченности), а результатов – эффективности.

Следует отметить, что лексемы данной микромодели также функционируют в отрицательно-психологической характеристике человека наряду с такими лексемами как *несерьёзный, беззаботный, невнимательный* и т.д. Основным принципом выделения номинантов данной микромодели является отсутствие у них должного внимания (концентрации) и контроля именно логико-мыслительного процесса и его результата, а также, в качестве вторичного денотативного значения, служит также отсутствие внимания и контроля над поведением. Однако у данных лексем отсутствие такой «концентрации» и такого «внимания» приводит сначала к нарушениям именно логико-мыслительных результатов, а после – к поведению в целом. То есть, сначала нарушается (1) логико-мыслительный процесс, потом - (2) логико-мыслительный результат, после – (3) поведение. Номинанты отрицательно-психологической характеристики человека, в отличие от номинантов данной микромодели, из первого сразу переходят в третье, то есть, отсутствие «концентрации» и «внимания» сразу приводит к нарушению поведения. Тем не менее, в этом отношении данное суждение не является строго однозначным, рассматриваемые лексемы могут варьироваться своими сигнификативными значениями.

---

⁶² В переводе лексемы *финтифлюшка* на таджикский язык отсутствует значение «пустая, легкомысленная женщина», которое функционирует почти во всех толковых словарях русского языка.

Исходя из особенностей подобной семантико-концептуальной установки данной микромодели, входящие в неё лексемы можно выделить на два пласта:

1) более выраженные в отражении репрезентативности данной микромодели: *бездумный, безрассудный, ветренный, ветреник, легкомысленный, нелепый, нерассудительный, непутёвый*;

2) менее выраженные в отражении репрезентативности данной микромодели: *безалаберный, беспечный, беспутный, неосмотрительный, растяпа, опрометчивый, пустышка, пустяковый (пустячный), финтифлюшка, шалопутный, разиня*.

Первый пласт имеет более близкое отношение к собственно отрицательно-интеллектуальным атрибутивным качествам, а второй пласт менее близок к таким качествам.

Лексемы данной микромодели в первую очередь являются прямыми антонимическими эквивалентами единицам положительно-интеллектуальной микромодели «Аналитик + рассудительный + умный».

Наиболее перспективными, в плане отражения особенностей данной семантико-концептуальной установки, являются слова *ветренный, шалопутный*.

Исходя из логико-семантического эксперимента, а также контекстуального анализа, было выявлено, что слово *ветренный* в его переносном значении «легкомысленного, непостоянного, несерьёзного человека» [БТСРЯ (Кузнецов), 2000], прежде всего, ассоциируется с хаотичной траектории движения ветра и с его бесформенности. Такие свойства ветра ассоциируют у носителей русского языка “лёгкость, неуправляемость, беспечность, несерьёзность, непостоянность”, в результате, сформированному слову придаётся следующая репрезентативность: “индивид, не прилагающий нужный контроль над мыслительной деятельностью и поведением, в связи с чем, хаотично меняет свои мнения и поведения”.

Например: *Да я всегда знал, что он **ветренный** человек, на которого нельзя надеяться...* [М.Ю. Лермонтов (1841) – НКРЯ].

Другим таким словом, передающим особый контраст данной микромоделю, является слово *шалопутный*. По результатам лексикографического анализа, было выявлено, что данный номинант образован от слов *шаль* - «дурь, взбалмочность, блажь» [ТСЖВЯ (Даль)] и *путный* – «дельный, разумный, толковый» [БТСРЯ (Кузнецов), 2000], и репрезентирует индивида, “не концентрирующийся достаточным образом на логичность своего поведения, процесса и результата своей мыслительной деятельности”. Например: — *Шалопутная ты, — сказал я, — человек кается тебе в своей нравственной неполноценности, а ты чему-то радуешься!* [Константин Воробьев (1971) – НКРЯ].

6. Концептуальная микромодель

«Недальновидный+немудрый+глупый: минимальный, недостаточно проницательный интеллектуальный потенциал»

Рассматриваемая микромодель содержит 12 лексем: *близорукий, недальновидный, недальнозоркий, неблагоприятный, немудрёный, немудрый, непредусмотрительный, непрозорливый, неразумный, нерациональный, нецелесообразный, узколобий*. Как и в таджикском языке, рассматриваемая микромодель репрезентирует индивида, который при решении мыслительной задачи, имеющей системный, процессуальный характер, его оперативно-интеллектуальная организация не идентифицирует основные, решающие факторы, формирующие сущность подобных логико-мыслительных задач. То есть, в процесс решения сложной задачи (проблемы, обстоятельства) предполагается полностью охватить данную проблематику и прийти до логической концовки, потом сделать вывод, однако при такой процедуры упускается основная причина выявления истинных (наиболее корректных) результатов поставленной цели.

Данная микромодель имеет диаметрально-противоположное значение с положительно-интеллектуальными микромоделями «Дальновидный ...» и «Мудрый...».

Исходя из указанной семантико-концептуальной установки (репрезентативности), данные номинативные единицы были выделены в два лексико-семантического пласта:

1) *близорукий, недальновидный, недальнозоркий, непредусмотрительный, непрозорливый, нецелесообразный.* Данный пласт репрезентирует индивида, который “линейным образом от начала до конца рассматривает мыслительную задачу процессуального и системного характера, не обрабатывая весь объём и общий потенциал такой задачи”.

2) *неблагоразумный немудрёный немудрый неразумный нерациональный узколобий.* Данные номинанты репрезентируют “результаты мыслительной деятельности, не испытавшие достаточное время и сторонний, социальный опыт для выявления достаточно сформированного решения”. В отличие от первого пласта слов, в репрезентативности данных лексем отсутствует коннотация “линейности”. Например: *А я человек неблагоразумный, живу не так, как я хочу* [Александр Вампилов (1964) – НКРЯ].

7. Концептуальная микромодель «**Незнающий + малознающий + глупый: отсутствиенеобходимой информации, эрудиции**»

Данная микромодель содержит 14 лексем: *безграмотный, бездарность, двоечник, малограмотный, митрофанушка, невежда, невежественный, недоучка, незнайка, незнающий, необразованный, неуч, профан, пустоголовый.* Рассматриваемая микромодель, как и в таджикском языке, репрезентирует индивида, у которого “оперативно-интеллектуальный механизм функционирует, однако не мотивируется освоить нужные, элементарные или специальные знания об окружающей среде, а также результаты опыта других индивидов для осуществления личных и социальных потребностей”. То есть, у адресата данных номинантов имеется

достаточный интеллектуальный потенциал переработки информации, однако он не стремится получить нужные элементарные знания об окружающей действительности или о важных объектах познания, чтобы более эффективно задействовать свои интеллектуальные способности, тем самым расширить самопознание и кругозор.

Для более ясного очертания семантико-концептуальной структуры данной микромоделю, слова, входящие в ней, были выделены следующим образом: 1) отсутствие минимальных, элементарных знаний и познаний: *невежда митрофанушка незнайка, незнающий, неуч, профан, пустоголовый невежественный*; 2) отсутствие минимальных систематизированных знаний: *безграмотный, бездарность, двоечник, малограмотный, недоучка, необразованный*.

Первый пласт репрезентирует отсутствие минимальных знаний разного характера, второй пласт – отсутствие специальных систематизированных знаний или умений, например, умение читать (знание азбуки и правил чтения), или знания в какой-нибудь области.

Наиболее контрастными номинантами, репрезентирующими особый концептуальный колорит рассматриваемой микромоделю в русском языке являются, прежде всего, слова *пустоголовый, митрофанушка, профан*.

Слово *пустоголовый* репрезентирует индивида, “оперативно-интеллектуальный механизм которого испытывает необходимость в элементарных и комплексных знаний”. Например: *Но наши пустоголовые прогрессисты ничего этого не понимают* [А.А. Фет (1889) – НКРЯ]. Прямыми его эквивалентами в таджикском языке являются слова *пучмагз, ҳечмадон*.

Слово *митрофанушка* имеет достаточно специфичный лексико-семантический контраст. Данное слово имеет лексико-семантическое происхождение, и является словом-эпонимом. Лексема митрофанушка – это персонаж, герой произведения Д. И. Фонвизина «Недоросль», где он характеризуется как малограмотный, ленивый, глуповатый, нежелающий

учится подросток. Таким образом, в современном языке данное слово имеет следующее когнитивно-репрезентативное свойство: “индивид, не имеет необходимых знаний, склонен игнорировать их, а также имеет слабый мнемотехнический и интеллектуальный потенциал”. Например: — *Балда*, — *сказал лейтенант лениво*, — *учись, митрофанушка*, *тяни ляжку*. [Л.С. Соболев (1932) – НКРЯ].

Словом *профан* в Древней Греции и Древнем Риме называли индивида, который не был «посвящён в мистерии или не участвующий в религиозной церемонии» [БЭС: электронный ресурс]. В русском языке данное слово репрезентирует индивида, “не владеющего специальными продуктивными знаниями”. Например: *Но удивительно лишь потому, что я в этом деле профан* [М.А. Булгаков (1932) – НКРЯ].

8. Концептуальная микромодель «Упрямый+несуразный+глупый»

Данная микромодель, содержащая в своём составе 5 лексем (*несуразный, осёл, самодур, долдон, сумасброд*), по своей семантико-концептуальной установке и когнитивным свойствам отсутствует в таджикском языке, и репрезентирует индивида, который “интенсивно настраивает свою оперативно-интеллектуальную организацию к неправильным логико-мыслительным результатам и действиям, не подвергая свою мыслительную деятельность логико-критической проверке”.⁶³

Наиболее экспрессивными в плане концептуальных свойств данной микромодели являются слова *сумасброд, самодур, осёл*. Слово *самодур* репрезентирует индивида, который “интенсивно настраивает свою оперативно-интеллектуальную организацию к неправильным логико-мыслительным результатам и действиям, и игнорирует посторонние, крайне необходимые логико-мыслительные указания”. Слово *сумасброд* также

---

⁶³Следует отметить, что в таджикском языке есть слово «барзагов», соответствующее денотативному содержанию данной микромодели, однако при контекстуальном анализе, данное слово в подобной репрезентативности почти не встречалось, а в ходе логико-семантического эксперимента встречалось у людей определённого класса и возраста, определённой гендерной принадлежности: больше всего этим словом пользуются молодые люди мужского пола, в основном, не являющиеся образованными и грамотными.

функционирует в микромодели «Неадекватный + глупый» в форме «сумасбродный». Такая неоднозначность семантико-концептуальных свойств данного слова связана с тем, что сема “глупая упрямость” в равной степени сочетается с “неадекватностью”. Например: *И в то же время он все-таки всю жизнь свою продолжал быть одним из бесполовейших сумасбродов по всему нашему уезду* [Ф.М. Достоевский (1880) – НКРЯ]. Слово *осёл* у носителей русского языка ассоциируется с «глупцом, дураком, тупым упрямым» [ТССРЯ (Ушаков), 2013], и репрезентирует индивида, “имеющего слабый оперативно-интеллектуальный механизм и неразвитые мнемотехнические способности, интенсивно устремлённые на неправильные логико-мыслительные результаты и действия”, что полностью соответствует его словарной интерпретации.

В таджикском языке слово *хар* – ‘осёл’ нами не воспринимается как единица отрицательно-интеллектуальной номинации человека, так как оно имеет чисто негативное морально-психологическое значение, эквивалентом которого в русском языке является слово *невоспитанный*.

Таким образом, лексика отрицательно-интеллектуальной характеристики человека, как и лексика положительно-интеллектуальной характеристики, в обоих языках довольно ярко интерпретируют когнитивные и репрезентативные процессы, трансформации слов в сочетании с ментально-языковыми (концептуальными) колоритами.

В ходе данного анализа было установлено, что существование множеств микромоделей внутри отрицательно-интеллектуальной характеристики, а также развитой категоризации в сущности большинства микромоделей, диктуется следующими дефинитными критериями: 1) нехваткой когнитивно-функционального опыта, достаточного стимула и потенциала; 2) не инициируемой оперативно-интеллектуальной организацией; 3) отсутствием продуктивности интеллектуально-мыслительной деятельности; 4) отсутствием потенциальной и интенсивной памяти; 5) крайней инертностью оперативно-интеллектуальной организации;

б) недостаточным контролем процесса выработки результатов логико-мыслительной деятельности; 7) неспособностью идентифицировать значимые, решающие логико-мыслительные факторы, 8) дефицитом нужных знаний в оперативно-интеллектуальной организации и неправильным устройством оперативно-интеллектуального механизма; 9) наличием склонности неправильно настраивать оперативно-интеллектуальную организацию и т. д.

4.3. Сопоставительный анализ общих особенностей концептуальных микромоделей в таджикском и русском языках

Когнитивные структуры интеллектуальной характеристики в обоих языках достаточно своеобразны, каждый из них специфичным образом репрезентирует собственную языковую картину мира. Общая когнитивная функциональность концептуальных микромоделей интеллектуальной характеристики человека в обоих языках совпадают, однако отдельные когнитивные установки могут иметься в одном языке и отсутствовать в другом; они могут репрезентировать доминанту микромодели, но отличаться своим сигнификативным значением.

Положительно-интеллектуальная характеристика. В сравнении и сопоставлении положительно-интеллектуальной характеристики были выявлены ряд семантико-когнитивных, лексико-семантических и лексикографических особенностей в обоих языках.

Общее количество концептуальных микромоделей положительно-интеллектуальной характеристики человека в обоих языках не одинаковы: в таджикском языке их насчитывается 11, а в русском языке – 9.

Сначала следует отметить некоторые важные особенности лексикографического анализа обоих языков, которые позволили более объективно идентифицировать семантико-концептуальные свойства каждой когнитивной установки.

Таблица 13.

Количественно-процентное соотношение лексикографических особенностей положительно-интеллектуальной характеристики в таджикском языке

Концептуальные микромоделли положительно-интеллектуальной характеристики в таджикском языке	Общее количество лексем	Перевод		Несоот. перевода	Нет перевода		Имеют ссылку	
		кол.	%		кол.	%	кол.	%
«Умный: наличие мыслительного потенциала»	13	7	54%	(2)	5	38%	1	8%
«Дальновидный + предусмотрительный + умный: наличие ума, дальновидности и предусмотрительности»	20	13	65%	(1)	7	35%	-	-
«Аналитик + рассудительный + умный: наличие ума, рассудительности и разборчивости»	26	22	85%	-	4	15%	-	-
«Сметливый + ловкий + одарённый + умный: наличие ума, смекалки и одарённости»	64	48	76%	(4)	13	20%	3	4%
«Знающий+эрудированный: наличие ума, информации и знания»	22	13	59%	(2)	6	27%	3	14%
«Мудрый+знающий: наличие мудрости и знания»	43	32	74%	(5)	6	14%	5	12%
«Здравомыслящий + правильный + умный: наличие здравого и правильно ума»	9	6	67%	-	2	22%	1	11%
«Благородный + умный: наличие ума и благородности»	9	1	11%	-	6	67%	2	22%
«Совершенный + умный: наличие достаточного совершенного ума»	4	1	25%	(1)	3	75%	-	-
«Обладатель + контролирующий + интеллект: устойчиво обладающий и контролирующий интеллектуальными способностями»	14	11	79%	-	2	14%	1	7%
«Умный + думающий много: наличие ума и много мыслительных процессов»	2	2	100%	(1)	-	-	-	-
11	226	156	69%	(16)	54	24%	16	7%

Таблица 14.

Количественно-процентное соотношение лексикографических особенностей положительно-интеллектуальной характеристике в русском языке

Концептуальные микромоделли положительно-интеллектуальной характеристики в русском языке	Общее количество лексем	Перевод		несоот. перевода	Нет перевода		Имеют ссылку	
		кол.	%		кол.	%	кол.	%
«Умный: наличие мыслительного потенциала»	11	9	82%	-	1	9%	1	9%
«Дальновидный + предусмотрительный + умный: наличие ума, дальновидности и предусмотрительности»	6	5	83%	-	1	17%	-	-
«Аналитик + рассудительный + умный: наличие ума, рассудительности и разборчивости»	9	8	89%	-	1	11%	-	-
«Сметливый + ловкий + одаренный + умный: наличие ума, смекалки и одарённости»	35	33	94%	(2)	2	6%	-	-
«Знающий+эрудированный: наличие ума, знания и эрудиции»	14	13	92%	-	1	8%	-	-
«Мудрый+знающий: наличие мудрости и знания»	10	9	90%	-	-	-	1	10%
«Здравомыслящий + правильный + умный: наличие здорового и правильного ума»	8	3	37%	-	4	50%	1	13%
«Благородный + умный: наличие ума и благородности»	5	2	40%	-	3	60%	-	-
«Умный + думающий много: наличие ума и много мыслительных процессов»	1	1	100%	-	-	-	-	-
9	99	83	84%	(2)	13	13%	3	3%

Перевод с русского языка на таджикский наиболее полно репрезентирует семантические и концептуальные свойства всех микромоделей положительно-интеллектуальной характеристики: переводимой лексики русского языка больше на 15% в соотношении 84% (рус.) на 69% (тадж.); перевод отсутствует у 24% таджикских лексем, а в русских – 13%, т.е. непереводаемость положительно-интеллектуальной лексики русского языка почти на 11% меньше, чем в таджикском языке; соответствие переводческой семантики концептуальным содержаниям русских положительно-интеллектуальной лексики больше на 8% в соотношении 98% (рус.) на 90% (тадж.). Также следует отметить, что ссылки в русском языке даются на 13 слов меньше, при разнице 16 на 3, т.е. они составляют 7% лексики положительно-интеллектуальной характеристики в таджикском языке, 3% в русском языке.

Таблица 15.

Общие сведения лексикографических особенностей положительно-интеллектуальной характеристики

Положительно-интеллектуальная характеристика	микромодель	общ. кол. лексем	имеет перевод	%	перевод несоот.	нет перевода	%	ссылки	%
Тадж. язык	11	226	156	69%	(16)	54	24%	16	7%
Рус. язык	9	99	83	83%	(2)	13	13%	3	3%

Исходя из этого, можно утверждать, что перевод с русского на таджикский язык является наиболее продуктивным и полным. Данное утверждение поддерживается, прежде всего тем, что данный перевод, в отличие от перевода таджикского на русский, содержит достаточную эквивалентную лексику.

После завершения семантико-концептуального анализа с учетом лексикографического метода, результаты которого применяются как

вспомогательный материал, а также с учетом результатов всех предыдущих лингвистических и экстралингвистических методов, были выявлены ряд семантико-когнитивных особенностей лексики положительно-интеллектуальной характеристики обоих языков, которые отмечены в нижеследующей таблице:

Таблица 16.

Концептуальные микромоделли положительно-интеллектуальной характеристики человека

<i>в таджикском языке</i>	<i>в русском языке</i>
«Умный: наличие мыслительного потенциала»	
репрезентирует индивида, способного положительно задействовать свои элементарные интеллектуальные способности	репрезентирует индивида, способного положительно задействовать свои элементарные интеллектуальные способности + <i>сметливый</i>
«Дальновидный +предусмотрительный+умный: наличие ума, дальновидности и предусмотрительности»	
репрезентирует индивида, который имеет хорошо и полностью сформированный интеллектуальный механизм, сохранивший в себе все модели и варианты действий, процессов и событий, наблюдаемые и разрабатываемые в течение долгового времени. Исходя из этого, такой механизм адаптирован к распознаванию и нахождению в новых действиях и событиях моделей из своего арсенала с их возможными последствиями, а также может имплицитно создавать новые модели с наиболее вероятными (продуктивными) логическими сценариями. Такой механизм распределяется по внутренним пространственно-временным позициям.	
«Аналитик+рассудительный+умный: наличие ума, рассудительности и разборчивости»	
репрезентирует индивида, у которого когнитивный механизм формирован для статичной и линейной идентификации задачи или обстоятельства дискретного объекта, синхронно анализируя и детализируя каждую его часть до полной и конкретной идентификации	репрезентирует индивида, у которого когнитивный механизм формирован для статичной и линейной идентификации задачи или обстоятельства дискретного объекта, синхронно анализируя и детализируя каждую его часть до полной и конкретной идентификации + <i>сметливый</i>
«Сметливый+ловкий+одаренный+умный: наличие ума, смекалки и одарённости»	
репрезентирует индивида, имеющего потенциальной и интенсивной памяти в её функциональных и операционных мнемотехнических механизмах, и наиболее интенсивно взаимодействующие с когнитивными процессами кодирования и декодирования внешних данных (информации, сигналов)	
«Знающий+эрудированный: наличие ума, информации и знания»	
репрезентирует индивида, который сочетает в себе интеллектуально-оперативный механизм и наиболее объективные и комплексные знания (информации и данные) об окружающей среде (знания объектов действительности, опыт, полученные в результате их научного или более конкретного изучения и обработки)	
«Мудрый+знающий: наличие мудрости и знания»	

сочетание глубоких, всесторонних знаний и устоявшего опыта оперирования интеллектуальными механизмами, представляющий собой единую адаптированную организацию (характер, качество)	
«Здравомыслящий+правильный+умный: наличие здравого и правильно ума»	
репрезентирует индивида, имеющего оперативно-интеллектуальный механизм, который при функционировании не реагирует на негативно-неправильные элементы, и максимально концентрирован на производства объективных и правильных логико-мыслительных результатов	
«Благородный+умный: наличие ума и благородности»	
репрезентирует индивида как имеющего оперативно-интеллектуальный механизм + социальный опыт с экспрессией добра, который функционально сконцентрирован на логико-мыслительные результаты, одобряемые социумом.	
«Совершенный+умный: наличие достаточного совершенного ума»	
репрезентирует индивида, имеющего достаточно сформированный оперативно-интеллектуальный механизм, эффективно перерабатывающий интеллектуальные и психологические задачи	отсутствует
«Обладатель+контролирующий+интеллект: устойчиво обладающий и контролирующий интеллектуальными способностями»⁶⁴	
репрезентирующие индивида, детально познавшего свои интеллектуально-когнитивные механизмы, свой опыт и знания с их функциональными особенностями, исходя из чего, доминантно контролирующий и регулирующий всеми интеллектуальными процессами	отсутствует
«Умный+думающий много: наличие ума и много мыслительных процессов»	
репрезентирует индивида, имеющего оперативно-интеллектуальный механизм с широкой функциональной системой, обрабатывающий одновременно много мыслительных задач	

По итогам сравнительного анализа результатов семантико-концептуального метода в сравнительно-сопоставительном плане, было выявлено, что в таджикском языке две концептуальные микромоделю - *«Совершенный + умный: наличие достаточного совершенного ума»* и *«Обладатель + контролирующий + интеллект: устойчиво обладающий и контролирующий интеллектуальными способностями»*, как самостоятельные когнитивные установки, отсутствуют в русском языке. Исходя из результатов лексикографического анализа, установилось, что при

⁶⁴ Большинство лексем данной микромоделю функционируют в разные другие микромоделю. Кроме значения, свойственные им в отдельных микромоделюх, они содержат коннотативную сему «обладателя, контролирующего во всю денотативную ядерную сему»

их передаче на русский язык они замещаются и компенсируются другими микромоделями. Концептуальная микромодель «*Совершенный ...*», репрезентирующая индивида, имеющего достаточно сформированный оперативно-интеллектуальный механизм, который эффективно перерабатывает интеллектуальные и психологические задачи, прежде всего, компенсируется такими микромоделями, как «*Мудрый...*», «*Здравомыслящий...*», «*Умный...*». В этом плане, микромодель «*Обладатель*», которая репрезентирует индивида, детально познавшего свои интеллектуально-когнитивные механизмы, свой опыт и знания с их функциональными особенностями, исходя из чего доминантно контролирующей и регулирующей всеми интеллектуальными процессами, замещается и компенсируется такими микромоделями, как «*Дальновидный...*», «*Умный ...*», «*Мудрый ...*».

По наличию интенсивно функционирующей памяти, применяемая в решении интеллектуальных задач и процессов, в русском языке выделяются микромодели «*Умный...*» и «*Аналитик ...*», которые считаются в этом плане наиболее экстенциональными и колоритными, т.е. они имеют более тесную связь с человеческой смекалкой, чем их таджикские альтернативы.

Отрицательно-интеллектуальная характеристика. В данной характеристике, как в таджикском, так и в русском языке отличительные особенности проявляются довольно ярко, чем в положительно-интеллектуальной характеристике.

Общее количество концептуальных микромоделей отрицательно-интеллектуальной характеристики человека в обоих языках не одинаковы: в таджикском языке их насчитывается 9, а в русском языке – 8.

В ходе лексикографического анализа были выявлены ряд особенностей, имеющие большое значение при анализе семантико-концептуальных свойств данной характеристики.

Таблица 17.

Количественно-процентное соотношение лексикографических особенностей положительно-интеллектуальной характеристике в таджикском языке

Концептуальные микромодели	Общее количество лексем	Перевод		несоот. перевода	Нет перевода		Имеют ссылку	
		кол.	%		кол.	%	кол.	%
«Дурак+отсталый+глупый: отсутствие мыслительного потенциала»	49	34	69%	(3)	12	25%	3	6%
«Неадекватный+глупый: крайняя негативно-интеллектуальная характеристика»	12	6	50%	-	5	42%	1	8%
«Несообразительный+отсталый+глупый: отсутствие потенциальной смекалки и памяти»	40	28	70%	(2)	11	27,5%	1	2,5%
«Наивный+глупый+несообразительный: отсутствие интеллектуальной интенсивности и сообразительности»	4	4	100%	(1)	-	-	-	-
«Нерассудительный + легкомысленный + глупый: отсутствие должного внимания к решению задач»	13	13	100%	(1)	-	-	-	-
«Недальновидный+думающий мало+глупый: минимальный, недостаточно пронизательный интеллектуальный потенциал»	16	10	63%	(3)	5	31%	1	6%
«Незнающий+малознающий+глупый: отсутствие эрудиции»	28	23	82,5%	(3)	1	3,5%	4	14%
«Неправильно думающий+воспринимающий»	5	3	60%	-	2	40%	-	-
«Не имеющий постоянные свойства глубокой рассудительности+дальновидности»	1	1	100%	-	-	-	-	-
9	168	122	73%	(13)	36	21%	10	6%

Таблица 18.

Количественно-процентное соотношение лексикографических особенностей положительно-интеллектуальной характеристике в русском языке

Концептуальные микромодели	Общее количество лексем	Перевод		несоот. перевода	Нет перевода		Имеют ссылку	
		кол.	%		кол.	%	кол.	%
«Дурак+отсталый+глупый: отсутствие мыслительного потенциала»	34	25	74%	(1)	4	12%	5	14%
«Неадекватный+глупый: крайняя негативно-интеллектуальная характеристика»	11	9	82%	(1)	2	18%	-	-
«Несообразительный+отсталый+глупый: отсутствие потенциальной смекалки и памяти»	33	29	88%	(2)	3	9%	1	3%
«Наивный+глупый+несообразительный: отсутствие интеллектуальной интенсивности и сообразительности»	7	7	100%	(1)	-	-	-	-
«Нерассудительный + легкомысленный + глупый: отсутствие должного внимания к решению задач»	19	18	95%	(2)	1	5%	-	-
«Недальновидный+немудрый+глупый: минимальный, недостаточно проницательный интеллектуальный потенциал»	12	10	83%	-	2	17%	-	-
«Незнающий+малознающий+глупый: отсутствие эрудиции»	14	12	85%	-	2	15%	-	-
«Упрямый+несуразный+глупый»	5	4	80%	-	1	20%	-	-
8	135	114	84%	(7)	15	11%	6	5%

Таким образом, было выявлено, что 21% (36 слов) лексики отрицательно-интеллектуальной характеристики таджикского языка не имеет перевода, а в русском языке такой показатель гораздо меньше – составляет лишь 11% (15 слов). У 10% (13 слов) данной лексики таджикского языка и у 6% (7 слов) русского языка переводы не соответствуют их толкованиям. В 6% данной лексики в таджикско-русских двуязычных словарях даются ссылки, а в русско-таджикских словарях данный показатель составляет 5%.

Таблица 19.

Общие сведения лексикографических особенностей положительно-интеллектуальной характеристики

Отрицательно-интеллектуальная характеристика	микромодель	общ. кол. лексем	имеет перевод	%	перевод не соот.	нет перевода	%	ссылки	%
Тадж. язык	9	168	122	73%	(13)	36	21%	10	6%
Рус. язык	8	135	114	84%	(7)	15	11%	6	5%

Эти и другие лексикографические особенности данной лексики уникальным образом указывают на специфичность концептуальных свойств каждого отдельно взятого языка, т.е. они показывают насколько различны ментально-языковые сущности обоих языков.

Тем не менее, данные результаты являются вспомогательными факторами при проведении семантико-концептуального анализа, что в свою очередь, как было отмечено, является главным научным приоритетом данного исследования.

Таким образом, в результате семантико-концептуального анализа, при использовании результатов всех предыдущих методов, в сравнительно-сопоставительном плане были выявлены ряд особенностей, которые запечатлены в нижеследующей таблице:

*Концептуальные микромоделли отрицательно-интеллектуальной
характеристики человека*

<i>в таджикском языке</i>	<i>в русском языке</i>
«Дурак+отсталый+глупый: отсутствие мыслительного потенциала»	
не имеющий особого стимула или опыта эффективно (минимально или достаточным образом) задействовать свой элементарный интеллектуальный потенциал; нет достаточного опыта функционирования оперативно-интеллектуального механизма.	не имеющий особого стимула или опыта эффективно (минимально или достаточным образом) задействовать свой элементарный интеллектуальный потенциал; нет достаточного опыта функционирования оперативно-интеллектуального механизма + <i>несообразительный, несметливый.</i>
«Неадекватный+глупый: крайняя негативно-интеллектуальная характеристика»	
не инициируемая оперативно-интеллектуальная организация, индивид, у которого полностью отсутствует продуктивность интеллектуально-мыслительной деятельности, однако у него сохраняется интеллект как составляющий двигательного аппарата, а также сохраняется минимальный контроль за поведением.	
«Несообразительный + отсталый + глупый: отсутствие потенциальной смекалки и памяти»	
репрезентирует индивида, не имеющего потенциал (мотивация и стимул) мнемотехнической организации и интенсивной памяти + слабая интеллектуально-оперативная деятельность	
«Наивный+глупый+несообразительный: отсутствие интеллектуальной интенсивности исообразительности»	
репрезентирует индивида, имеющего слабую мнемотехническую и оперативно-интеллектуальную организацию с крайней инертностью.	
«Нерассудительный+легкомысленный+глупый: отсутствие должного внимания к решению задач»	
репрезентирует индивида, который не концентрируется достаточным образом на контроль процесса и выработки результата своей логико-мыслительной деятельности, что лишает мыслительных процессов системности (озадаченности), а результатов – эффективности	
«Недальновидный+думающий мало+глупый: минимальный, недостаточно проницательный интеллектуальный потенциал»	«Недальновидный+немудрый+глупый : минимальный, недостаточно проницательный интеллектуальный потенциал»
репрезентирует индивида, который при решении мыслительной задачи, имеющей системный и процессуальный характер (логическое завершение), его оперативно-интеллектуальная организация не идентифицирует основные, решающие факторы, формирующие сущность подобных логико-мыслительных задач (проблемы, обстоятельства).	
«Незнающий+малознающий+глупый: отсутствие необходимой информации, эрудиции»	
репрезентирует индивида, у которого оперативно-интеллектуальный механизм функционирует, однако не мотивируется освоить нужные, элементарные или специальные знания об окружающей среде, а также результаты опыта других	

индивидов для осуществления личных и социальных потребностей: расширения самопознания и кругозора, продуктивности своей мыслительной (интеллектуальной) деятельности.	
«Неправильно думающий+воспринимающий»	
репрезентирует индивида, у которого оперативно-интеллектуальный механизм устроен так, что логико-мыслительные результаты производятся неправильно, и имеют осознанный и неосознанный характер	отсутствует
«Не имеющий постоянных свойств глубокой рассудительности + дальновидности»	
репрезентирует индивида, у которого интеллектуальная установка не содержит сочетания глубоких знаний и устоявшего опыта оперирования интеллектуальными механизмами	отсутствует
«Упрямый+несуразный+глупый»	
отсутствует	репрезентирует индивида, который интенсивно и упорно настраивает свою оперативно-интеллектуальную организацию к неправильным логико-мыслительным результатам и действиям, не подвергая свою мыслительную деятельность логико-критической проверке

Как отмечается в таблице, различия имеются и в репрезентируемых установках, и в количестве концептуальных микромоделей данной когнитивной конструкции. В первую очередь, следует отметить те концептуальные микромодели, которые имеются в одном языке и отсутствуют в другом. В таджикском языке выделяются две таких микромоделей: «Неправильно думающий+воспринимающий» и «Не имеющий постоянные свойства глубокой рассудительности + дальновидности». Первая репрезентирует индивида, который осознанно или неосознанно строит логико-мыслительную конструкцию так, что она приведёт к неправильному или не желаемому результату. Когнитивно-репрезентативные свойства второй микромодели соответствуют своему названию. В русском языке, в этом плане, выделяется микромодель «Упрямый+несуразный+глупый», которая репрезентирует индивида, упорно

стремящегося к логически неправильным действиям, не подвергавшиеся интеллектуальной логико-критической проверке.

Другой важной особенностью в сравнении этих двух концептуальных строев является микромодель «Недальновидный+думающий мало+глупый» в таджикском языке и «Недальновидный+немудрый+глупый» в русском языке, которые считаются эквивалентными в семантико-коммуникативной функциональности. Важной отличительной стороной этих двух концептуальных единиц является то, что таджикская микромодель содержит параметрические репрезентативные компоненты *кам* – ‘мало’, *танг* – ‘узкий’, *хом* – ‘сырой, неспелый’ и др., а в данной эквивалентной русской микромодели параметрические компоненты вовсе отсутствуют. Лексемы данной микромодели образуются только путём присоединения отрицательной частицы *не-* к ядерной сигнификативной единице: *недальновидный, неблагоприятный, немудрёный, немудрый* и т.д. В связи с этим, в номинации данной микромодели таджикского языка присутствует параметрическая сема «...мало...».

Также следует отметить, что при сравнительно-сопоставительном анализе микромодели «Дурак+отсталый+глупый...» в русском языке в ее основной репрезентативной установке, в отличие от таджикского языка, зафиксировано интенсивное сосредоточение значения «несообразительности».

Выводы по третьей главе

Таким образом, по результатам проведения семантико-концептуального метода как интеграционно-методологического подхода, были сделаны следующие основные выводы:

Исходя из всего анализа семантико-концептуальных свойств лексики интеллектуальной характеристики человека, было установлено, что когнитивные процессы и когнитивные механизмы в сознании человека вполне наблюдаемы и дискретны. Эмпирически было установлено, что каждая микромодель имеет определенные, достаточно структурированные

когнитивные процессы и механизмы. В этом плане каждое номинативное слово также в отдельности имеет собственный когнитивный механизм, который отчетливо показывает отличительную концептуальную сущность каждого слова. В этом отношении прикладным образом было подтверждено, что номинативные слова, продуктивно функционирующие в определенном языке (или в его достаточно отличительных диалектах), не могут стать «абсолютными синонимами» или «одинаковыми по значению».

В качестве вспомогательных, дополнительных сведений при верификации и экспликации семантико-когнитивных особенностей лексики интеллектуальной характеристики в таджикском и русском языках, были выявлены следующие лексикографические особенности, которые объективно аргументируют их словарную интерпретацию:

Таблица 21.

Общая интеллектуальная характеристика человека⁶⁵	микромодель	общ.кол. лексем	имеет перевод	перевод несоот.		нет перевода		ссылки	
				%	перевод несоот.	%	ссылки	%	
Тадж. язык	20	394	278	70,5%	(29)	90	23%	26	6,5%
Рус.язык	17	234	197	84%	(9)	28	12%	9	4%

Было выявлено, что в словарно-количественном соотношении обоих языков на 160 единиц таджикская лексика интеллектуальной номинации человека больше, чем в русском языке, однако таджикский язык уступает русскому по переводимой лексике данной характеристики более на 13%. Несоответствия переводов лексики с её толкованиями и их современной употребляющейся семантикой в таджикско-русских словарях составляют 10%, а в русско-таджикских – 5%, что говорит о наиболее продуктивной и эффективной интерпретации русских слов на таджикский язык.

⁶⁵В соотношении с толковыми словарями обоих языков

Более половины таджикских лексем не имеют прямого эквивалента в русском языке. В этом плане была зафиксирована первичная и вторичная причина. Первичной причиной считается естественным языковым явлением, которое связано с эквивалентным дефицитом русских лексем интеллектуальной характеристики: 394 таджикских слов на 234 русских. Вторичной причиной является результаты выявленной проблематики, которые возникают в процессе интерпретации словарных статей со стороны авторов таджикско-русских двуязычных словарей. Прежде всего, это касается того, что достаточно много переводов интерпретируют не само слово, а их толковое семантико-структурное положение, т.е. переводится их толкование, не совсем учитывая при этом их реально функционирующих эквивалентов на переводимом языке. В качестве таких единиц можно привести слово *бемағз*, толкование и перевод которого почти полностью идентичны:

Толковый словарь: «БОМАҒЗ *بامغز* 1. хирадманд, оқил. 2. хирадмандона, оқилона, маъкул»

Двуязычный словарь: «БОМАҒЗ – 1. мудрый, умный; 2. мудро, умно»

Однако при всём структурном и содержательном лексикографическом разнообразии, денотативные и сигнификативные свойства всех микромоделей почти полностью совпадают с их семантико-концептуальной сущности.

При сравнительном анализе семантико-когнитивных свойств данной характеристики, было выявлено, что большинство концептуальных микромоделей таджикского и русского языков по своим общим когнитивным свойствам совпадают друг с другом. В этом плане были выделены концептуальные микромодели, существующие в одном языке и отсутствующие в другом. Количество микромоделей в обоих языках не совпадают: положительно-интеллектуальная характеристика таджикского языка, по сравнению с русским языком, больше на две микромодели, а отрицательные - на одной. Первая положительно-интеллектуальная

микромодель, «Совершенный + умный: наличие достаточного совершенного ума», репрезентирует индивида, имеющего достаточно сформированный оперативно-интеллектуальный механизм, хорошо перерабатывающий психокогнитивные задачи. Отсутствие данной микромодели в русском языке компенсируется следующими микромоделями: «Мудрый...», «Здравомыслящий...», «Умный...». Вторая положительно-интеллектуальная микромодель - «Обладатель + контролирующий + интеллект: устойчиво обладающий и контролирующий интеллектуальными способностями», репрезентирует индивида, «детально познавшего свои интеллектуально-когнитивные механизмы, собственный опыт и знания, а также их функционирования, исходя из чего, доминантно контролирует и регулирует всеми своими интеллектуальными процессами». Отсутствие данной микромодели в русском языке компенсируется за счет других микромоделей «Дальновидный ...», «Умный ...», «Мудрый ...» и др.

Существуют отрицательно-интеллектуальные микромодели, автономно функционирующие в одном языке и отсутствующие в другом. В таджикском языке выделяются два таких микромоделей: «Неправильно думающий+воспринимающий» и «Не имеющий постоянные свойства глубокой рассудительности + дальновидности». Первая репрезентирует индивида, который осознанно или неосознанно строит логико-мыслительную конструкцию так, что приведёт к неправильному или не желаемому результату. Когнитивно-репрезентативные свойства второй микромодели соответствуют её названию. В русском языке в этом плане выделяется микромодель «Упрямый+несуразный+глупый», которая слабо функционирует в таджикском языке и репрезентирует индивида как «упорно стремящегося к логически неправильным действиям, которых не подвергает логико-критической проверке».

Другой важной особенностью в сравнении этих двух концептуальных строев является микромодель «Недальновидный+думающий мало+глупый» в таджикском языке и «Недальновидный+немудрый+глупый» в русском языке,

которые считаются эквивалентными в семантико-коммуникативной функциональности. Важной отличительной стороной этих двух концептуальных единиц является то, что таджикская микромодель содержит параметрические репрезентативные компоненты *кам* – мало, *танг* – узкий, *хом* – сырой, неспелый и др., а в данной эквивалентной русской микромодели параметрические компоненты вовсе отсутствуют. Лексемы данной микромодели образуются только путём присоединения отрицательной частицы *не-* к ядерной сигнификативной единицы: *недальновидный*, *неблагодарный*, *немудрёный*, *немудрый* и т.д. В связи с этим в номинации данной микромодели таджикского языка присутствует параметрическая сема «...мало...».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключительной части нашей исследовательской работы предлагается поэтапное изложение основных результатов, достигнутых в процессе всего исследования.

В разработках относительно **положения и статуса собственно концепта**, мы предлагаем следующее:

1) Наряду с лингвокогнитивными и лингвокультурными концептами, также ввести **лингвохудожественный** концепт: данный концепт рассматривается как комплекс духовных и культурных ценностей, репрезентирующиеся через личностно-ментальную призму творческого индивида (например, *концепт «любовь» в произведение А.С. Пушкина; концепт «истина» в произведение Л.Н. Толстого* и т.п.).

2) Наименовать два основных типа концептов на 1) **концепты языковой** (или **национальной**) **картины мира** и 2) **концепты неязыковой** (или **ненациональной**) **картины мира**. Первый тип концептов – это лексические и лексико-фразеологические единицы и их дискурсы, которые всесторонне номинируют и характеризуют комплексный познавательный объект (или феномен) в его ментально-культурных и этногеографических данных (показателей), свойственных определённой языковой картине мира определённого народа и нации (групп носителей). К таким концептам можно отнести, к примеру, концепты «человек», «животное», «растение», «истина», «пространство», «судьба», «душа» и др.

Второй тип концептов – это, прежде всего, лексические единицы и их формулировки и дискурсы, которые не содержат «исторический опыт», «семантико-концептуальную наследственность», ментально-культурных и этногеографических данных, то есть они не входят в рамках языковой картины мира определённого языка определённой группы людей (народа, нации). К таким концептам можно отнести концепты «механика», «технология», «автомобиль», «наука» и др.

3) Воспринимать лексический и лексико-фразеологический объем лингвокогнитивного концепта намного шире. Можно демонстрировать это на примере лингвокогнитивного концепта **«человек»**, которого следует воспринимать как достаточно структурированного комплекса из лексических и лексико-фразеологических единиц, а также из дискурсов, которые всесторонне номинируют и характеризуют человека. Данные единицы только в словарной лексике в таджикском языке приблизительно составляют 5360 слов и относятся к шести основным характеристикам человека: 1) физическая характеристика; 2) физиологическая характеристика; 3) морально-нравственная характеристика; 4) психоэмоциональная характеристика; 5) характеристика по социальному статусу; 6) интеллектуальная характеристика. Названные характеристики нами принимаются как подконцепты.

В разработках относительно **дискретности и структуры**, прежде всего **лингвокогнитивного концепта**, делаются следующие выводы и предложения:

1) Достаточно практическим образом были верифицированы взгляды теоретического характера о достаточной структурности внутренней системы концепта. Таким образом, в исследовании наиболее полно выработывались, материализовались (объективировались) и рационализировались понятия **подконцепт**, **концептуальная модель** и **концептуальная микромодель** лингвокогнитивного характера.

Каждый лингвокогнитивный концепт делится на подконцепты, далее подконцепты распределяются на концептуальные модели, а те, в свою очередь, на концептуальные микромодели. Данное утверждение можно наглядно и последовательно представить на примере концепта «человек», который охватывает объект нашей работы: **концепт «человек»** → **подконцепт «интеллектуальная характеристика»** (а также *физическая характеристика, физиологическая характеристика, морально-нравственная характеристика* и др.) → **концептуальные модели «положительно-**

интеллектуальная характеристика» и «отрицательно-интеллектуальная характеристика» → концептуальные микромодел «Умный ...», «Дальновидный ...», «Сметливый ...», «Мудрый ...», «Знающий ...» и др. (положительные); «Дурак ...», «Нерассудительный ...», «Несообразительный ...», «Незнающий ...», «Недальновидный ...» и др. (отрицательные).

2) Понятие «подконцепт» впервые вводится в исследованиях подобного рода и устанавливается как вполне функциональный термин: это комплексное лексическая, лексико-фразеологическая и дискурсивная составляющая концепта, имеющая достаточно определённую имплицитную и эксплицитную когнитивную структуру, которая в свою очередь распределяется на концептуальные модели.

3) Понятие «концептуальная модель» впервые идентифицируется с другой, достаточно парадигмальной стороны лингвонаучных исследований: это мыслительный модуль, составляющий общую репрезентативную структуру подконцепта.

4) Понятие «концептуальная микромодель» впервые идентифицируется как полнозначный термин лингвокогнитивного исследования: каждый из них является когнитивной установкой, мыслительным микромодулем, находящимся в сетевом отношении друг с другом, и при котором, комбинируясь особым образом, производятся мысли, или реализуется их восприятие.

5) Названия концептуальных микромоделей можно установить эмпирическим путем, что придает им более объективный характер.

Обобщая результаты **общих методологических особенностей исследования**, мы пришли к следующим выводам:

1) Фактически устанавливается роль самого исследователя в изучении концептосферы языка – устанавливается принципиальная важность того, что исследователь должен быть носителем языка, который подвергается исследованием, или он должен находиться в билингвальной среде (если исследование проводится в сравнительно-сопоставительном направлении).

Здесь важным фактором является прототипность многих концептуально-значимых явлений, объем значений которых не поддается вербальному описанию: их понимание зависит, прежде всего, от «семантико-концептуальной наследственности», а также от достаточного опыта проживания в данной языковой среде. В этом плане, мы предлагаем термин **«семантико-концептуальную наследственность»** в значении комплексных смыслов и пониманий, существующих в хронологии семейного менталитета и менталитета и культуры окружающей коллективной среды.

2) Метод **концептуального анализа** был впервые применен как комплекс методов, содержащий выбранные особым образом разнообразные методы и методики разного рода дисциплин. Данная методологическая интеграция была применена для целого исследования.

3) Вслед за другими исследователями, между лингвокогнитивными и лингвокультурологическими исследовательскими направлениями были установлены наиболее четкие различия, наглядным образом показывая их специфичные черты.

4) Впервые в подобных работах применяется *логико-семантический эксперимент с респондентами-знатоками*, который используется для категоризации составленной словарной базы со стороны специалистов по таджикскому и русскому языкам по предложенной исследователем системе (прежде всего, каркас, таблица).

5) Также впервые в работах подобного рода в сравнительно-сопоставительном исследовании таджикского и русского языков применяется метод *семантико-концептуального анализа*, который используется как главный эмпирический интегральный метод верификации основных теоретических принципов когнитивной лингвистики – для изучения и детализации имплицитных когнитивных установок и механизмов, при этом рассматривая репрезентативные процессы, представляющие в лексико-номинативных единицах.

Обобщая результаты **тезаурусного и тезаурусно-статистического методов**, мы пришли к следующим выводам:

1) Количество словарной лексики, номинирующее характеристику человека по основным его качествам (физическим, физиологическим, морально-нравственным, психоэмоциональным, по социальному статусу и по интеллектуальным способностям) имеет явное различие: в таджикском языке количество подобных номинантов гораздо больше, чем в русском языке.

2) Словарная лексика, номинирующая интеллектуальную характеристику человека, в таджикском языке на четверть больше, чем в русском языке. Данное количественное различие связано с тем, что таджикский язык в его интерпретационной лексики интеллектуальной характеристики человека больше концентрирован на оценочных и образных сторонах познаваемого объекта. В этом плане, русский язык, по сравнению с таджикским языком, является более «фактическим» языком, содержащим минимальную, чем в таджикском языке, лексико-семантическую экспрессивность, тем самым уделяя внимания наиболее объективным сторонам познаваемого объекта.

3) Устанавливается особый факт в концептуальном отношении между таджикским и русским языкам: словарная лексика положительно-интеллектуальной характеристики человека на 13% больше, чем словарная лексика отрицательно-интеллектуальной характеристики. Однако такой показатель в русском языке имеет обратный характер: словарная лексика положительно-интеллектуальной характеристики на 15% меньше, чем словарная лексика отрицательно-интеллектуальной характеристики.

Исходя из этого, можно сказать, что таджикский язык в репрезентации интеллектуальной характеристики человека, по сравнению с русским языком, исторически сформирован так, что больше направлен на репрезентации положительных оценок и образов внутренних человеческих качеств, соответственно, придаёт меньше внимание отрицательным (негативным) интеллектуальным качествам. В репрезентации интеллектуальной

характеристики человека таджикский и русский языки имеют диаметрально противоположный ментально-языковой характер.

Обобщая результаты применения **метода анкетирования**, мы пришли к следующим выводам:

1) Было выявлено, что 8,6% словарной лексики, номинирующей интеллектуальную характеристику человека в таджикском языке, со стороны его носителей считается незнакомой. В русском языке такой показатель составляет 5,1%.

2) Было выявлено, что более 17% словарной лексики всей интеллектуальной характеристики человека в таджикском языке считается неупотребительным. Такой показатель в русском языке составил более 12%.

3) В отличие от таджикского языка, номинативная интеллектуальная характеристика человека в словарной лексике и в языковой картине мира русского языка является наиболее дефинитным.

Обобщая результаты **метода дифференциального анализа лексических составляющих**, мы пришли к следующим выводам:

1) В таджикском языке почти 80% слов интеллектуальной характеристики являются компонентными (сложными), а в русском языке – почти 21%. Такое дериватологическое положение связано с тем, что в таджикском языке наиболее развиты словообразовательные способы сращение и лексикализация. Данный подход показал свою эффективность и важность в лексико-семантической идентификации подконцепта «интеллектуальная характеристика человека»: сначала рассматривается общая семантическая картина и структура производных слов и через неё реализуется анализ семантико-концептуальных особенностей всех дискретных единиц. В результате такого рода подхода в семантико-морфологической структуре лексики интеллектуальной характеристики человека в обоих языках были выявлены и обозначены ядерные (денотативно-ядерные, неденотативно-ядерные) и периферийно-

сигнификативные (параметрально-именные, отглагольные, именные) компоненты.

2) Было установлено, что единицы *ақл, шуур, хирад, фаросат, идрок, зеҳн, ҳуш* – в таджикском языке и *ум, разум, интеллект, сознание, мудрость, смекалка, сообразительность* – в русском языке являются доминантами в номинативной системе интеллектуальной характеристики, т.е. они являются исходной, инфинитной формой процессуально-интеллектуальной парадигмы, которые одновременно являются и словами и архисемами, а единицы *фикр, андеша, фаҳм* и т.д. – в таджикском языке и *мнение, мысль* и т.д. – в русском языке, процессуально репрезентируют данных доминатов. Также было зафиксировано, что именно периферийно-сигнификативные компоненты (*дур, кутох, тунд, тез, кам, нозук, хайр, нек, хуршед, чобук* и т.д. (тадж. яз.); *даль, глубако, здраво, благо, мало, тупо, крепко, твердо, скудно* и т.д. (рус. яз.)) являются основными репрезентантами семантико-концептуальной идентичности в обоих языках.

Данный подход позволил более углубленно рассмотреть лексико-семантическую структуру подконцепта интеллектуальной характеристики человека в обоих языках на формально-семантическом уровне.

Обобщая результаты **анализа лексикографических особенностей** словарной лексики интеллектуальной характеристики человека в таджикском и русском языках, мы пришли к следующим:

1) Была построена наиболее эффективная схема применения данного анализа: сравнительный анализ таджикско-русского словаря и русско-таджикского, и их лексико-семантическая идентификация (проверка) по толковым словарям с частичным применением результатов ассоциативного эксперимента.

2) Было установлена важность и эффективность данного подхода для идентификации общих признаков языковой картины мира, которые, главным образом, запечатлены в словарной лексике того или иного языка.

3) Было выявлено, что в словарно-количественном соотношении обоих языков на 160 единиц таджикская лексика интеллектуальной номинации человека больше, чем в русском языке, однако таджикский язык уступает русскому по переводимой лексике данной характеристики на 13%.

4) Более 23% словарной лексики интеллектуальной характеристики человека не имеет перевода в таджикском языке, в русском языке такой показатель составляет 12%.

5) Половина словарной лексики интеллектуальной характеристики человека в таджикском языке не имеет прямого эквивалента в русском языке. В этом плане была зафиксирована первичная и вторичная причина. Первая считается естественным языковым явлением, которое связано с эквивалентным дефицитом русских лексем интеллектуальной характеристики: 394 таджикских слов на 234 русских. Вторая причина является результатом выявленной проблематики, которая возникает в процессе интерпретации словарных статей со стороны авторов таджикско-русских двуязычных словарей. Прежде всего, это касается того, что достаточно много переводов интерпретируют не само слово, а их толковое семантико-структурное положение, т.е. переводится их толкование, не совсем учитывая при этом их реально функционирующих эквивалентов на переводимом языке. В качестве таких единиц можно привести слово *бемағз*, толкование и перевод которого почти полностью идентичны:

Толковый словарь: «БОМАҒЗ **بامغز** 1. хирадманд, оқил. 2. хирадмандона, оқилона, маъқул»

Двуязычный словарь: «БОМАҒЗ – 1. мудрый, умный; 2. мудро, умно»

6) Все вышеназванные особенности таджикско-русской и русско-таджикской словарной лексики объективно демонстрируют концептуальную идентичность и уникальность языковых картин мира каждого исследуемого языка, тем самым играют важную роль в идентификации репрезентативных особенностей подконцепта «интеллектуальная характеристика человека» в обоих языках.

Обобщая результаты метода **семантико-концептуального анализа**, мы пришли к следующим выводам:

1) Было установлено, что когнитивные процессы и когнитивные механизмы в сознании человека вполне наблюдаемы и дискретны;

2) Эмпирически было установлено, что каждая микромодель имеет определенные, достаточно структурированные когнитивные процессы и механизмы;

3) Было установлено, что каждое номинативное слово в отдельности имеет собственный когнитивный механизм, который отчетливо показывает отличительную сущность каждого слова. В этом отношении прикладным образом был подтвержден тот факт, что номинативные слова, продуктивно функционирующие в определенном языке (или в его достаточно отличительных диалектах), не могут стать «абсолютными синонимами» или «одинаковыми по значению»;

4) Большинство концептуальных микромоделей таджикского и русского языков по своим общим когнитивным свойствам совпадают друг с другом;

5) Были выделены концептуальные микромодели, существующие в одном языке и отсутствующие в другом. В этом отношении, количество микромоделей в обоих языках не совпадают: положительно-интеллектуальная характеристика таджикского языка, по сравнению с русским языком, больше на две микромодели, а отрицательные - на одной. Первая положительно-интеллектуальная микромодель, «Совершенный + умный: наличие достаточного совершенного ума», репрезентирует индивида, имеющего достаточно сформированный оперативно-интеллектуальный механизм, хорошо перерабатывающий психокогнитивные задачи. Отсутствие данной микромодели в русском языке компенсируется следующими микромоделями: «Мудрый...», «Здравомыслящий...», «Умный...». Вторая положительно-интеллектуальная микромодель - «Обладатель + контролирующий + интеллект: устойчиво обладающий и контролирующий

интеллектуальными способностями», репрезентирует индивида, «детально познавшего свои интеллектуально-когнитивные механизмы, собственный опыт и знания, а также их функционирования, исходя из чего, доминантно контролирует и регулирует всеми своими интеллектуальными процессами». Отсутствие данной микромоделей в русском языке компенсируется за счет других микромоделей: «Дальновидный ...», «Умный ...», «Мудрый ...» и др.

Существует отрицательно-интеллектуальные микромоделей, автономно функционирующие в одном языке и отсутствующие в другом. В таджикском языке выделяются две таких микромоделей: «Неправильно думающий+воспринимающий» и «Не имеющий постоянные свойства глубокой рассудительности + дальновидности». Первая репрезентирует индивида, который осознанно или неосознанно строит логико-мыслительную конструкцию так, что приведёт к неправильному или не желаемому результату. Когнитивно-репрезентативные свойства второй микромоделей соответствуют её названием. В русском языке в этом плане выделяется микромоделей «Упрямый+несуразный+глупый», которая слабо функционирует в таджикском языке и репрезентирует индивида как «упорно стремящегося к логически неправильным действиям, которых не подвергает логико-мыслительной проверке»;

б) Другой важной особенностью в сравнении этих двух концептуальных строев является микромоделей «Недальновидный+думающий мало+глупый» в таджикском языке и «Недальновидный+немудрый+глупый» в русском языке, которые считаются эквивалентными в семантико-коммуникативной функциональности. Важной отличительной стороной этих двух концептуальных единиц является то, что таджикская микромоделей содержит параметрические репрезентативные компоненты *кам* – ‘мало’, *танг* – ‘узкий’, *хом* – ‘сырой, неспелый’ и др., а в данной эквивалентной русской микромоделей параметрические компоненты вообще отсутствуют. Лексемы данной микромоделей образуются только путём присоединения отрицательной частицы *не-* к ядерной сигнификативной единице:

недальновидный, неблагоприятный, немудрёный, немудрый и т.д. В связи с этим, в номинации данной микромодели таджикского языка присутствует параметрическая сема «...мало...».

Таким образом, в результате данного исследования было установлено, что посредством лексико-номинативного составляющего языка эффективно идентифицируются процессы и механизмы когнитивной сущности, выводя ее из имплицитной формы в эксплицитную форму. В сравнительном плане изучения когнитивных составляющих, в таджикском и русском языках были выявлены и установлены особые репрезентативно значимые функциональности, однако в основополагающей, фундаментальной сущности когнитивных процессов оба языка особым образом не отличаются.

В прикладном характере результаты данной исследовательской работы, прежде всего, послужат теоретическим и практическим фундаментом для создания словарей нового типа – когнитивно-идеографических моноязычных и двуязычных словарей (См. Приложение 1).

Результаты данного исследования в целом могут послужить полезным материалом в области моделирования искусственного интеллекта, прежде всего – в создании искусственного языкового сознания или его инновационно-технологического развития.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

- БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка
БЭС – Большой энциклопедический словарь
ККМ – концептуальная картина мира
ЛСГ – лексико-семантическая группа
НКРЯ – Национальный корпус русского языка
НФС – Новейший философский словарь
ОНВ – основа настоящего времени
РТС – Русско-таджикский словарь
С* - количество слов
СТСРЯ – Современный толковый словарь русского языка
СТЯ – Словарь таджикского языка
ТРС – Таджикско-русский словарь
ТСЖВЯ – Толковый словарь живого великорусского языка
ТСРЯ – Толковый словарь русского языка
ТССРЯ – Толковый словарь современного русского языка
ТСТЯ – Толковый словарь таджикского языка
ФТЗТ – Фарҳанги тафсирии забони тоҷики (Толковый словарь таджикского языка)
ЯКМ – языковая картина мира

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Научная и исследовательская литература

1. Амонова, Ф.Р. Проблемы деривационной ономазиологии персидского языка / Ф.Р. Амонова. – Душанбе: Дониш, 1990. - 104 с.
2. Апресян, Ю.Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю.Д. Апресян. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 767 с.
3. Аскольдов-Алексеев, С.А. Концепт и слово // Русская словесность: Антология / под ред. проф. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 267-279.
4. Бабина, Л.В. Концептуальные основы словообразования / Л.В. Бабина // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: коллектив. моногр. / гл. ред. сер. Е.С. Кубрякова, отв. ред. Н.Н. Болдырев. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина; 2009. – С. 128-149.
5. Балашова, Л.В. Концептуализация власти в социоморфной литературной и сленговой метафоре: сопоставительный аспект / Л.В. Балашова // Политическая лингвистика. – 2010. – Вып. 2 (32). – С. 9-14.
6. Баранов, А.Н. Русская политическая метафора (материалы к словарю) / А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов. – М.: Ин-т русского языка РАН, 1991.
7. Беседина, Н.А. Уровни Концептуализации в морфологии / Н.А. Беседина // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: коллектив. моногр. / гл. ред. сер. Е.С. Кубрякова, отв. ред. вып. Н.Н. Болдырев. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. – С. 182-231.
8. Болдырев, Н.Н. Диалектные концепты и категории / Н.Н. Болдырев, В.Г. Куликов // Филологические науки. – 2006. - № 3. – С. 41-50.

9. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций / Н.Н. Болдырев. – Тамбов: Издательский дом Тамбовского гос. ун-та им. Г.Р. Державина, 2014. – 236 с.
10. Борискина, О.О. Теория, методология и опыт познания скрытой категориальности языка : автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19, 10.02.04 / Борискина Ольга Олеговна. Воронеж, 2011. – 41 с.
11. Бочарова, Е.Н. Концепт «глупость» в составе концептосферы «человек» / Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: сб. ст. IV междунар. науч. конф. Т. 2. – Челябинск: ООО «Издательство РЕПКОЛ», 2008. – С. 5-8.
12. Брутян, Г.А. Язык и картина мира / Г.А. Брутян // Научные доклады высшей школы. Философские науки. – 1973. - № 1. – С. 108-111.
13. Бутакова, Л.О. Ассоциативно-семантический словарь как основа для моделирования ценностных фрагментов языкового сознания носителей языка / Л.О. Бутакова, Е.Н. Гуц // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. - № 18. – С. 158-173.
14. Вайсгербер, Л. Родной язык и формирование духа / Л. Вайсгербер. – М.: УРСС Эдиториал, 2004. – 232 с.
15. Введение в когнитивную лингвистику / Под ред. М.В. Пименовой. Вып. 4. Кемерово, 2004.
16. Воркачев, С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт / С.Г. Воркачев. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 192 с.
17. Габбасова, А.Р. Языковая картина мира: основные признаки, типология и функции [Электронный ресурс] / А.Р. Габбасова, Ф.Г. Фаткулин // Современные проблемы науки и образования. – 2013. - № 4. – Режим доступа: www.science-education.ru/110-9954
18. Гаврилова, Н.В. Лингвокультурный концепт «критика» и его функционирование в педагогическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Гаврилова Наталья Викторовна. – Волгоград, 2007. – 263 с.

19. Глухов, В.П. Основы психолингвистики: учеб. пособие для студентов педвузов. – М.: АСТ: Астрель, 2005. – 351 с.
20. Гольдберг, В.Б. Способы концептуализации в лексике / В.Б. Гольдберг // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: коллектив. моногр. / гл. ред. сер. Е.С. Кубрякова, отв. ред. вып. Н.Н. Болдырев. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. – С. 97-127.
21. Гончарова, Н.Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания. // Известия Тульского государственного университета. 2012. № 2. С. 396-405.
22. Гумбольдт, В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества // В. Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию. – М., 1984.
23. Демьянков, В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца XX века. – М.: Институт языкознания РАН. 1995. – С. 262-273.
24. Демьянков, В.З. Когниция и понимание текста // Вопросы когнитивной лингвистики. М., Тамбов, 2005. № 3. С. 5-10.
25. Демьянков, В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / В.З. Демьянков // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. – 2002. - № 3. – С. 32-43.
26. Демьянков, В.З. Теория прототипов в семантике и прагматике языка // Структуры представления знаний в языке. / Отв. редактор Кубрякова Е.С. – М.: ИНИОН РАН, 1994. С. 32-86.
27. Демьянков, В.З., Кубрякова Е.С. Когнитивная модель // Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. – С. 56-57.

28. Джонсон-Лэрд, Ф. Процедурная семантика и психология значения / Ф. Джонсон-Лэрд // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. Когнитивные аспекты языка. – М.: Прогресс, 1988. – С. 234-257.
29. Дзюба, Е.В. Когнитивная лингвистика: учебное пособие для высших учебных заведений / Е.В. Дзюба; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург: [б.и.], 2018. – 280 с.
30. Дзюба, Е.В. Концепт «ум» в русской лингвокультуре / Е.В. Дзюба. – Екатеринбург: УрГПУ, 2011. – 224 с.
31. Дзюба, Е.В. Типы лингвокогнитивной категоризации в русской языковой картине мира / Е.В. Дзюба, А.П. Чудинов // Когнитивные исследования языка. – 2016. - № 24. – С. 238-247.
32. Донских, О.А. Методологический анализ понятия языковой картины мира / О.А. Донских // Методологические проблемы научных исследований. – Новосибирск, 1984. – С. 84-88.
33. Евсеева, И.В. Когнитивное моделирование словообразовательной системы русского языка (на материале комплексных единиц) : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / Ирина Владимировна Евсеева. – Кемерово, 2011. – 430 с.
34. Заботкина, В.И. От интеграционного вызова в когнитивной науке к интегрированной методологии / В.И. Заботкина // Методы когнитивного анализа семантики слова: компьютерно-корпусный подход / под общ. ред. В.И. Заботкиной. – М.: Языки славянской культуры, 2015. – С. 15-38.
35. Загвязинский, В.И. Методология и методика дидактического исследования. – М.: Педагогика, 1982.
36. Залевская, А.А. Введение в психолингвистику : учебник для студ. высш. учеб. заведений / А.А. Залевская. – М.: Российский гос. гуманитар. ун-т, 1999. – 382 с.
37. Залевская, А.А. Психолингвистический подход к проблеме концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж, 2001, с.39.

38. Зализняк, А.А. Ключевые идеи русской языковой картины мира : сборник статей / А.А. Зализняк, И.Б. Левонтина, А.Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – 554 с.
39. Ильина, Е.В. Языковая картина мира как совокупность концептосфер // Филология и литературоведение. 2015. № 12 [Электронный ресурс]. URL: <http://philology.snauka.ru/2015/12/1801> (дата обращения: 07.02.2019).
40. Искандарова, Д.М. Индикаторы социального статуса в таджикском речевом этикете (сопоставительный аспект) // В сб.: «Мир духовной культуры человечества: язык, литература, искусство». Материал межд. Научно-теор. Конф., посв. 100-летию со дня рождения акад. Д.С. Лихачева. – Самарканд, 2006. – С. 132-135.
41. Искандарова, Д.М. Исследования по когнитивной лингвистике // Стереотипы и ценностные доминанты в языковой картине мира таджикско-русского дилингда. – Душанбе, 2013. – С. 69-74.
42. Кабаченко, Е.Г. Метафорическое моделирование базисных концептов педагогического дискурса: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Кабаченко Екатерина Геннадьевна. – Екатеринбург, 2007. – 240 с.
43. Кант, И. Критика чистого разума / И. Кант / Пер. с нем. Н. Лосского сверен и отред. Ц.Г. Арзаканяном, М.И. Иткиным. – М.: Эксимо, 2007. – 736 с.
44. Караваева, И.А. Концепт «ОБРАЗОВАНИЕ» в структурах педагогического дискурса деятельностного подхода / И.А. Караваева // Вестник Ижевского государственного технического университета. – 2007. - № 2. – С. 75-77.
45. Карасик, В.И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики / под ред. И.А. Стернина. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2001. – С. 75-81.

46. Карасик, В.И. О типах дискурса // Языковая личность: институциональный и персональный дискурс: сб. науч. тр. – Волгоград, 2000. – С. 5-20.
47. Карасик, В.И. Эмблематический концепт «благополучие» / В.И. Карасик // Политическая лингвистика. – 2010. – Вып. 3 (33). – С. 34-40.
48. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс: монография / В.И. Карасик. – Волгоград: Волгоградский гос. пед. ун-т, 2004. – 477 с.
49. Караулов, Ю.Н. Общая и русская идеография / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1976. – 355 с.
50. Касевич, В.Б. Буддизм. Картина мира. Язык / В.Б. Касевич. – СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1996. – 288 с.
51. Колосов, В.В. Язык и ментальность. СПб.: Петербургское Востоковедение, 2004. – 237 с.
52. Колшанский, Г.В. Объективная картина мира в познании и языке / Г.В. Колшанский. – М.: Наука, 1990. – 124 с.
53. Комарова, З.И. Методология, метод, методика и технология научных исследований в лингвистике: учебное пособие. – Екатеринбург: Изд-во УрФу, 2012. – 818 с.
54. Кондратьева, О.Н. Структура ум в памятниках литературы Древней Руси / О.Н. Кондратьева // Концептуальные сферы «мир» и «человек»: коллективная монография / отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово: ИПК «Графика», 2005. – С. 177-203. – (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 6).
55. Корниенко, А.Ф. Соотношение понятий «язык», «мышление» и «сознание» в психологии и когнитивной лингвистике / А.Ф. Корниенко // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. - № 3 (036). – С. 5-15.
56. Кубрякова, Е. С. В поисках сущности языка: вместо введения / Е.С. Кубрякова // Когнитивные исследования языка. Вып. IV. Концептуализация мира в языке: коллектив. моногр. / гл. ред. сер. Е.С.

Кубрякова; отв. ред. Н.Н. Болдырев. – М.: ИЯ РАН; Тамбов: Тамбовский гос. ун-т, 2009.- С. 11-24.

57. Кубрякова, Е.С. В генезисе языка, или размышления об абстрактных именах // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 3. – С. 5-14.

58. Кубрякова, Е.С. Теория номинации и словообразование. – В кн.: Языковая номинация. Виды наименований. –М., 1977.

59. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. – М.: Языки славянской культуры. 2004. – 560 с.

60. Кубряковой, Е.С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики. / Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004, № 1. – С. 6-17.

61. Кузнецов, И.Н. Диссертационные работы: Методика подготовки и оформления: учебно-методическое пособие. – М.: Дашков и К. 2006. – 452 с.

62. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – 256 с.

63. Маслова, В. А. Современные направления в лингвистике / В.А. Маслова. – М.: Академия, 2007. – 272 с.

64. Маслова, В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие / В.А. Маслова. – М.: Флинта: Наука, 2004. – 296 с.

65. Миллер, Дж. А. Когнитивная революция с исторической точки зрения / Дж.А. Миллер // Вопросы психологии. – 2005. - № 6. – С. 104-109.

66. Никитина, Л.Б. Антропоцентрическая семантика: образ homo sapiens по данным русского языка : учебное пособие / Л.Б. Никитина. – Омск : Омский гос. пед. ун-т, 2007. – 256 с.

67. Никитина, Л.Б. Языковая картина мира и основные черты языковой концептуализации действительности // Картина мира: язык,

литература, культура: сборник науч. ст. Вып. 2 / отв. ред. М.Г. Шкуропацкая. – Бийск: Бийский. гос. ун-т, 2006. – С. 42-47.

68. Никитина, С.Е. Об уме и разуме (на материале русских народно-поэтических текстов) / С.Е. Никитина // Славянские этюды : сборник к юбилею С.М. Толстой / отв. ред. Е.Е. Левкиевская. – М.: Индрик, 1999. – С. 298-307.

69. Новиков, А.М., Новиков Д.А. Методология научного исследования. – М.: Либроком. 2010. – 280с.

70. Новикова, Н.С. Многомирие в реалии и общая типология языковых картин мира / Н.С. Новикова, Н.В. Черемисина // Филологические науки. – 2000. - № 1. – С. 40-50.

71. Одининцова, М.П. Языковые образы «внутреннего человека» / М.П. Одинцова // Язык. Человек. Картина мира: Лингвоантропологические, философские очерки (на материале русского языка). Ч.1. / под ред. М.П. Одинцовой. – Омск: Омский гос. ун-т, 2000. – С. 11-28.

72. Пименова, М.В. Коды культуры и проблема классификации концептов / М.В. Пименова // Язык. Текст. Дискурс. Научный альманах. Вып. 5. – Ставрополь – Пятигорск: Пятигорский гос. лингвистический ун-т, 2007. – С. 79-86.

73. Пименова, М.В. Концепт сердце: образ, понятие, символ : монография / М.В. Пименова. – Кемерово: Комплекс «Графика», 2007. – 500 с. – (Серия «Концептуальные исследования». Вып.9).

74. Пименова, М.В. Концептуальные исследования. Введение: учеб. пособие / М.В. Пименова, О.Н. Кондратьева. – М.: Флинта – Наука, 2011. – 176 с.

75. Пименова, М.В. Языковая картина мира : учебное пособие / М.В. Пименова. – М.: ФЛИНТА, 2014. – 108 с.

76. Погонцева, Д.В., Узлова Д.Д. Категоризация мужчин как успешных и красивых / Д.В. Погонцева, Д.Д. Узлова // GESJ: Education Science and Psychology. – 2013. - № 2 (24). – С. 35-38.

77. Подвигина, Н.Б. Языковая картина мира // Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. - №5. С. 63-67.
78. Попова, З.Д. Очерки по когнитивной лингвистике / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2001. – 191 с.
79. Попова, З.Д. Семантико-когнитивный анализ языка: монография / З.Д. Попова, И.А. Стернин. – Воронеж: Истоки, 2006. – 226 с.
80. Постовалова, В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В.И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / отв. ред. Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – С. 9-47.
81. Прожилов, А.В. Лингвоконцептология : триумфальный подъем или бег по «языковому кругу»? / А.В. Прожилов // Политическая лингвистика. – 2015. - № 1 (51). – С. 12-22.
82. Рамхе, И. Н. Статус модели в лингвистических науках и её реализация в когнитивном моделировании языка [Текст] / И.Н. Рамхе // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. - № 8 (86). – С. 94-98.
83. Рахими, С.С. Концепт «Измена» в русском и таджикском языках : дис. ... канд. Филол. Наук: 10.02.20 / Рахими СаодатСухробовна; ТНУ. – Душанбе, 2016. – 293 с.
84. Руденко, Д.И. Имя в парадигмах «философии языка». – Харьков: Основа. 1990. – 299 с.
85. Рузиева, Л.Т. Прецедентно-значимые тексты как когнитивный компонент культуры народа в системе обучения русскому языку в неязыковом вузе в лингвокультуроведческом аспекте :Автореф. дис. ... док.филол. наук: 13.00.02 / Рузиева Лола Толибовна; ТНУ. – Душанбе, 2019. – 45 с.
86. Садохин, А. П. Концепции современного естествознания: учебник для студентов вузов, обучающихся по гуманитарным специальностям и специальностям экономики и управления /

А. П. Садохин. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2006. стр. 17.

87. Серебренников, Б.А. Как происходит отражение картины мира в языке / Б.А. Серебренников // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / отв. ред. Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – С. 87-107.

88. Скребцова, Т.Г. Когнитивная лингвистика: Курс лекций: - СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2011. – 256 с.

89. Стернин, И.А. Психолингвистическое значение слова и его описание [Электронный ресурс] / И.А. Стернин, А.В. Рудакова. - Lambert Academic Publishing, 2011. – Режим доступа: http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Psiholingvistika/Psiholingvisticheskoe_znachenie_slova_i_ego_opisanie_2011.pdf.

90. Суржанская, Ю.В. Концепт как философское понятие / Ю.В. Суржанская // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2011. - № 2. – С. 70-78.

91. Телия, В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В.Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / отв. ред. Б.А. Серебренников. – М.: Наука, 1988. – С. 173-205.

92. Тешаев Х.И. Функционирование тематической группы слов со значением «животный мир» в русском и таджикском языках: дис. ...канд. филол. наук: 10.02.20 / Тешаев Хаём Икромович. – Душанбе, 2016. – 155 с.

93. Тимофеева, М.К. Введение в экспериментальную когнитивную лингвистику : учеб. пособие / М.К. Тимофеева ; Новосиб. гос. ун-т. – Новосибирск, 2010. – 101 с.

94. Труды по когнитивной лингвистике : к 30-летию кафедры общего языкознания и славянских языков КемГУ / отв. ред. М.В. Пименова. – Кемерово : Кемеровский гос. ун-т, 2008. – 719 с. – (Серия «Концептуальные исследования». Вып. 10).

95. Тхорик, В.И. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация: учебное пособие / В.И. Тхорик, Н.Ю. Фанян. – М.: Героик и Спорт, 2006. – 258 с.
96. Уланович, О.И. Языковое сознание: особенности структуры в условиях двуязычия / О.И. Уланович // Вестник Томского государственного университета. – 2010. - № 1 (9). – С. 44-51.
97. Уорф, Б. Отношение норм поведения и мышления к языку. Наука и языкознание. Лингвистика и логика / Б. Уорф // Новое в лингвистике. Вып. 1. / отв. ред. А.В. Звегинцева. – М.: Издательство иностранной литературы, 1960. – С. 135-198.
98. Уфимцева, Н.В. Языковое сознание: динамика и вариативность / Н.В. Уфимцева. – М.: Институт языкознания РАН, 2011. – 252 с.
99. Фасенко, Т.А. Концептуальные системы как контекст употребления и понимания вербальных выражений // Когнитивные аспекты языковой категоризации. Сб. науч. трудов. – Рязань, 2000. – с.141-144.
100. Филлмор, Ч. Фреймы и семантика понимания / Ч. Филлмор // Новое в зарубежной лингвистике. Когнитивные аспекты языка / сост. и ред. В.В. Петров, В.И. Герасимов. – М.: Прогресс, 1988. – Вып. XXIII. – С. 52-92.
101. Фомин, А.Г. Языковое сознание как имманентно присущий признак гендерной языковой личности / А.Г. Фомин // Ползуновский вестник. – 2003. - № 3-4. – С. 211-214.
102. Фомина, Т.Д. Динамика концепта в политическом дискурсе (на примере выступлений Дж. Буша и Т. Блейра, посвященных второй военной кампании в Ираке): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Фомина Татьяна Дмитриевна. – М., 2006. – 197 с.
103. Фрумкина, Р.М. Концептуальный анализ с точки зрения лингвиста и психолога // Научно-техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы. – М.: ВНИИТИ, 1992. - № 3. – С. 1-8.
104. Харуллин, В.И. Картина мира и структурирование знания / И.В. Харуллин // Язык, сознание, культура, этнос. – М.: Наука, 1994. – С. 98-100.

105. Хашимов Р. И. Билексема как особая единица языка / Р. И. Хашимов // Вопросы филологии. - 2008а. - № 4. – С. 30-38.
106. Хашимов, Р. И. Номинация и арсенал создания слов / Р. И. Хашимов // Русский язык: история и современность: сборник научных трудов. К 80-летию профессора В. В. Щеулина. – Липецк-Елец: ЕГУ, - 2008б. – С. 321-333.
107. Чудакова, Н.М. Концептуальная область «Неживая природа» как источник метафорической экспансии в дискурсе российских средств массовой информации (2000 – 2004 гг.): дис. ... канд. филол. наук / Чудакова Наиля Муллахметовна. – Екатеринбург, 2005. – 277 с.
108. Чудинов, А.П. Политическая лингвистика: учебное пособие / А.П. Чудинов. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 256 с.
109. Чудинов, А.П. Структурный и когнитивный аспект исследования метафорического моделирования (регулярной многозначности) / А.П. Чудинов // Лингвистика : Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург : Уральский гос. пед. ун-т. 2001. – С. 38-53.
110. Шамбезода, Х.Д. Социолингвистическая типология билингвизма в Республике Таджикистан // Проблемы функционирования русского языка в Республике Таджикистан. – Душанбе, 2006. – С. 74-91.
111. Шаповаленко, И.В. Возрастная психология (Психология развития и возрастная психология). – М.: Гардарики, 2005. – 349 с.
112. Шарандин, А.Л. Лексическая категоризация времени и ментальность / А.Л. Шарандин // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. – 2011. - №2 (14). – С. 11-16.
113. Шейгал, Е.И. Концепты и категории дискурса / Е.И. Шейгал // Человек в коммуникации : концепт, жанр, дискурс : сб. науч. тр. – Волгоград : Парадигма, 2006. – С. 24-39.
114. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01, 10.02.19 / Шейгал Елена Иосифовна. – Волгоград, 2000. – 431 с.

115. Шелест, В.И. Проблема диагностики политического интеллекта в современной социальной психологии / В.И. Шелест // Актуальные вопросы современной психологии. – Челябинск : Два комсомольца, 2011. – С. 130-134.
116. Щербак, А.С. Ономастический концепт как единица знания / А.С. Щербак // Когнитивные исследования языка. IV. Концептуализация мира в языке: коллектив. моногр. / гл. ред. сер. Е.С. Кубрякова, отв. ред. вып. Н.Н. Болдырев. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. – С. 150-165.
117. Яркова, Е.Н. История и методология науки: учебное пособие. – Тюмень: Тюмен. гос. ун-т. 2007. – 320 с.
118. Fauconnier, G. Mental Spaces: Aspects of Meaning Construction in Natural Language / G. Fauconnier. – Cambridge, MA: MIT Press, 1994. – 240 p.
119. Johnson-Laird, P.N. Mental models. Towards a cognitive science of language, inference, and consciousness. – Cambridge (Mass.), 1983. – 528 p.
120. Korzybski, A. Science and Sanity: An Introduction to Non-Aristotelian Systems and General Semantics. (Preface by Robert P. Pula.) — Institute of General Semantics, 1994. – 825 с.
121. Langacker, R.W. Concept, image and symbol: The cognitive basis of grammar / R.W. Langacker. – Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1991. – 540 p.
122. Osgood, C.E. The measurement of meaning / C.E. Osgood, G.J. Suci, P.H. Tannenbaum. – Urbana, Chicago and London: University of Illinois Press, 1957. – 342 p.
123. Rosch, E. Human categorization / E. Rosch // Advances in cross-cultural psychology. L., 1975. – P. 23-57.
124. Rosch, E. Natural categories / E. Rosch // Cognitive psychology. – 1973. – V. 4. – P. 328-350.

Словари и справочники

1. Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2000. – 1536 с.

2. Большой толковый словарь синонимов русской речи: идеографическое описание, антонимы, фразеологизмы / под общ. ред. проф. Л.Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008. – 784 с.
3. Большой энциклопедический словарь (электронный ресурс: URL: <http://www.Lingvo.ru>).
4. Ефримова, Т.Ф. Современный толковый словарь русского языка. В 3 томах. Т. 1. / Т.Ф. Ефримова. – М.: АСТ, 2005. – 1168 с.; Т. 2. – М.: АСТ, 2006. – 996 с.; Т. 3. – М.: АСТ, 2006. – 976 с.
5. Жеребило, Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. / Т.В. Жеребило. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2010. – 486 с.
6. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. - М., 1996. – 245 с.
7. Леонтьев, А.А. Словарь ассоциативных норм русского языка / А.А. Леонтьев. – М.: Изд-во МГУ, 1977. – 192 с.
8. Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 688 с.
9. Матвеева, Т.В. Полный словарь лингвистических терминов / Т.В. Матвеева. – Ростов н/Д.: Феникс, 2010. – 562 с.
10. Новейший философский словарь. Сост. и гл. н. ред. Грицанов А.А. 3-е изд., испр. – Мн.: Книжный Дом, 2003. – 1280 с.
11. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений: Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., доп. / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.
12. Русский ассоциативный словарь. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Т.1 – 6. / Ю.Г. Караулов, Ю.С. Сорокин и другие. – М., 1994. – 784 с.
13. Словарь таджикского языка. В 2-х томах. Т.1. – М.: СЭ, 1969. – 951 с.; Т.2. – 952 с.

14. Современная западная философия. Энциклопедический словарь / Под. ред. О. Хеффе, В.С. Малахова, В.П. Филатова, при участии Т.А. Дмитриева. – М., 2009. – С. 16-17.
15. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
16. Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: 3-е изд. / Ю.С. Степанов. – М.: Академический проект, 2004. - С. 42-67.
17. Таджикско-русский словарь. Изд. второе, дополненное, совершенст., исправ. / Под редакцией Д. Саймиддинова и других. – Душанбе, 2006. – 786 с.
18. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. – СПб., 1863-1866. – 2810 с.
19. Толковый словарь таджикского языка. Т.1. – Душанбе: Шучоиён, 2008. – 997 с.; Т.2. – 944 с.; изд. в-ое: Т.1. – Душанбе: Шучоиён, 2010. – 997 с.; Т.2. – 1096 с.
20. Ушаков, Д.Н. Толковый словарь современного русского языка / Д.Н. Ушаков. – М.: «Аделант», 2013. – 800 с.
21. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ. Иборат аз 2 ҷилд. Ҷ. 1. / под ред. С.Назарзода, А.Сангинова, С.Каримова, М.Х. Султона. – Д.: ХДММ «Шучоиён», 2008. – 951 с.
22. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ. Иборат аз 2 ҷилд. Ҷ. 2. / под ред. С.Назарзода, А.Сангинова, С.Каримова, М.Х. Султона. – Д.: ХДММ «Шучоиён», 2008. – 945 с.
23. Черкасова, Г.А. Русский сопоставительный ассоциативный словарь / Г.А. Черкасова. – М.: ИЯ РАН, 2008. – 224 с.

Источники примеров

(1) таджикского языка

1. «Маснавии маънавӣ»-и Мавлоно Чалолуддини Мухаммади Балхӣ. Таҳ.: Б. Ализода, А.М. Хуросонӣ. – Техрон: Нашри Замон, 2001. – 351 с.

2. «Тарихи Табарӣ». Дар 2 ҷилд / М. Умаров, Ф. Бобоев. – Техрон: «Замон», 2001. – 1632 с.
3. Абдурахмони, Ҷомӣ. Баҳористон / А. Ҷомӣ / Таҳ. А. Афсаҳзод. – Душанбе: «Маориф ва фарҳанг», 2008. – 139 с.
4. Айни, С. Акнун навбати калам аст. Марги Судхур [Теперь очередь пера. Смерть ростовщика] / С. Айни / Под ред. Ш. Шарафа. – Душанбе: Ирфон, 1978. – 462 с.
5. Айни, С. Ёддоштҳо [Воспоминания], қисми 1, 2. – Душанбе: Адиб, 1990. – 352 с.
6. Айни, С. Полное собр-е сочинений в пятнадцати томах. Том 6. Ёддоштҳо / С. Айни. – Душанбе: Комбинати полиграфии Вазорати маданияти РСС Тоҷикистон, 1963. – 414 с. – На тадж. яз.
7. Айни, С. Бухара [Воспоминания]. В 2-х кн. Кн. 1. / С. Айни / Пер. с тадж. Сергея Бородин. – Душанбе: Ирфон, 1980. – 260 с.
8. Куҳи ғурур [маҷмуаи мақолаҳо]. / Мух. Ф. Асозода. Душанбе: «Шаҳпар», 2012. – 248 с.
9. Саъдии, Шерозӣ. Гулистон. / С. Шерозӣ / Мураттиб С. Сиддиқов. – Душанбе: Дониш, 1988. – 216 с.
10. Сотим, У. «Ривояти суғдӣ»: қиссаи таърихӣ / У. Сотим. – Душанбе: «Адиб», 2002. – 220 с.
11. Ҳофизии Шерозӣ. Ғазалиёт [Электронный ресурс] / Ҳ. Шерозӣ / Адабиёти ниёгон. URL: <https://www.sattor.com/hofiz.pdf>.
12. Ҷалол, И. Духтари оташ [Дочь огня] / Ҷ. Иқромӣ. – Душанбе: Адиб, 2009. – 560 с.
13. Шерали, Л. Куллиёт. Дар 2 ҷилд. Ҷ.1. (Кит. 1 ва 2) / Л. Шералӣ // Мурат. Б. Ализода, Р. Шералӣ. – Хучанд: Нашриёти давлатии ба номи Р. Ҷалил, 2001. – Кит. 1. – 724 с.; Кит. 2. – 712 с.

(2)русского языка

**из Национального корпуса русского языка (электронный ресурс – URL:
www.ruscorpora.ru)**

1. А. А. Фет. Мои воспоминания / Часть I (1862-1889).
2. А. А. Фет. Письма С. А. Толстой (1887).
3. А. Е. Рекемчук. Мамонты (2006).
4. А. М. Волков. Урфин Джюс и его деревянные солдаты (1963).
5. А. П. Хейдок. Храм снов (1924-1934).
6. А. С. Пушкин. Арап Петра Великого (1828).
7. Александр Архангельский. 1962. Послание к Тимофею (2006).
8. Александр Вампилов. Прощание в июне (1964).
9. Александр Громов. Вытащив сына с того света, отец застрелил его, чтобы спасти от безумия // Комсомольская правда, 2013.06.05.
10. Александр Кобеляцкий. Стартап Страны восходящего солнца // «Русский репортер», 2012.
11. Александр Солженицын. В круге первом, т.1, гл. 1-25 (1968) // «Новый Мир», 1990.
12. Александр Филиппов. Участь эксперта // «Отечественные записки», 2003.
13. Алексей Варламов. Купавна // «Новый Мир», 2000.
14. Анастасия Романова. Александр Буйнов: Наши бомжи круче бомжей Сан-Франциско (2002) // «Вечерняя Москва», 2002.01.10.
15. Анатолий Азольский. Лопушок // «Новый Мир», 1998.
16. Анатолий Макаров. Киевские конкистадоры // «Знание - сила», 2008.
17. Анатолий Мариенгоф. Мой век, мои друзья и подруги (1956-1960).
18. Анатолий Приставкин. Вагончик мой дальний (2005).
19. Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975-1977).
20. Андрей Ванденко. Я готов купить «Спартак»! Миллиардер Петр Авен не прочь поучаствовать в судьбе любимого клуба // Советский спорт, 2012.03.19.

21. Андрей Владимирский. Опыт: Как я номера «красивые» покупал (2002) // «Автопилот», 2002.04.15.
22. Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001.
23. Андрей Геласимов. Ты можешь (2001).
24. Андрей Зализняк. О профессиональной и любительской лингвистике // «Наука и жизнь», 2009.
25. Андрей Лазарчук, Михаил Успенский. Посмотри в глаза чудовищ (1996).
26. Артем Тарасов. Миллионер (2004).
27. В. В. Шульгин. Последний очевидец (1971).
28. В. Ф. Кормер. Наследство (1987).
29. В. Ф. Панова. Мальчик и девочка (1961).
30. Валерий Роньшин. Про старушку, которая выглядела как трехлетняя девочка // «Трамвай», 1991.
31. Василий Аксенов. Звездный билет // «Юность», 1961.
32. Е. А. Салиас. На Москве (1880).
33. Екатерина Завершнева. Высотка (2012).
34. Елизавета Худякова. Как корреспондент «Труда» прошла ускоренный тренинг «Как выйти замуж» // Труд-7, 2010.08.25.
35. Забытая публикация (2004) // «Журнал Московской патриархии», 2004.09.27.
36. И. К. Архипова. Музыка жизни (1996).
37. Игорь Мартынов. Дерибрюхово (1997) // «Столица», 1997.03.04.
38. Игорь Сечин. Есть ли альтернатива сценарию «50-60»? // «Эксперт», 2015.
39. К. Н. Леонтьев. Передовые статьи «Варшавского дневника» 1880 года (1880).
40. коллективный. Форум: О реинкарнации (2012).
41. Константин Воробьев. Вот пришел великан (1971).
42. Константин Серафимов. Экспедиция во мрак (1978-1996).

43. Концепция DMFC совершенствуется // «Computerworld», 2004.
44. Ксения Букша. Завод «Свобода» // «Новый мир», 2013.
45. Л. Н. Толстой. Исследование догматического богословия (1880).
46. Л. Р. Кабо. Ровесники Октября (1964).
47. Л. С. Соболев. Капитальный ремонт (1932).
48. М. А. Булгаков. Записки покойника (Театральный роман) (1936-1937).
49. М. Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонские рассказы (1883-1884).
50. М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839-1841).
51. Максим Горький. Егор Булычов и другие (1931).
52. Максим Горький. Жизнь Клима Самгина. Часть 1 (1925).
53. Маргарита Спиричева. Ученье — вред (2003) // «Богатей» (Саратов), 2003.04.10.
54. Мариам Петросян. Дом, в котором... (2009).
55. Марина Соколова. Юрий Грымов: «Мы работаем для поколения «О'кей» (2002) // «Известия», 2002.08.27.
56. Мария Давыдова. Кто в доме хозяин? (2003) // «100% здоровья», 2003.01.15.
57. Михаил Веллер. Ножик Сережи Довлатова (1997).
58. Н. А. Бердяев. Новое средневековье (1924).
59. Н. В. Кожевникова. Сосед по Лаврухе (2003).
60. Н. Н. Шпанов. Домик у пролива (1930).
61. Наталья Делоне. У истоков космической генетики // «Наука и жизнь», 2008.
62. Наши дети: Подростки (2004).
63. Никита Покровский. В зеркале глобализации // «Отечественные записки», 2003.
64. Нина Щербак. Роман с филфаком // «Звезда», 2010.
65. Осторожно! Киотский протокол! (2003).

66. Прохиндеев никто не считал. Обратная связь (2002) // «Известия», 2002.11.19.
67. Сергей Носов. Фигурные скобки (2015).
68. Сергей Семушкин. Центробанк пообещал сдержать инфляцию // Комсомольская правда, 2007.08.21.
69. Симон Соловейчик. Ватага «Семь ветров» (1979).
70. Ст. Никоненко. Несравненная Тэффи (2004).
71. Татьяна Ефимова. Скажи: легко! (2003) // «Сад своими руками», 2003.09.15.
72. Ф. И. Буслаев. Повесть о горе и злочастии, как Горе-Злочастие довело молодца во иноческий чин (1856).
73. Ф. М. Достоевский. Братья Карамазовы (1880).
74. Федор Чернин. Вячик Слонимиров и его путешествие в непонятное // «Звезда», 2002/
75. Чего опасается Путин? // РИА Новости, 2008.02.11.
76. Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 1 (1978).
77. Юрий Трифонов. Дом на набережной (1976).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Приложение 1.

КРАТКИЙ ТАДЖИКСКО-РУССКИЙ ФУНКЦИОНАЛЬНО- КОГНИТИВНЫЙ СЛОВАРЬ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ ЧЕЛОВЕКА

ПОЛОЖИТЕЛЬНО-ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА	
в таджикском языке	в русском языке
«Умный: наличие мыслительного потенциала»	
репрезентирует индивида, способного положительно задействовать свои элементарные интеллектуальные способности	репрезентирует индивида, способного положительно задействовать свои элементарные интеллектуальные способности + <i>сметливый</i>
<i>ақлдор, ақлнок, андешавар, андешаварз, андешаманд, андешанок, боақл (баақл), боақлак, боандеша (баандеша), бокалла, калладор, оқил, соҳибақл</i>	<i>адекватный, думающий, мыслящий, неглупый, разумный, разумник, рациональный, сознательный, умник, умница, умный</i>
«Дальновидный +предусмотрительный+умный: наличие ума, дальновидности и предусмотрительности»	
репрезентирует индивида, который имеет хорошо и полностью сформированный интеллектуальный механизм, сохранивший в себе все модели и варианты действий, процессов и событий, наблюдаемые и разрабатываемые в течение долгового времени. Исходя из этого, такой механизм адаптирован к распознаванию и нахождению в новых действиях и событиях моделей из своего арсенала с их возможными последствиями, а также может имплицитно создавать новые модели с наиболее вероятными (продуктивными) логическими сценариями. Такой механизм распределяется по внутренним пространственно-временным позициям.	
<i>баидулфикр, болигназар, дурандеш, дурбин, дурназар, дурнамосоз, дурнигар, жарфандеш, жарфбин, оқибатандеш, охирандеш, охирбин, пешандеш, пешбин, поёнбин, поиннигар, умқсанч, фарохандеш, фарохбин, фарчомчӯй</i>	<i>дальновидный, дальнзоркий, расчётливый, перспективный, предвидящий, предусмотрительный</i>
«Аналитик+рассудительный+умный: наличие ума, рассудительности и разборчивости»	
репрезентирует индивида, у	репрезентирует индивида, у

<p>которого когнитивный механизм сформирован для статичной и линейной идентификации задачи или обстоятельства дискретного объекта, синхронно анализируя и детализируя каждую его часть до полной и конкретной идентификации</p>	<p>которого когнитивный механизм сформирован для статичной и линейной идентификации задачи или обстоятельства дискретного объекта, синхронно анализируя и детализируя каждую его часть до полной и конкретной идентификации + <i>сметливый</i></p>
<p><i>андешакор, андешасанч, бомантик, борикандеш, борикбин, ботинбин, дақиқадон, дақиқаёб, дақиқасанч, дақиқашинос, дақиқбин, дақиқаназар, дарунбин, кунҷкоб, мулоҳизакор, мушикоф, нозукандеш, нозуксанч, нозукфаҳм, нозукхаёл, нуктасанч, нуқтадон, равшанқиёс, рамузфаҳм, умқсанч, хурдабин</i></p>	<p><i>аналитик, вдумчивый, вникающий, глубокомысленный, дотошный, логичный, мыслящий, разборчивый, рассудительный</i></p>
<p>«Сметливый+ловкий+одаренный+умный: наличие ума, смекалки и одарённости»</p>	
<p>репрезентирует индивида, имеющего потенциальной и интенсивной памяти в её функциональных и операционных мнемотехнических механизмах, и наиболее интенсивно взаимодействующая с когнитивными процессами кодирования и декодирования внешних данных (информации, сигналов).</p>	
<p><i>адофаҳм, баҳуш (бохуш), бедор, бедормағз, бедорфикр, бодаҳо, бодикқат, бозеҳн, боидрок, бофаросат, бофатонат, бофаҳм, бохуш, бошуур, гапфаҳм, гурбуз, даррок, закитабъ (закӣ), заковатманд, заковатнок, зариф, заҳин, зеҳнтез, зирак, зиракманиш, зирактабиат, зудфаҳм, калак, мудрик, нодирадон, покизамағз, пурхуш, равшанбасар, соҳибидрок, соҳибтафаррус, соҳибфаросат, соҳибфаҳм, суханфаҳм, тезвир, теззеҳн, тезфаҳм, тезфикр, тезҳуш, тундзеҳн, фаросатманд, хуршедхуш, хушзеҳн, хушфаҳм, ҳозирчавоб, ҳушёр, ҳушманд, чобукандеш (-а), чораандеш, шуурнок, чорабин, чорагар, чоракор, чорасоз, чорачӯ,</i></p>	<p><i>башка, башковитый, восприимчивый, вундеркинд, выдумщик, гениальный, гений, головастый, догадливый, дошлый, заковыристый, хваткий, изобретательный, зоркий, изворотливый, предприимчивый, переимчивый, лобастый, мозг, мозговитый, находчивый, остроумец, остроумный, прозорливый, понятливый, пронцательный, смекалистый, сметливый, смышлёный, сообразительный, толковый, угадчик, хитроумный, чуткий, понимающий</i></p>

<i>тадбирсоз, илоҷгар, тадбирандеш, тадбирчӯ, тадбиргар</i>	
«Знающий+эрудированный: наличие ума, информации и знания»	
репрезентирует индивида, который сочетает в себе интеллектуально-оперативный механизм и наиболее объективные и комплексные знания (информации и данные) об окружающей среде (знания объектов действительности, опыт, полученные в результате их научного или более конкретного изучения и обработки)	
<i>аллом, аълам, бомаълумот, босавод, донишандӯз, маълумотнок, донишандухта, донишафруз, донишвар, донишманд, доништалаб, зиёӣ, зуфунун, илмдор, илмнок, илмчӯ, олим, соҳибмаълумот, хушсавод, ҳамадон, фозил, доно</i>	<i>высокообразованный, грамотный, знаток, знающий, информированный, начитанный, образованный, осведомлённый, просвещённый, сведущий, учёный, интеллигент, эрудит, эрудированный</i>
«Мудрый+знающий: наличие мудрости и знания»	
сочетание глубоких, всесторонних знаний и устоявшего опыта оперирования интеллектуальными механизмами, представляющий собой единую адаптированную организацию (атрибут)	
<i>адабсанҷ, баландмаърифат, бинодил, бихрад, болиғдил, боманиш, ботадбир, бохабар, бохирад, волохирад, дилогоҳ, комилраъӣ, лабиб, маърифатнок, мутафаккир, оқил, огоҳдил, ориф, осмонфарҳанг, оҳистарой, пурманиш, пурхирад, пухтарой, соҳибмаслиҳат, соҳибтадбир, соҳибтафаккур, соҳибфикр, соҳибхирад, фарзон, фарзона, фарҳехта, хирадёфта, хирадманд, хирадпарвар, хирадпеша, ҳаким, бомағз, бомаърифат, бисёрмағз, пурмағз, доно, пурдон, тадбиршинос</i>	<i>высокоразвитый, интеллектуал, интеллектуальный, мудрец, мудрый, мыслитель, многоумный, премудрый, просветитель, философ</i>
«Здравомыслящий+правильный+умный: наличие здравого и правильно ума»	
репрезентирует индивида, имеющего оперативно-интеллектуальный механизм, который при функционировании не реагирует на негативно-неправильные элементы, и максимально концентрирован на производства объективных и правильных логико-мыслительных результатов	
<i>дурустандеш, покандеш,</i>	<i>здравомыслящий,</i>

<i>равшанбин, равшанфикр, ростандеш, солимақл, солимфикр</i>	<i>равшанрой, ростфикр,</i>	<i>трезвомыслящий, здравомысленный, светлоголовый, трезвый, здоровый, (здравоумный), реалистичный (реалист)</i>
«Благородный+умный: наличие ума и благородности»		
репрезентирует индивида как имеющего оперативно-интеллектуальный механизм + социальный опыт с экспрессией добра, который функционально сконцентрирован на логико-мыслительные результаты, одобряемые социумом.		
<i>андешасигол, некрой, некандеш, писандидафикр, фархундарой, дарвешсират, дарвешсифат</i>	<i>муборакандеш, хайрандеш,</i>	<i>благомыслящий, благоразумный, благорассудительный, благоумный, доброумный</i>
«Совершенный+умный: наличие достаточного совершенного ума»		
репрезентирует индивида, имеющего достаточно сформированный оперативно- интеллектуальный механизм, эффективно перерабатывающий интеллектуальные и психологические задачи		отсутствует
<i>ақлрасо, амиқулфикр, комилақл, фикррасо</i>		передаются словами из микромоделей «Мудрый...», «Здравомыслящий...», «Умный...»
«Обладатель+контролирующий+интеллект: устойчиво обладающий и контролирующий интеллектуальными способностями»		
репрезентирующие индивида, детально познавшего свои интеллектуально-когнитивные механизмы, свой опыт и знания с их функциональными особенностями, исходя из чего, доминантно контролирующий и регулирующий всеми интеллектуальными процессами		отсутствует
<i>росихдам, соҳибтафаррус, соҳобақл, соҳибмаслиҳат, соҳибтафаккур, соҳибхирад, соҳибфаҳм, соҳибмаълумот</i>	<i>соҳибназар, соҳибраъй, соҳибфаросат, соҳибтадбир, соҳибфикр, соҳибидрок,</i>	передаются словами из микромоделей «Дальновидный ...», «Умный ...», «Мудрый ...»

«Умный+думающий много: наличие ума и много мыслительных процессов»	
репрезентирует индивида, имеющего оперативно-интеллектуальный механизм с широкой функциональной системой, обрабатывающий одновременно много мыслительных задач	
<i>серандеша, пурандеша (пурандеш)</i>	<i>многодумный</i>

ОТРИЦАТЕЛЬНО-ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА	
в таджикском языке	в русском языке
«Дурак+отсталый+глупый: отсутствие мыслительного потенциала»	
не имеющий особого стимула или опыта эффективно (минимально или достаточным образом) задействовать свой элементарный интеллектуальный потенциал; нет достаточного опыта функционирования оперативно-интеллектуального механизма.	не имеющий особого стимула или опыта эффективно (минимально или достаточным образом) задействовать свой элементарный интеллектуальный потенциал; нет достаточного опыта функционирования оперативно-интеллектуального механизма + <i>несообразительный, несметливый.</i>
<i>аблах, ақлкутоҳ, ақлмухтасар, андакхирад, аҳмақ, бадкалла, беақл, бекалла⁶⁶, бемағз, бемайна, бефаросат, бехирад, бешуур, гавлоқ, говланд(-ӣ), гоҷ, гусастахирад, гарча, гуладинг, дангил, данд, каллахушк, камақл, камфаросат, камхирад, колус, кутоҳақл, лак, лода, лояъқил, лояънӣ, мағзтиҳи, маланг, мурдаақл, нобихрад, ришгов, сабуксар, сафех, сустмағз, тангмағз, тиҳимағз, тунукмағз, фағок, харбаҳо, харкала, хармағз, хирасар, хушкмағз, хушксар</i>	<i>безголовый, безмозглый, балбес, болван, болванистый, глупец, глуповатый, глупый, балда, дебил, дура, дурак, дураковатый, дуралей, дурачина, дурашливый, дурень, дурёха, идиот, малоумный, межсеумок, недалёкий, недоумок, неумный, обалдуй, оболтус, одурелый, олух, отупелый, преглупый, придурковатый, придурок, скудоумный, чурбан</i>
«Неадекватный+глупый: крайняя негативно-интеллектуальная характеристика»	
не инициируемая оперативно-интеллектуальная организация, индивид, у которого полностью отсутствует продуктивность интеллектуально-мыслительной деятельности, однако у него сохраняется интеллект как составляющий двигательного аппарата, а также сохраняется	

⁶⁶ Слова, которые компонируются с такими ядерными компонентами как *кала, мағз, сар* также хорошо функционируют и в микромодели «Несметливый...».

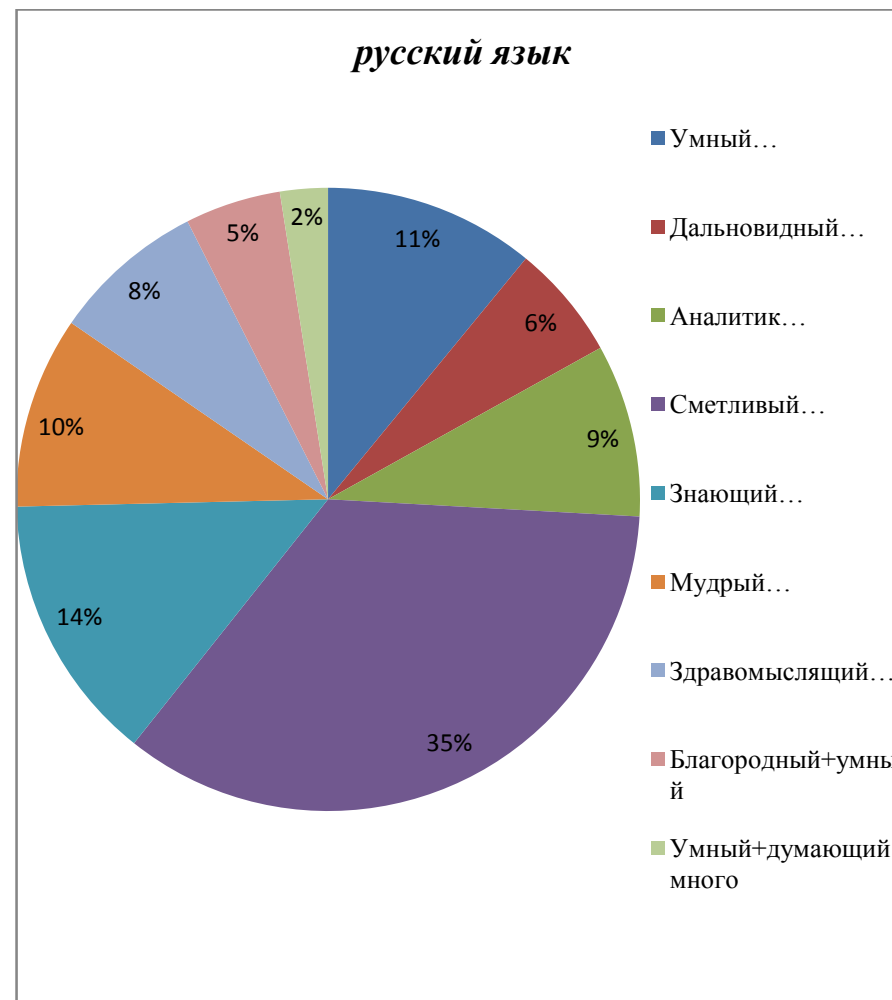
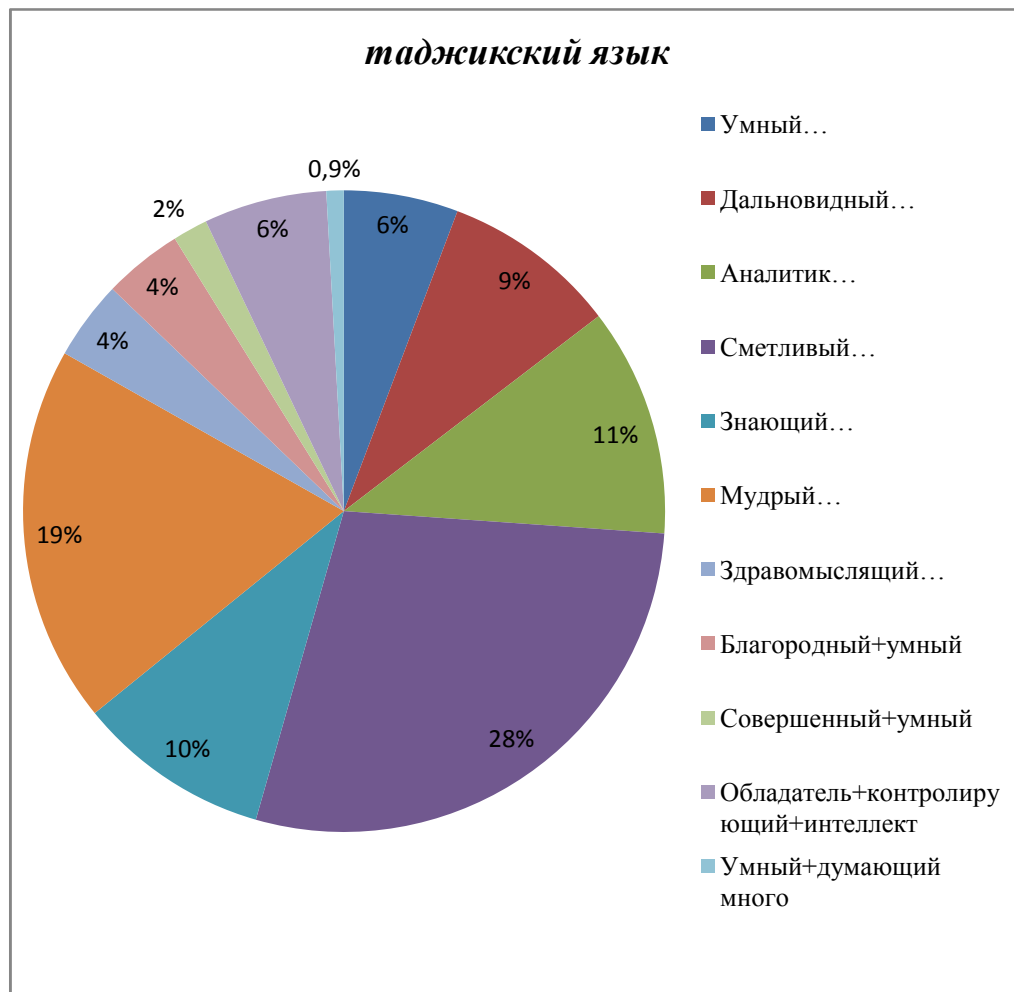
минимальный контроль за поведением.	
<i>ақлғумкарда, ақлрамида, вазьї, девона, девонаавзоь, девонатабь, девонамизоч, ноқисулақл, ошуфтаақл, ошуфтамағз, тираақл, хаёлі</i>	<i>безумец, безумный, слабоумный, умалишенный, сумасшедший, взбалмошный, сумасбродный, неадекватный, безбашенный, чудаковатый, юродивый</i>
«Несообразительный + отсталый + глупый: отсутствие потенциальной смекалки и памяти»	
репрезентирует индивида, не имеющего потенциал (мотивация и стимул) мнемотехнической организации и интенсивной памяти + слабая интеллектуально-оперативная деятельность	
<i>аной, балид, беидрок, бефаҳм, вопасмонда, гапнофаҳм, гарангнамо, гараншуда, гич, данг, дерфаҳм, казар, каллаварам, каллакаду, калтафаҳм, камидрок, камфаросат камфаҳм, камхуш, камшуур, карахт, кундақл, кундзехн, кундфаҳм, мағзпушида, нофаҳм, нохушёр, пакар, пастзехн, саргаранг, суст, сустандеш, сустфаҳм, сустрой, ҳафтафаҳм, шуридамағз, гаранг, говгаданг, гусоламизоч, гаданг</i>	<i>бестолковый, бестолковщина, бестолочь, дуб, дубина, крепкоголовый, крепколобый, заскорузлый, непроницательный, плосколобый, (тормоз), тупица, тупоголовый, тупой, туполобый, тупоумный, твердолобый (твердолоб), малопонятливый, малосознательный, малосообразительный, невосприимчивый, недогадливый, непонятливый, неразвитый, несмышленый, несмышлёный, несознательный, несообразительный, отсталый, остолоп, слабый, тугодум, тяжелодум (тяжкодум)</i>
«Наивный+глупый+несообразительный: отсутствие интеллектуальной интенсивности и сообразительности»	
репрезентирует индивида, имеющего слабую мнемотехническую и оперативно-интеллектуальную организацию с крайней инертностью.	
<i>сода, содалавх, содарафтор, гўл</i>	<i>простофиля, простак, (легковерный), дурачок, дурашка, глупышка, лопух</i>
«Нерассудительный+легкомысленный+глупый: отсутствие должного внимания к решению задач»	
репрезентирует индивида, который не концентрируется достаточным образом на контроль процесса и выработки результата своей логико-мыслительной деятельности, что лишает мыслительных процессов системности (озадаченности), а результатов – эффективности	
<i>беандеша, бемулоҳиза, бепарво, бепарвофалак, бетааммул, (бетамиз), бетаваччўх, бефикр,</i>	<i>бездумный, безалаберный, безрассудный, беспечный, беспутный, ветренный,</i>

<i>сабукандеш, сабукмагз, сабукфикр, сахлангор, тундрой</i>	<i>легкомысленный, ветренник, нелепый, неосмотрительный, непутёвый, нерассудительный, растяпа, опрометчивый, пустышка, пустяковый (пустячный), финтифлюшка, шалопутный, разиня</i>
«Недальновидный+думающий мало+глупый: минимальный, недостаточно проницательный интеллектуальный потенциал»	«Недальновидный+немудрый+глупый: минимальный, недостаточно проницательный интеллектуальный потенциал»
репрезентирует индивида, который при решении мыслительной задачи, имеющей системный и процессуальный характер (логическое завершение), его оперативно-интеллектуальная организация не идентифицирует основные, решающие факторы, формирующие сущность подобных логико-мыслительных задач (проблемы, обстоятельства).	
<i>бетадбир, камандеш, камфикр, кӯтоҳандеш, кӯтоҳбин, кӯтоҳназар, кӯтоҳфикр, майдабин, назартанг, тангназар, тангхирад, хомандеш, хомрой, хомтабъ, хомфикр, хурдандеш</i>	<i>близорукий, недальновидный, недальнозоркий, неблагоприятный, немудрёный, немудрый, непредусмотрительный, непрозорливый, неразумный, нерациональный, нецелесообразный, узколобий</i>
«Незнающий+малознающий+глупый: отсутствие необходимой информации, эрудиции»	
репрезентирует индивида, у которого оперативно-интеллектуальный механизм функционирует, однако не мотивируется освоить нужные, элементарные или специальные знания об окружающей среде, а также результаты опыта других индивидов для осуществления личных и социальных потребностей: расширения самопознания и кругозора, продуктивности своей мыслительной (интеллектуальной) деятельности.	
<i>аблаҳвор, аблаҳнамо, авом, барнос, бедониш, беилм, беиттилоъ, бемаърифат, бесавод, бехабар, гафлатбурда, гафлатварз, гафлатзада, гафлатпеша, гофил, камдон, камдониш, камилм, каммаърифат, камсавод, кӯрсавод, нодон, омӣ, пучмагз, сухтамагз, фарнос, ҳечмадон, чоҳил</i>	<i>безграмотный, бездарность, двоечник, малограмотный, митрофанушка, невежда, невежественный, недоучка, незнайка, незнающий, необразованный, неуч, профан, пустоголовый</i>
«Неправильно думающий+воспринимающий»	
репрезентирует индивида, у	отсутствует

<p>которого оперативно-интеллектуальный механизм устроен так, что логико-мыслительные результаты производятся неправильно, и имеют осознанный и неосознанный характер</p>	
<p><i>качфахм, качфикр, качнигар, качбин, качандеш</i></p>	<p>передаются словосочетаниями, фразами и словами из микромоделей «Недальновидный ...»</p>
<p>«Не имеющий постоянных свойств глубокой рассудительности + дальновидности»</p>	
<p>репрезентирует индивида, у которого интеллектуальная установка не содержит сочетания глубоких знаний и устоявшегося опыта оперирования интеллектуальными механизмами</p>	<p>отсутствует</p>
<p><i>нохирадманд</i></p>	<p>передаются словами из микромоделей «Недальновидный ...»</p>
<p>«Упрямый+несуразный+глупый»</p>	
<p>отсутствует</p>	<p>репрезентирует индивида, который интенсивно и упорно настраивает свою оперативно-интеллектуальную организацию к неправильным логико-мыслительным результатам и действиям, не подвергая свою мыслительную деятельность логико-критической проверке</p>
<p>передаются словами из микромоделей «Дурак ...»</p>	<p><i>несуразный, осёл, самодур, долдон, сумасброд</i></p>

Процентное соотношение лексики положительно-интеллектуальной характеристики таджикского и русского языков

Процентное соотношение лексики отрицательно-интеллектуальной характеристики таджикского и русского языков

